

Звезда Востока

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1932 года

Общественный совет журнала

Сирожиддин САЙИД
Раим ФАРХАДИ
Андрей СЛОНИМ
Евгений АБДУЛЛАЕВ
Николай ИЛЬИН
Анатолий БАУЭР
Вика ОСАДЧЕНКО
Баходыр АХМЕДОВ
Саодат КАМИЛОВА
Сергей МИРОНОВ

Главный редактор
Сирожиддин РАУФ

Зам. главного редактора
Клавдия ПАНЧЕНКО

Ответственный секретарь
Дилором МУРОТОВА

Редакторы
Ольга ГВАРДИНА
Елена ДОЛГОПОЛОВА

Республика Узбекистан
Ташкент

Александр ИКРАМОВ

проза

ПРИЯТНЫЕ НЕПРИЯТНОСТИ

Рассказ

– Если не выбросите сигарету, вам придется искать другую машину.

Девушка удивленно посмотрела на меня и снова затянулась. Я еле сдержался.

– Послушайте, если вам очень хочется курить, выйдите и покурите, я подожду.

– Ты че, обалдел? Там холодрыга. Потерпишь, я оплачу, – выпустила она дым мне в лицо.

– Сама вылезешь или помочь? – произнес я негромко, но зло, девушка снова уставилась на меня и снова затянулась.

Очень не люблю хамства. Я выхватил у нее сигарету и выкинул в окно.

– Вылезай!

Олег ДАНИЕЛЯН

ПОЭЗИЯ

Время сжигания смыслов

Дождик мокрыми спицами уколоть меня хочет,
В подоконник копытцами, как козленок, топчет.
Но дождя водосвятие остудит не вполне
Бытия восприятие с незадачливым НЕ...

Не печалит нимало тень привычного сплина,
Недопитость бокала, негоренье камина...
И покой опостыленный паутиной пленительной,
Я в халате застиранном, как в рубахе смирительной.

Марат БАЙЗАКОВ

проза

САМОЕ ЦЕННОЕ

Рассказы

ПИСЬМО ОТЦА

Убеди его в том, что книги красят наш серый мир в радужные цвета, а не лакокрасочный завод. Только с помощью книг он скажет девушке: «Как многое в моей жизни обесценилось без Вас, девушка». Она же, не найдя что ответить, от изумления поцелует его. Скажи ему, в конце концов, что это эффективней и дешевле, чем дарить им украшения.

Только к читающему человеку по вечерам приходит Сэлинджер и рассказывает о мальчике, оказавшемся над пропастью. А кто приходит к темному человеку? Сантехник и Свидетели Иеговы?

ПАРАДОКСЫ ЖИЗНИ

Рассказы

ПОЗДНЯЯ ЛЮБОВЬ

- Все это правда, что рассказал Иннокентий Петрович?
– А что рассказал?
– Про ваше расставание, встречу спустя 60 лет, любовь, женитьбу?
– Разумеется, правда. Скажу больше, это мое сердце меня к нему привело.
Повисла долгая пауза, дальше я не мог говорить с ними.
Просто смотрел на двух голубков – то на Танюшу-Катюшу, вернее бабу Таню, что была в окне, то на деда Кешу – и дивился.
Это были самые счастливые и влюбленные люди на земле.

Из «Московской тетради»

* * *

Как осенняя ночь – зимний день,
Свет солнца – как лунный свет...
Пробирает холод до костей,
И на встречу надежды нет.

Ожиданием больна душа;
Когда же наступишь, весна?
Когда любовь отгадывает, дрожа?
Ты, как родина, далека...

Перевод Сухбата Афлатуни

КОМПОЗИЦИОННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ПОВЕСТЕЙ СУХБАТА АФЛАТУНИ «ПЕНУЭЛЬ» И «ДЕНЬ СОМНЕНИЯ»

В узбекистанских русскоязычных повестях притчевость используется не только как способ воссоздания символики, аллегории, но и как возможность перекодирования восточных традиций, в частности, восточной кисса.

В повестях С. Афлатуни активно используется притчевость, аллегория, сентенции, авторские цитаты, образы-символы, ретроспективный взгляд на культурное наследие узбекского народа как способ художественного воплощения не только восточного стиля, но и особого способа мышления.

СОДЕРЖАНИЕ

Интервью. Р. Султанов – Ф. Раззаков.5

ПРОЗА

Александр ИКРАМОВ. Приятные неприятности. Рассказ.8
Умида КАРИМОВА. Сватовство. Очерк.56
Марат БАЙЗАКОВ. Самое ценное... Рассказы.72
Алишер ФАЙЗУЛЛАЕВ. Тайные помыслы. Рассказы.86
Мунира БАБАЯРОВА. Тайны женской души. Рассказы.102
Динора АЗИМ. Кленовый листочек в тюльпановых аллеях.
Рассказ.109

ПОЭЗИЯ

Валерий СТАХОВСКИЙ. Земная круговерть.46
Светлана СУСЛОВА. ...и след оставить на земле...69
Олег ДАНИЕЛЯН. Время сжигания смыслов.94

ПЕРЕВОДЫ

Мухиддин ОМОН. Человеком ты создан... Переводы с узбекского Б. Ахмедова, Н. Ильина, Р. Ахмедовой.60
Нарзуло БАТЫРОВ. Ковш кумыса. Рассказ. Перевод с узбекского Галины Рахматуллаевой.77
Байрам АЛИ. Товарищи по несчастью. Рассказ. Перевод с узбекского Мухаббат Юлдашевой.99
Вафо ФАЙЗУЛЛОХ. Из «Московской тетради». Перевод с узбекского Сухбата Афлатуни.105

Юлия ВЕЛИКАНОВА. Только в день возвращения наступит весна.107

НОВЫЕ ИМЕНА

Абдул МАМАЁР. Парадоксы жизни. Рассказы.49
Юрий ЯПРЫНЦЕВ. Неожиданный друг. Рассказ.63

ФИЛОСОФИЯ ИСКУССТВА

Венера ЗАКИРОВА. Концепт «время» в музыке Игоря Пинхасова.121
Татьяна ОСИНА. Бурлеск со смыслом.132
Татьяна СЕДЫХ. Творческие проекты «Согдианы».140

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА.

Дильбар ЖАББОРОВА. Образ женщины в повестях Валентина Распутина.127
Мустафа БАЙЭШАНОВ. Окрыляющая любовь или помешательство?129
Охида ЮЛДАШЕВА. Трансформация образа пленника в русской литературе.136
Го Тюной. Сатирические жанры в творчестве поэтов-«искровцев».143
Азиза БАЛТАБАЕВА. Композиционное своеобразие повестей Сухбата Афлатуни «Пенуэль» и «День сомнения». ...149

На 2-ой странице обложки журнала «Виртуальные странствия» (квартет). Композитор Игорь Пинхасов; на 3-й и 4-й страницах обложки сцены из спектакля театра «ИЛЬХОМ» «Леди на день».

Звезда Востока

2021 № 4

Учредитель

Союз писателей Узбекистана

ИНДЕКС – 831

Журнал зарегистрирован
Узбекским агентством печати и
информации
Рег. № 0296
05. 02. 2016 г.

Адрес редакции:

100066. Ташкент, пр. Бунёдкор,
Адиблар хиёбони, здание
Союза писателей Узбекистана.
тел. (71) 231-23-67

E-mail: zvezdavostoka1932@mail.ru
zvezdavostokazv@umail.uz
web-site: www.zvezdavostoka.uz

Дизайн, верстка, оригинал-макет
Ольга ГВАРДИНА

Формат 70x108 1/16. Печать офсетная.
Усл. п.л. 13,3. Уч.изд.л. 14,86
Тираж 440 экз. Заказ №
Цена договорная.

Отпечатано в типографии
ООО «PRINT REBEL».
г. Ташкент, Алмазарский р-н, ул.
Урзабаева, д. 35.

Редакция журнала уведомляет
авторов о том, что к рассмотрению
принимаются рукописи,
выполненные в компьютерном наборе
объемом **не более 50 страниц**.
Набор текста в любом формате с
приложением электронной версии и
распечатки.
**Рукописи не возвращаются и
не рецензируются.**
Письменные заключения не даются.
Мнение авторов может не совпадать
с мнением редакции.

**Перепечатка без согласия редакции
не допускается.**

**Ссылка на журнал «Звезда Востока»
обязательна.**

Copyright © «Звезда Востока»

О ШАРАФЕ РАШИДОВЕ И НЕ ТОЛЬКО О НЕМ

**Интервью Рахимжана Султанова
с российским писателем Фёдором Раззаковым**

Вышла в свет книга Фёдора Раззакова «Шараф Рашидов: Жизнь и судьба».

Можно сказать, что это третье рождение книги. В свое время она появилась в России под названием «Коррупция в Политбюро. Дело красного узбека», в 2012 году была переиздана в Москве под названием «Дело, взорвавшее СССР». Это было неожиданно, ломало многолетние стереотипы, которые успели сложиться в России за долгие годы постсоветской действительности в отношении так называемого «узбекского дела». Судьба героя тесно переплетается с непростой биографией нашей республики, да и всей огромной страны в целом на разных этапах существования: написанная как хроника событий, книга содержит интересные факты и детали, многие из которых введены в оборот впервые и по-новому освещают жизнь и деятельность выдающегося государственного и общественного деятеля Узбекистана и писателя Шарафа Рашидовича Рашидова.

– Фёдор Ибатович, ваша «Коррупция...» вышла в 2009 году, писали ее вы, наверное, раньше. Не рисковали ли Вы, взявшись за эту тему? Ведь в то время подрастающее поколение ничего не знало о Шарафе Рашидовиче, а у старшего поколения было двоякое отношение к этой личности. Хотя многие и в России, и в самом Узбекистане, и за их пределами сохранили доброе отношение к его памяти, к его благой деятельности.

– Книгу об Узбекистане я хотел написать давно и все выбирал ГЕРОЯ. Сначала я собирался писать о ком-то из выдающихся узбекских деятелей культуры, например, о Батыре Закирове. Тем более я уже успел написать несколько подобных работ, где речь идет о российских деятелях культуры: Владимире Высоцком, Алле Пугачевой, Андрее Миронове, Никите Михалкове, Леониде Филатове и др. Но в ситуацию вмешалась БОЛЬШАЯ ПОЛИТИКА.

Во второй половине 2007 года в России началась подготовка к выборам президента. Стало понятно, что В. Путин может уйти, а на его место претендовали двое – силовик Сергей Иванов и либерал Дмитрий Медведев. Естественно,

в российских СМИ началась «раскрутка» обоих, причем ЛЬВИНАЯ доля симпатий со стороны СМИ досталась Медведеву. Возникла тема коррупции – «конек» любого кандидата в президенты. Причем в своих публикациях журналисты, сторонники Медведева, обращались к советскому прошлому – к тому, как там боролись с коррупцией, вспоминали Юрия Андропова (он является кумиром либералов еще с советских времен) и, в частности, «узбекское дело». Читая эти публикации, я почувствовал, что вернулся на 20 лет назад – во времена горбачевской «одноглазой» гласности, когда «узбекское дело» называли «бескомпромиссной борьбой с коррупцией», а следователей Гдяна и Иванова объявляли «героями перестройки». Тогда-то я понял, КТО БУДЕТ ГЕРОЕМ моей книги об Узбекистане – Шараф Рашидович Рашидов, человек, ставший объектом НОВОЙ травли, уже посмертной. Я не мог смириться с такой несправедливостью, тем более что в мае 2007 г. я посетил Узбекистан, родину своего отца, и увидел ПРОЦВЕТАЮЩУЮ республику, основы процветания которой заложил именно Ш. Р. Рашидов. Осенью 2007 года я приступил к написанию книги «Коррупция в Политбюро. Дело красного узбека».

– Как вы работали? Ведь партийные и государственные архивы, которые могут пролить свет на тогдашние события и явления, до сих пор закрыты. Где и как вы находили конкретные весьма интересные факты?

– Над книгой я работал быстро и легко, будто кто-то незримый (может, сам Ш. Р. Рашидов или мой отец) помогал мне с небес. Для меня ОТКРЫВАЛИСЬ любые архивы, мне выдавали любые материалы, и я добывал нужные сведения без дополнительных усилий. Подспорьем был мой ДОМАШНИЙ архив, который я начал собирать с середины 80-х (он насчитывает несколько тысяч единиц публикаций), а также фонды государственной Исторической библиотеки и другие архивы.

В итоге книгу я закончил в апреле 2008 года, как раз после того как Д. Медведев стал новым Президентом России. Я понимал, что теперь горбачевская перестройка в той или иной форме обязательно вернется в современную Россию в качестве составного элемента пропаганды. Что «узбекское дело» либеральная общественность снова реанимирует и будет «полоскать» в СМИ. Так и вышло. По российскому ТВ стали показывать фильмы с весьма характерными названиями: «Золото для партии. Тайна Рашидовских миллионов», «Кремлёвские похороны: Шараф Рашидов» и др. И так вышло, что моя книга стала ЕДИНСТВЕННЫМ документом против этих либеральных творений. Но именно этим она и пришлась по душе людям, которые давно уже сбросили с себя морок горбачевской перестройки и понимали, что подоплека «узбекского дела» лежит совершенно в иной плоскости. Моя книга фактами ПОДТВЕРДИЛА эти догадки. А тут еще газета «Советская Россия» согласилась опубликовать мою большую резонансную статью «Спрятанная правда “узбекского дела”».

– Что привлекает вас в личности Шарафа Рашидова? Какие его качества вам больше всего импонируют?

– Первые сведения о личности Ш. Р. Рашидова я получил от своего отца, который высоко ценил этого человека. Вообще в политике у отца было два кумира – Сталин и Рашидов. В детстве мне было непонятно, почему отец остановил свой выбор именно на них. Но теперь я прекрасно это понимаю. Оба они были ГОСУДАРСТВЕННИКАМИ, хотя методы при этом использовали разные, именно за их ГОСУДАРСТВЕННУЮ позицию до сих пор добрым словом их вспоминают миллионы людей.

Практически каждый год с момента моего рождения, с 1962 г., отец возил нашу семью к себе на родину – в Узбекистан. Наша родня жила в кишлаке под Бухарой и знала о Ш. Р. Рашидове не понаслышке. Дело в том, что в разные годы Шараф Рашидович неоднократно приезжал в колхоз, председателем которого был одноклассник моего отца Очил Муминов. Мы часто бывали у него в доме, и я слышал, как Очил-того рассказывал отцу об очередном приезде Шарафа Рашидовича, о том, как они ходили по хлопковым полям, как пили чай на колхозном полевом стане. Тогда я не придавал значения этим рассказам, однако в памяти эта информация откладывалась, чтобы много лет спустя стать основой для моей книги о Ш. Р. Рашидове. Кстати, когда «Коррупция в Политбюро...» вышла в свет, я отправил один экземпляр Очилу-того, который сделал мне «кайтарыш» – подарил свою книгу воспоминаний о Ш. Р. Рашидове.

– Как вы относитесь к мнению о том, что Ш. Р. стал жертвой системы, которой служил верой и правдой? Почему, по вашему мнению, так произошло?

– Когда я писал свою книгу, я ЗАНОВО открывал для себя личность Ш. Р. Рашидова. К тому положительному облику, который сформировался в моем сознании на основе рассказов отца и его друзей, стали добавляться новые штрихи. Например, известно, что Ш. Р. Рашидов 22 года просидел в «предбаннике» высшего партийного ареопага СССР – был кандидатом в члены Политбюро. В советской истории это ЕДИНСТВЕННЫЙ (!) подобный случай. Спрашивается, почему же его так и не сделали ПОЛНОПРАВНЫМ членом Политбюро? Неужели он был хуже остальных его членов? Конечно же нет. Он был ЛУЧШЕ многих, и именно за это его и опасались вводить в высший ареопаг. Ведь Рашидов был не только государственным и партийным деятелем (таких было много), он еще был МЫСЛИТЕЛЕМ и ИНТЕЛЛИГЕНТОМ, человеком энциклопедических знаний. Следует добавить также, что он был ФРОНТОВИКОМ – человеком, понюхавшим пороха. Поэтому не случайно, что, когда таких фронтовиков в советском Политбюро не стало (последними были Ш. Рашидов и Г. Романов), Советский Союз вскоре распался. Система, которая устраняет героев и выводит на авансцену антигероев, обречена на гибель. «Узбекское дело» для того и затевалось, чтобы лишить систему опоры, расшатать ее и ликвидировать, а вовсе не обновить.

– Как вы думаете, это заслуга президента Шавката Мирзиёева – возвращение в народную память имени и дела Шарафа Рашидова в Узбекистане? Отмечаются дни его рождения, регулярно выпускаются о нем телевизионные передачи и книги, переиздаются его произведения, в том числе его поэзия, чего раньше не было.

– Возвращение из небытия имени и дела Ш. Р. Рашидова в Узбекистане – это ЗНАМЕНИЕ времени. Как говорили древние мудрецы, самая очистительная вода в реке по имени Время. Сегодня мы наблюдаем, что воды этой реки, долгие годы омывавшие подножие памятника Ш. Р. Рашидову, ОЧИСТИЛИ его лик. Хотя история (в том числе и советская) знает такие примеры, когда один правитель, очерняя другого, сам впоследствии становился жертвой. Этот бумеранг способствовал разрушению страны. Узбекистан идет по другому пути. Первый Президент И. А. Каримов вернул из небытия древнего правителя Темура и сохранил добрую память о Ш. Р. Рашидове. Нынешний Президент Ш. М. Мирзиёев сохранил преемственность. Такая преемственность в политике – крепкий фундамент для грядущих достижений Узбекистана.

ПРИЯТНЫЕ НЕПРИЯТНОСТИ

Рассказ

Александр ИКРАМОВ

В предновогодние дни все бурлит, шумит, готовится к празднику, а 31 декабря – день, когда пассажиров больше всего: всем нужно такси. И платят хорошо.

В аэропорт я ехать не хотел, но попался пассажир настойчивый. Парень торопился встретить свою невесту и уговорил с условием, что я с ними вернусь в город. В аэропорт мы приехали вовремя. Я пристроился на стоянке, но через некоторое время парень вернулся. Самолет задерживается! Парень щедро расплатился, и я поехал к стоянке такси, надеясь перехватить какого-нибудь пассажира. Не пустым же возвращаться! Мне нужен был хоть какой-нибудь клиент. Подъезжая, я увидел весьма привлекательную девицу, подходившую к дороге. Водители стали делать на нее стойку, надеясь, видимо, на хороший куш. Но девицу что-то не устраивало в аэропортовских таксистах: не доходя до стоянки, она шагнула на проезжую часть. Прямо мне под колеса. Я резко затормозил, а девица приоткрыла дверь и спросила:

– В город подбросите?

Я едва успел кивнуть, как девица плюхнулась на переднее сиденье.

– Там мой чемодан, – мотнула она головой назад.

Я вышел из машины и увидел огромных размеров чемодан на тележке. Я человек не слабый, но поднял его с трудом. В багажник он еле поместился. Машина покатила из аэропорта. На трассе стало свободнее, и я немного расслабился. Оцениваяше взглянул на девицу: длинное, до лодыжек, шикарное меховое манто из шкуры неизвестного зверя, сапоги до колен, короткая мини-юбка. Девица сидела, закинув ногу на ногу, манто распахнулось, и я залюбовался длинными стройными ногами.

– На дорогу смотри, – неожиданно хрипло сказала она.

Я уперся взглядом в дорогу. Через несколько минут девица вытащила сигареты и закурила.

– Не курите, пожалуйста, в машине, – попросил я.

Я действительно не выношу запах табачного дыма. Девица мельком взглянула в мою сторону и снова затынулась. Я резко съехал на обочину.

– Выбросьте, пожалуйста, сигарету, очень вас прошу.

– Давай крути баранку, мне некогда.

– Если не выбросите сигарету, вам придется искать другую машину.

Александр ИКРАМОВ (Рустам Рахимов). Родился в 1960 г. в Ташкенте. Окончил ТашМИ, преподавал в Академии МВД РУз, подполковник. Публиковался в журнале «Звезда Востока».

Девушка удивленно посмотрела на меня и снова затаилась. Я еле сдержался.

– Послушайте, если вам очень хочется курить, выйдите и покурите, я подожду.

– Ты че, обалдел? Там холодрыга. Потерпишь, я оплачу, – выпустила она дым мне в лицо.

– Сама вылезешь или помочь? – произнес я негромко, но зло, девушка снова уставилась на меня и снова затаилась.

Очень не люблю хамства. Я выхватил у нее сигарету и выкинул в окно.

– Вылезай!

Девушка как будто бы испугалась, но ее дальнейшая реакция стала полной неожиданностью: она вдруг скривилось и зарыдала. Она плакала как ребенок, всхлипывая и размазывая слезы по щекам. Я растерялся.

– Извините, может, я немного погорячился... Но, поймите, я не выношу дыма.

– А я успокоиться не могу, понял? – вдруг зло выкрикнула она. – Чего за руки хватаешь? Давай поехали!

Я вздохнул и покачал головой. Ладно, поехали. Дальше всю дорогу мы молчали. Я злился на себя. Попалась же психопатка!

Не раз она пыталась дозвониться до кого-то. Набирала два номера, но никто не брал. Девушка злилась. Так тебе и надо! Ладно, довезу ее и поеду домой Новый год встречать. Мама уже, наверное, стол накрыла.

Адрес она назвала невнятно, но эти элитные дома знали все в городе. Мы подъехали к воротам, вышел охранник, она что-то сказала ему, и мы въехали во двор большой многоэтажки, подъехали к подъезду, на который она указала. Я вышел из машины и вытащил чемодан, снова поразившись его тяжести.

– Донесите до квартиры, – заявила она, – я доплачу. У чемодана колесо сломалось.

– Извините, я не носильщик, попросите прислугу. Давайте рассчитаемся.

Насчет прислуги я, конечно, пошутил. Вряд ли сейчас можно было бы найти кого-то, кто не праздновал. Конечно, есть охранник, но пост свой он, скорее всего, не оставит.

Девушка замялась:

– У меня деньги в квартире, с собой ничего. Поднимемся – расплачусь.

– Сбегайте, я подожду. Заодно, может, найдете кого-нибудь чемодан дотащить.

– Похоже, мужа нет дома. Я пыталась дозвониться, но он не отвечает.

Пожалуйста, помогите.

Тон уже был другой. Человеческий.

В подъезде сидела консьержка.

– Добрый вечер – поздоровалась она.

– Добрый... – небрежно кивнула девушка и гордо прошагала мимо.

– С наступающим вас, – отдуваясь, пропыхтел я.

– Спасибо, и вас тоже, – ласково закивала мне консьержка.

Мы поднялись в лифте на бог знает какой этаж. Девушка подошла к электрическому щитку и, заглянув в него, растерянно обернулась:

– Ключа нет... Должен быть здесь.

Подойдя к двери, она стала звонить, в ответ – тишина. Девушка снова набрала номер по телефону. В глубине квартиры едва уловимо послышался звонок. Никто не ответил. Снова позвонила, теперь уже, видимо, на мобильный, но... «Аппарат выключен, либо находится...»

– Ничего не понимаю...

Она окончательно растерялась, не зная, что делать.

– Может, кого-то из соседей спросить?

– Я никого не знаю, две недели как переехала сюда.

– Родственники, друзья, знакомые? У кого он может быть?

– Я никого не знаю, знакомых или друзей здесь нет. А друзей мужа я еще не знаю. Его родственников тоже здесь нет.

– Задача... Так... А консьержка?

На лице девицы наступило просветление, она бросилась к лифту. Я, оставив чемодан, едва успел забежать за ней в лифт – она уже нервно нажимала на кнопку. Консьержка смотрела по телевизору праздничный концерт и недовольно поморщилась, когда мы ворвались.

– Откуда я знаю, где ваш муж! – консьержка отвечала с достоинством и свысока, видимо, припомнив обиды и унижения, которые ей приходилось иногда тут терпеть. – Он уехал еще вчера. Ключей не оставлял.

В большом и теплом подъезде был закуток с двумя креслами и небольшим журнальным столиком. Моя пассажирка обессиленно свалилась в одно из кресел. Было видно, что она действительно не знала, что делать. Я сел рядом. В общем-то можно было плюнуть на все, потребовать расчет и уехать. В конце концов, не мои это проблемы. Да и сама девица с ее высокомерием и наглостью не вызвала особой жалости. Однако что-то меня удерживало.

– Ладно вам расстраиваться. Он знал, что вы прилетите? В аэропорту-то он вас не встретил!

– Нет, не знал. Я случайно вернулась раньше.

– Знаете, я бы, честно говоря, лучше порадовался, что его действительно нет дома. А то приезжает жена из командировки раньше времени, а муж в это время... – я осекся. – Послушайте, сегодня Новый год, ну, наверное, пошел куда-нибудь, может, в клуб, ресторан. Он же не знал, что вы прилетите?

– Не знал. Я должна была отмечать Новый год на море. Сначала мы должны были полететь вместе, но у него на работе случился форсмажор, и я вынуждена была полететь одна. А там у меня тоже возникли неприятности, я и вернулась. Наверное, вы правы, он сейчас празднует где-нибудь в клубе или ресторане. Не будет же он сидеть один в пустой квартире!

Пассажирка успокаивалась, лицо ее приняло осмысленное выражение.

– Послушайте, доведите меня до отеля, там я с вами рассчитаюсь. У меня деньги на карточке, а там наверняка есть банкомат. Уж извините...

Вздыхнув, я посмотрел на часы. Время еще было.

– Ладно, схожу за чемоданом.

* * *

Отель сиял праздничными огнями. Портье встретил нас широчайшей улыбкой.

– Добро пожаловать, с наступающим Новым годом. Желаете номер? Оплата карточкой?

Но через минуту улыбка сползла с его лица.

– Простите, ваша карточка заблокирована.

– Что?! Не может быть!

– Но это так. У вас нет другой? Есть? Прекрасно... Простите, но и эта карточка недействительна. Больше карточек нет? Простите, ничем не могу помочь, – портье смотрел на нас уже подозрительно.

Моя пассажирка была окончательно раздавлена. Она стояла как оглушенная и ничего не могла сказать. Я с трудом довел ее до кресла.

– Ничего не понимаю... – шептала она, – ничего не понимаю...

Внезапно она вновь разрыдалась. Люди вокруг с удивлением оглядывались на нас. Праздничный день – и слезы. Охранник напрягся и стал пробираться к нам, но я сделал убедительный жест рукой, и он остановился.

– Прекратите плакать. Сейчас что-нибудь придумаем.

Она подняла заплаканные глаза, и я увидел в них решительность: передо мной была не слабая, молодая, изнеженная девица, как я думал вначале, а взрослая, уверенная в себе женщина. Она вытерла глаза.

– Спасибо вам за все. Простите меня. Просто как-то все навалилось. Вам нужно уезжать, я понимаю. Праздник... Вот сережка, она дорогая, если вы ее продадите, то оправдаете все расходы с лихвой. Спасибо еще раз.

Она вынула из уха золотую серьгу с маленьким бриллиантом и отдала мне.

– А вы что будете делать?

– Не знаю. Буду сидеть здесь до утра. А утром что-нибудь решится. Дозвонюсь до мужа.

– А если и завтра не дозвонитесь? Он же мог уехать куда-нибудь на два-три дня. У вас же нет ни копейки!

– Ничего, завтра продам вторую сережку и поживу в отеле, пока все не прояснится.

– Завтра ювелирные магазины не работают. И вы снова останетесь на улице. И как это ваши карточки оказались заблокированными?

Видимо, этот же вопрос терзал и ее.

Я посмотрел на часы. 22.30, пора домой, а то мама будет волноваться. Внезапно я принял решение:

– Вот что, поехали со мной. Я приглашаю вас в гости. Новый год все-таки.

– Куда?

– Ко мне домой.

Увидев, что она собирается отказаться, я опередил ее:

– Дома мама, папа и праздничный стол. Жены и детей нет, так что никто ревновать не будет. А мои родители будут только рады.

– Нет, спасибо, я куда не поеду, – перебила она меня. – С вами я рассчиталась. Еще раз спасибо большое, но мне больше ничего не нужно.

– Да? – пошел я на хитрость. – А если завтра мне скажут, что эта сережка третьего дня была снята с убитой женщины? А вас уже и след простыл. И доказывай потом, что ты не верблюд. Нет уж, завтра сами продадите сережку, рассчитаетесь деньгами, а там и до свидания.

Кажется, она поняла мою хитрость и улыбнулась.

– Сережка не краденая. Мне просто очень неудобно... Ну хорошо, если вы настаиваете...

– Настаиваю, – появилось у меня уже игривое настроение. – Поехали!

Не слушая возражений, я решительно потащил ее к стоянке. По дороге познакомились. Ее звали Карина, а мужа – Вадим. Родом она с Кавказа, но прожила всю жизнь в Сибири. У нее своя фирма. Через два месяца знакомства с Вадимом они расписались, свадьбы пока не было. Переехала сюда, к мужу. Квартира, где мы были, – его. Ключ был один, и они договорились, что пока будут оставлять его в шитке, а потом он сделает дубликат.

К дому подъехали уже в одиннадцать. Мама открыла сразу. Ждала.

– Мама, знакомьтесь, это Карина.

Мама у меня молодец, никаких вопросов. Раз сын привел девушку, значит, она хороший человек, а все остальное неважно. Отец даже не удивился.

Наоборот, обрадовался. Представился, представил маму.

Дальше был праздник. Выпили. Я не пил, хотел еще поездить после встречи Нового года. На столе стояли вкусности, в воздухе витали умопомрачительные запахи. Карина призналась, что уже вторые сутки не ела. Это разрядило обстановку. Мама сама наполнила ей тарелку и обшались с ней как со старой знакомой.

В двенадцать дружно встретили Новый год. Тосты, пожелания. Много смеха, шуток. С Кариной было легко. У них с мамой даже появились свои женские секреты от нас с отцом. В час ночи я поднялся и сказал, что еду работать. Никто меня не удерживал, только мама попросила быть осторожным.

Клиентов на улице было много, и я не оставался пустым ни на минуту. Только к утру немного затихло. Домой я вошел, открыв дверь своим ключом, но мама не спала. Ожидая меня, она коротала время за телевизором.

– Я постелила тебе на диване, а в твоей комнате – Кариночке.

Нормально... Я уже лишился комнаты!

– Бедная девочка, как она настрадалась!

Значит, о чем-то они уже поговорили, уже что-то она о ней знает. Но это все завтра. Вернее, сегодня, но позже. Я укрылся одеялом и провалился в сон.

* * *

Проснулся я от шепота. Мама и отец ругались. Ну как бы ругались. Отец хотел включить телевизор, а мама не давала. Отец бурчал, что мама всю жизнь не дает ему дышать, а мама в ответ ласково отвечала, что он сгубил ее молодость, и если бы не он, то она бы сейчас... Тут проснулся я. Оба замолчали. Затем мама прошептала уже нам с отцом:

– Не разбудите Кариночку!

Я долго плескался под душем в ванной. Когда вышел, стол снова был накрыт, а родители торжественно пили чай. Карина еще спала. Я сел за стол и стал наворачивать вчерашние деликатесы. Только я перешел к маминему знаменитому «пражскому тарту», на пороге появилась сонная Карина, она долго извинялась, объясняла, что очень устала – перелет был длинным, но мама прервала ее, погнав в ванную – и за стол. Минут через пятнадцать Карина вернулась. Теперь я мог внимательно ее рассмотреть. Сразу отметил красивые серые глаза, выразительные и светлые. Правильный овал лица, прямой нос, пухлые губы, черные вразлет брови...

Сегодня при свете дня и без краски Карина была на удивление красива. Отец тоже отметил это и подмигнул мне.

– Красивая. На нашу маму похожа, правда? – шепнул он.

Я кивнул головой.

Вскоре я узнал, что Карина едва не утонула на море. Я попросил рассказать, как это произошло, а заодно и о себе. Вздохнув, Карина поведала следующее.

Отец Карины и мама родились и выросли на Кавказе, но потом переехали в Сибирь, там отец начал свой бизнес. Два года назад родители погибли в автокатастрофе. Теперь она сирота. Конечно, у нее много родственников, но отец женился против воли семьи, и семья вычеркнула его из своей жизни. Так же отнеслась к браку и семья мамы. Прошли годы, но теперь отец не хотел идти на примирение с родственниками. Он стал успешным бизнесменом, отправил Карину учиться в Англию, поэтому она до сих пор знает своих родственников только по фотографиям. Когда родители погибли, никто не приехал на похороны, хотя Карина отправляла телеграммы. Вернувшись из Англии, она взяла бизнес отца в свои руки. Постепенно освоилась, фирма отца снова набрала

силу и стала процветать. С родственниками Карина по-прежнему не общалась. А два месяца назад в ее жизни появился Вадик. Высокий, стройный, умный. Познакомились случайно. Он прилетел по делам своей фирмы в их город. Очень красиво ухаживал и сразу очаровал Карину. Через неделю признался в любви и два месяца добивался ее руки. Перед отлетом домой сделал ей предложение. Объяснил, что дольше не может находиться здесь. Ему нужно возвращаться. И Карина согласилась. Расписались. Приехали сюда, к нему. Должны были лететь вместе в свадебное путешествие, но перед отъездом у Вадика возникли непредвиденные обстоятельства на работе. Он вынужден был остаться. Отдых был уже оплачен, не хотелось, чтобы он пропал. Вадик уговорил Карину лететь. В самолете она сидела в бизнес классе, но когда решила немного пройтись по салону, неожиданно повстречала старую подругу Наташу. Когда-то вместе учились в школе. Здесь, в самолете, познакомилась с Димой – мужем Наташи.

Всю дорогу они не могли наговориться, вспоминали детские годы и школу. Когда прилетели, решили, что обязательно встретят Новый год вместе. Карина уехала в свой отель, а Наташа с мужем к себе. Карину в отеле ждал сюрприз от Вадика. Он заказал прогулку на яхте, которая должна была состояться через два дня, двадцать восьмого декабря. Карина пригласила Наташу и ее мужа. Было очень весело, всю дорогу смеялись и дурачились. Приехали в какую-то бухту, где стояло несколько яхт с такими же отдыхающими. Набултыхались, наныряться в чистой, прозрачной, очень теплой воде, получили массу удовольствия. После обеда Карина решила еще раз окунуться, перед тем как яхта направится в отель. Она нырнула и поплыла. Наташа и Дима оставались на яхте. Именно Дима обратил внимание, что Карины не видно. Все всполошились, команда кинулась искать Карину. Недолго думая, Дима нырнул. Он занимался раньше дайвингом, хорошо плавал, поэтому сумел найти Карину, лежавшую на песчаном дне на глубине почти шесть метров. Он схватил ее за руку и поднял на поверхность. К счастью, Дима успел вовремя – Карина не успела захлебнуться. Сердце билось. Она быстро пришла в себя. Ее уложили в каюте на диванчик, и яхта развернулась к отелю.

Карина хорошо плавала, но в какой-то момент почувствовала, что какая-то сила увлекла ее вниз, на дно. Было ощущение, что кто-то потащил вниз. От испуга и неожиданности она не успела глубоко вдохнуть и, немного побарахтавшись, потеряла сознание.

Наташа не отпустила ее. Оставила у себя в отеле. Два дня ухаживала за ней. На море Карина больше оставаться не захотела. Страх перед водой и осознание, что едва не погибла, не давали успокоиться. Она хотела домой, к мужу. Наташа не отговаривала, понимая состояние подруги. Дима поменял билет на 31 декабря. Оставалось забрать вещи из отеля. Но Карина была еще слаба, и Дима обратился в полицию, полицейский с помощью персонала отеля забрал вещи. Дима и Наташа проводили до самолета...

* * *

После застолья Карина вновь взялась за телефон. Как и вчера, никто не отвечал. Лицо ее все больше мрачнело. Она помогла маме помыть посуду, что явилось для меня откровением. Я думал, что такая девушка никогда не встречалась с раковиной и тем более с грязной посудой. Но Карина легко справилась. Потом поблагодарила нас за гостеприимство и собралась уходить.

– Каринушка, куда же вы пойдете? – удивилась мама. – Вы же не дозвонились.

– Я и так злоупотребляю вашим гостеприимством. Пойду пока в отель, а там, наверное, и муж уже вернется.

– Каринушка, но у вас же нет денег?

– Я продам сережку.

– Мне кажется, это не очень хорошая идея, – вмешался отец. – Вам лучше побыть у нас, пока не найдется ваш муж. Дозвонитесь, а там и поедете.

Начались возражения, уговоры, и я решил поставить точку.

– Простите, но вы, кажется, еще не рассчитались со мной?

– Я же дала вам сережку... – удивилась Карина.

– А я вам сказал, что она может быть краденой. Так что дозвонитесь до мужа, он привезет деньги – тогда до свидания. А пока вы под арестом.

– Убийственный аргумент, – засмеялся отец, – возразить нечего. Так что, Кариночка, садитесь и, как говорится, будьте как дома.

Карина развела руками.

Я уехал по делам и вернулся только во второй половине дня. На улице смеркалось. Лицо у Карины оставалось тревожным.

– Не дозвонились?

– Нет.

– Ну не расстраивайтесь! Уехал куда-нибудь за город, телефон или не берет, или отключил, чтобы не беспокоили. О вашем приезде он даже не догадывается. Ключи увез с собой. Куда он мог поехать, вы не знаете. Значит, надо сидеть и ждать. Периодически звонить.

– Спасибо, успокоили меня. Вы, наверное, психолог... Говорят, все таксисты хорошие психологи.

– Он опер. А все опера – тоже хорошие психологи, у них мозг так устроен.

– Кто, простите?

– Опер! – и мама выложила обо мне все.

Да, я бывший «мент». Хотя ментов бывших не бывает. В общем, мама всю мою биографию, включая трудовую жизнь, рассказала. И почему я, молодой и здоровый, нахожусь на заслуженном отдыхе, проще говоря, на пенсии.

Полтора года назад, возвращаясь вечером с работы, увидел, как трое избивают человека. Палками и ногами. Выскочил из машины и бросился к ним. И только потом рассмотрел: бьют гаишника – рядом валялась форменная фуражка.

– Стоять! – заорал я и выхватил пистолет.

Один из нападавших развернулся и замахнулся битой. Я уклонился от удара и, падая, выстрелил. Попал в плечо. Нападавший упал и затих. Двое других бросились бежать. Я не стал их преследовать. Одного взял – остальных вычислим. Позвонил в скорую, вызвал наряд. Быстро приехавшая скорая оказала помощь обоим пострадавшим – и капитану-гаишнику, с травмой черепа, и раненному мной – и увезла в больницу. Приехали следователь, опера из соседнего отдела, допросили меня. Я написал рапорт и, уставший и измотанный, поехал домой.

Чудеса начались буквально на следующее утро: начальник показал заявление на меня. Оказывается, я не преступника задержал, а случайного водителя, который, проезжая мимо, увидел, как двое избивают сотрудника полиции, и попытался ему помочь. Он даже сумел выхватить у одного из нападавших биту, но в это время подъехал я и стал угрожать пистолетом. Пострадавший подумал, что я тоже бандит, и хотел меня ударить, но я выстрелил в него из пистолета и ранил. Хорошо, что в плечо и пуля навывлет! А ведь мог убить! А преступники в это время убежали, а я даже не пытался их преследовать.

Вот такие чудеса. Если бы я не видел своими глазами, как он размахивал битой и опускал ее на голову капитана, я бы тоже, наверное, поверил

написанному. Чувствовалась опытная рука адвоката.

А через два дня раненного мной бандита выпустили. Он все сумел объяснить: и как очутился на месте происшествия, и каким образом бита оказалась в его руках. Отсюда и отпечатки пальцев на бите. И что нападавших не знает. В общем, невинная овечка. Да, он не отрицает, что был слегка выпивши, согласен заплатить штраф, но и в таком состоянии он не мог проехать мимо, когда избивали сотрудника полиции. То, что я написал в рапорте, – ошибка. Конечно, он не заявлял, что я умышленно стрелял в него, просто «произошла ошибка». Это случайность. Бывает, но разобраться в правомерности применения оружия не мешало бы. В общем, намек.

Капитан после трепанации черепа находился в коме, ничего рассказать не мог. Рядом с ним все время были жена и две старших дочери. На работе о нем говорили как об одном из лучших работников и, самое главное, как о честном человеке. Прогнозы врачей были неутешительны. Жить будет, но работать не сможет. Пенсия по травме и инвалидность – итог трудовой деятельности. Но могло закончиться и хуже. Так что хорошо, что жив остался. Правда, предстояло еще длительное лечение. Да и мозг такое сложное дело... Еще неизвестно, какие последствия будут.

Капитан не помошник. Ему самому нужна была помощь.

Я понял, что мне придется самому вытаскивать себя из дерьма Покоя не давал вопрос: почему капитан их остановил?

Случайно увидел, что у соседей в РОВД стоит тот самый джип, который останавливал капитан, его перегнали во двор, и он спокойно стоял там все время, пока хозяин был в больнице. Что-то подсказало мне, что разгадку нужно искать в машине. Начальник пошел навстречу. Осмотр вел молодой следователь и местные эксперты. Я наблюдал рядом. Осмотр вели тщательно, но не верили, что можно что-то найти. И вдруг в салоне, под сиденьем водителя, под утеплителем – опачки!.. – анаша. Но на срок не тянет. Пока следователь, эксперты и понятые фиксировали это, я оказался у открытого багажника. Мое внимание привлекла небольшая щель в обшивке. Осторожно потянул – и открылась потайная норка, а в ней пакет. Обычный целлофановый, ничем не примечательный. Внутри – деньги. Много денег. Я взял его и отошел от машины. Никто не обратил внимания, что у меня в руках появилось сумка.

Я писал объяснительные, доказывал, злился, но все впустую. На меня вешали неправомерное применение оружия. Очень хотелось кое-кому меня посадить. Но все решил генерал. Он дал негласное указание, и меня тихо спроводили на пенсию, благо заслуги хватало. Я, конечно, был благодарен генералу, но обида кипела.

Через некоторое время я «случайно» зашел к капитану в палату, и его жена вдруг получила через медсестер пакет от неизвестного с крупной суммой в евро. В записке говорилось, что это на лечение. Жена сначала не хотела брать, думала, что эти деньги – отступные от этой мрази, но я убедил ее взять их на лечение. Капитану сделали еще одну дорогостоящую операцию в хорошей клинике. Повторная операция прошла удачно, вскоре капитан вышел из комы. Долгое время он ничего не мог вспомнить, но потом память частично вернулась. Капитан вспомнил, как он остановил машину: трое находившихся в ней молодых людей показались ему пьяными. В салоне был явный запах анаши. Молодые люди пытались откупиться. Капитан отказался от денег и потребовал перегнать машину на штрафстоянку. Но, видимо, это не входило в планы молодых людей, и они вышли из машины. При попытке задержать их и вызвать наряд один из них

нанес капитану удар битой по голове. Капитан упал, а вот что было дальше – не помнит. Впрочем, этих показаний оказалось достаточно, чтобы возобновить расследование. Еще раз допросили того, в которого я стрелял. Он все отрицал. Но опера проявили настойчивость и вскоре вышли на его дружков, что были с ним в тот день. Выяснили, что за полчаса до преступления их троих видели в баре распивающими водку. На очной ставке я уверенно опознал двоих нападавших. Алиби у них не было, и всех троих взяли под стражу. Потом был суд, их осудили, но обида не отпустила. Я не вернулся.

Некоторое время переживал, нервничал. Но успокоил отец. Как-то попросил съездить в сервис посмотреть, что с его машиной. Я съездил. Через день отец попросил отвезти маму к подруге. Я отвез. Мама осталась, а мы с отцом поехали домой. По дороге голосовали люди. Отец предложил их подвезти. Подвезли. Отец взял деньги. Потом еще взяли пассажиров. Дома отец положил на стол заработанные деньги и поздравил с первым рабочим днем. Так и пошло. Пенсии хватало, да и у мамы с отцом были неплохие пенсии. Поэтому о деньгах я не думал.

Такая вот история. Мама еще рассказала о моих командировках в «горячие точки», об ордене и медали, но я говорить об этом не люблю.

* * *

С утра мы поехали на квартиру Карины, вернее, ее мужа Вадика. Квартира снова отозвалась тишиной. Третий день никого. Телефон все так же звонил в квартире. Уходя, я взглянул на консьержку. Это была другая женщина. Поздоровался и спросил, где та, которую мы видели в прошлый раз. Поинтересовался, не приходил ли кто-нибудь в квартиру.

– А у вас что, ключей нет? – спросила консьержка.

– Да так получилось, что нет. Вот ее муж уехал отдыхать, а ключики не оставил.

– А вы сходите в контору. Там управдом. У нее должны быть запасные ключи от всех квартир.

Мы переглянулись.

В конторе только в одной из комнат обнаружилимоложавую женщину, кутавшуюся в платок. Объяснили ситуацию. Карина показала паспорт с регистрацией брака.

– Да я помню вас, – засмеялась женщина, – видела, когда вы приехали к нам. И Вадима, мужа вашего, помню. А вы что, забыли что-то в квартире?

– Вообще-то мы живем там, – удивилась Карина.

– Так вы продлевать будете аренду?

– Какую аренду?

– Ну как какую? У квартиры хозяин есть. Он сейчас в Америке. А квартиру сдает. Вот последним ваш муж снимал ее.

Карина растерянно оглянулась на меня.

– Простите, а как давно арендована квартира?

– Три месяца. Через два дня срок кончается. А муж ваш уже тридцатого, перед Новым годом, ключи занес. Сказал, что вы уезжаете.

– Значит, ключи у вас? Мы можем в квартиру попасть?

– Ну, формально, она еще ваша два дня. Вот ключи.

Квартира была огромная, двухуровневая. Наверху спальня. Карина прошлась по квартире и сразу отметила, что никаких вещей – ни ее, ни Вадима – нет. В ванной перед отъездом оставались кое-какие косметические принадлежности.

Их тоже не было. Кто-то тщательно собрал и унес все. Карина ходила потерянная. Значит, все правда. Квартира больше не принадлежала им. Остаться здесь Карина не захотела.

Когда мы отнесли ключи в контору, я попросил показать документы. Среди них была ксерокопия паспорта Вадима, а там – страничка с его пропиской.

* * *

Дома мы попытались сложить все пазлы кроссворда, но многое не сходилось.

Больше всего меня беспокоил вопрос, где Вадим и почему ключи уже тридцатого декабря он сдал, не предупредив Карину. Историю с арендой можно было бы объяснить тем, что парень хотел произвести впечатление, привезя молодую жену в шикарную квартиру. Но зачем было врать, что это его квартира?

И еще одна маленькая деталь: квартиру он арендовал до того, как познакомился с Кариной. Получается, снял квартиру и уехал на два месяца. Зачем? Значит, знал, что вернется с молодой женой и готовился?

Другая деталь всплыла совершенно неожиданно. Оказалось, что Карина не хотела переезжать сюда, но Вадим категорически настоял. Зачем? Карина жила в собственном доме, и они могли бы прекрасно жить там. И всем говорил, что переезжают они навсегда. Хотя переезд Карине и казался заманчивым, но дома был бизнес – бизнес ее отца, и бросать его не хотелось.

О самом Вадиме Карина знала мало. Как называется фирма, в которой он работает, где жил, где учился – ничего Карина не знала. Она объясняла, что ей был важен сам Вадим, а не его прошлая жизнь. Постепенно бы узнала все.

– Так ведь могло быть и поздно, – заметил отец.

Карина испуганно замолчала. Она не думала об этом. Наконец девушка осознала, что действительно ничего не знает о Вадиме.

Оставался адрес Вадима по прописке. Прописан он был в соседнем городке в двух часах езды на автобусе. Ехать на моей машине Карина отказалась. Сказала, что поедет сама. Но я уже не мог отпустить ее одну, в результате утром мы поехали на автобусе вместе.

* * *

Адрес нашли не сразу – пришлось побродить. Наконец пришли. Дом был старый, облупленный. На звонок никто не ответил. Позвонили в квартиру напротив. Вышла соседка, любопытная толстушка. Она долго расспрашивала, кто мы. Я сказал, что старые друзья Вадика, много раз звонили ему, но дозвониться не смогли. Решили приехать сами, может, что случилось? Соседка рассказала, что Вадим уже года три не приезжал сюда, а буквально накануне Нового года приехал на шикарной машине, закинул какие-то вещи и снова уехал. При ней разговаривал по телефону со своим одноклассником, братцем местного бандита. Ну, правда, тот уже не бандит, а коммерсант, как сейчас говорят, а раньше был настоящий бандит. А братец его и сейчас бандит. От него все стонут в округе.

Что делать дальше, мы не знали. Зашли пообедать, потом пошли к центральной площади. Там была гостиница и рядом автовокзал. Если вдруг не будет автобуса, придется заночевать здесь.

Начинало смеркаться.

Карина шла задумчивая. Внезапно она остановилась и показала пальцем на машину. Серебристый «Хаммер», действительно сразу привлекал внимание. Тюнинг, хром, фары... Действительно красавица, шикарная машина. И что?

– Это моя машина! Я привезла ее с собой.

- Что значит ваша?
- Моя – это значит моя. На ней даже номера мои.
- Не ошибаетесь?

Карина покачала головой.

- Может, Вадим здесь? Это ведь он на ней ездил?

Карина оживилась. Действительно, Вадим здесь! Она хотела броситься к машине, но я остановил ее. Вовремя.

К машине подошел парень. «Хаммер» пикнул, и парень открыл дверцу. Он решил протереть стекла и взялся за тряпку.

- Это Вадим? Или его знакомый?

Карина покачала головой.

- Я его не знаю.

Странно, если машину угнали, то почему не поменяли номера и не прячутся. Значит, машина не в угоне. Может, ее купили?

- Ждите здесь. Надо все выяснить.

Я вразвалочку подошел к машине.

- Классная тачка. Твоя?

- Хозяина моего.

- Отличная машинка. Давно приобрели?

- Недавно.

- Купили?

- Тебе что за дело?

- Да так... Вроде раньше в городе не было такой.

- Купили...

Кажется, кое-что проясняется. Не дружок ли его купил? Братец местного бандита. Надо продавить ситуацию.

- Два дня назад? И номера еще не поменяли?

Парень резко обернулся.

- Че те надо? Ты кто такой?

– Я-то? Человек. Так хозяину и скажи. Мол, человек приходил. Машиной интересовался. Стрелку забил. Через час на площади напротив гостиницы. Уяснил? Смотри не забудь.

И я тихонько растворился в сумерках.

До «стрелки» было еще полчаса, и мы сели в холе гостиницы, заказав по чашке кофе. Как могла машина оказаться у них? Если Вадим был здесь перед Новым годом, он мог ее продать, но зачем? Ведь оформить ее он не мог – она зарегистрирована на Карину. Где сам Вадим? Карина заметно нервничала. Наконец, увидели через витрину окна, как подъехали две больших машины. Из них вышли пятеро. Выделялся один. Чувствовалось, старший.

- Вот моя машина, – зашептала Карина. – Сидите, я сама поговорю с ними.

– Хорошо, начинай разговор. Требуй возвратить машину. Ничего не спрашивай про Вадима. Не говори, что его жена. Посмотрим, что скажут. А я сейчас подойду.

Я пошел расплатиться за кофе и забрать сумки. Официант и бармен, глядя на улицу, переговаривались.

- Смотри, Обморок приехал со своими. Чего ему тут надо?

- И братец с ним...

– Да уж, братец – не приведи Господь... Беспредельщик. Видал, тачку какую отхватил. Отжал, наверное, у кого-то.

План возник мгновенно. Я расплатился, взял вещи и вышел за Кариной.

Услышал издалека:

– ...Это моя машина, и вы это знаете. У меня все документы. Так что верните ее по-хорошему.

– Дамочка, эту машину мы купили, просто не успели оформить. Но если хотите ее забрать – верните деньги и заплатите неустойку.

В это время меня заметили. Окружение Обморока напряглось. Но я шел спокойно и уверенно.

– Здорово, Обморок! – сказал я и затем спросил: – Карина, вещи в багажник или в салон?

Карина хмуро посмотрела на меня. Я ей подмигнул.

– Положите куда-нибудь.

– Ладно, кину в салон. Вдруг что в дороге понадобится.

Я повернулся к стоявшим вокруг и сказал:

– Пацаны, у кого пульт? Шелкните, вещи кину и побазарим.

Я выглядел уверенным, хотя на самом деле нервы были напряжены. Обморок отвел взгляд, и я почувствовал его растерянность: откуда я знаю его, его «погоняло»? Он кивнул кому-то за спиной, машина пикнула. Я еще больше расправил плечи. Первая победа! Неуверенность порождает поражение. Главное, правильно воспользоваться неожиданно полученной информацией. Блефовать – так до конца. Я положил сумки на сиденье и обернулся:

– Значит, ты Обморок, а это твои «близкие», – дал я понять, что вижу его впервые, но знаю о нем все.

Обморок коротко кивнул.

– А ты что за хрен с горы? – раздался голос из-за спины Обморока.

Я перевел взгляд и слегка наклонил голову вбок, как бы пытаюсь увидеть стоявшего.

– Кто я – за меня люди слово скажут! – сказал я, приклатненно растягивая слова. – А вот кто ты?!

Вопрос прозвучал веско.

Я снова перевел взгляд на Обморока.

– Братан твой? Понимаю, родная кровь. Но не брал бы ты его на разборки, подведет он тебя под монастырь. Хотя твое дело, конечно, – развел я руками.

Видимо, я затронул болезную тему. Обморок грозно обернулся, и его взгляд сказал о многом.

– В общем, так. Слышали мы о тебе. Меня к тебе на разговор послали. Так «папа» решил. К нашему «папе» обратился один человек из большого дома. Он друг отца этой девочки, – я кивнул в сторону Карины. – Попросил найти и вернуть машину. Мы знаем, она попала к тебе. Знаем, как попала, кто ее продал и за сколько. Но с машиной вы лопухнулись. Этот гад хотел ее кинуть на бабки, – снова кивнул я в сторону Карины.

– А если не вернем? – раздался голос сзади. – Бригаду пришлете?

– Заткнись! – Обморок резко обернулся.

Он уже злился не на шутку. И снова повернулся ко мне.

– Машину мы купили честно, заплатили, сколько запрашивали. Вот его дружок продал, – кивнул он за спину, – сказал, что машина его погибшей жены. Наследство оформят только через полгода, а деньги нужны сейчас.

– Вот тут вы и лопухнулись. Жена-то вот она, живая! Паспорт показать? И машину она не продавала.

– Хочешь сказать, нас развели? Деньги кто вернет?

– Деньги спросите с продавца, если еще живой. Да, хочу предупредить: если завтра я не позвоню «папе», что вернулся с машиной, то тогда сюда придет бригада. Решай!

Обморок сверлил меня взглядом, но я уверенно и твердо смотрел ему в глаза.

Так нагло давно никто с ним не разговаривал. Наглец. Значит, чует за собой силу. А ведь говорил братцу, зачем взял машину, паленая она. А он, дурак, позарился на полцены. Баран.

Он опустил взгляд и повернулся к своим:

– Понял, идиот, в какую историю ты вляпался? – обратился он к брату. – Отдай ключи.

Братец начал что-то возражать, но Обморок рявкнул:

– Заткнись! Ключи давай! А деньги – вернешь! Понял?

Братец покорно протянул ключи и техпаспорт.

Окружение Обмороча поддержало главаря. Брата явно не любили и сейчас радовались его посрамлению.

– Поехали, – скомандовал Обморок, и все сели в одну машину. На площади снова стало пусто.

– Однако... – только и сказала Карина.

Кажется, только сейчас она начала дышать.

Снег тихо падал на машину и наши головы.

– Ну что, поехали? Только за руль ты садись, а то я такую еще не водил.

– Я тоже не могу.

– Это почему? – удивился я.

– Руки дрожат.

Приехали уже затемно. Машину оставили на стоянке недалеко от дома. По дороге домой молчали. И за ужином тоже ни слова. Уже за чаем отец, устроившись поудобнее, произнес:

– Ну, рассказывайте!

После нашего рассказа вся история предстала еще более запутанной.

Не вызывало сомнения, что Вадим продал им машину, но почему?

И ключи от квартиры отдал тридцатого, значит, был уверен, что аренду продлевать не будет. Почему?

Папа предположил, что отец сообщил о несчастье с Кариной на море, а агент турфирмы сообщил об этом Вадиму. И Вадим бросил все и помчался спасать Карину? Правда, своему однокласснику он сказал, что жена погибла... Но, может, турфирма что-то напутала? Про Наташу и Диму он ведь не знал. И сейчас он ищет Карину в отеле... А там скажут, что она выписалась и где она – никто не знает.

– Ну что ж, кое-что стало проясняться, – сказала мама.

Карина немного успокоилась и даже слегка повеселела.

– Наверняка Вадим обратился в полицию, – сказала она, – или в посольство, а там вскоре выяснят, что я вылетела домой.

Но для меня многое оставалось неясным. Если Вадим узнал о несчастном случае на море, то в первую очередь стал бы немедленно звонить Карине. И сейчас бы названивал. Но он молчал, и это подозрительно.

Надо искать Вадима, его знакомых, друзей, коллег по работе. Но Карина почти ничего не знала об этом. Единственное, она вспомнила, что он упоминал ночной клуб, в котором часто бывал. Кажется, он назывался именем одной из планет. Перебрав ночные клубы, мы наткнулись на один с названием «Меркурий».

Решили съездить туда.

На пороге нас вежливо развернули. Вход только для членов клуба.

Мы отошли в сторонку подумать. И тут меня окликнули. Мишка! Один из знакомых участковых. Мы обнялись, разговорились. Я сказал, что нас не пустили в клуб.

– Сюда? – удивился он – Конечно не пустят, это же гей-клуб.

Теперь удивились мы: Вадим посещал гей-клуб?..

– Нам нужно туда попасть.

– Ладно, пойдем.

Мы снова подошли к входу в клуб.

– Эти двое со мной.

Мы вошли к хозяину ночного клуба в кабинет – полутемную комнату с большим окном для наблюдения за залом. Пожилой лысый мужчина представился Севой. Разглядывая фотографию Вадика, Сева задумчиво курил.

– Зачем он вам?

– Сева! Ты же понимаешь, органы не спрашивают просто так...

– Мы разыскиваем его в связи с одним делом, – перебил я Мишу. – Как свидетеля.

О том, что Карина его жена, я благоразумно умолчал.

– Как свидетеля? – задумчиво почесал нос Сева.

Я протянул ему ксерокопию паспорта Вадима, где имелась даже прописка. Севу это убедило.

– Ну, раз так... Да, он часто заходил к нам, известная личность.

– Когда был последний раз?

– Накануне Нового года. Тридцатого вечером. Погулял немного, а потом уехал с каким-то другом в женском наряде.

– С кем?

– Погодите, спрошу у бармена. Он знает почти всех.

Сева позвонил. В окно было видно, как бармен поднял трубку. Выслушав его, Сева сказал, что друга зовут Маргарита.

– Вы его знаете?

– Да. Тоже известная личность. Любит переодеваться девочкой. Работает парикмахером в салоне на «Парковой».

* * *

На другой день ближе к обеду мы были в салоне красоты. Войдя, я немного растерялся от обилия женщин, информации и запахов. Зато Карина уверенно подошла к стойке и капризно сказала:

– У вас тут мужчина какой-то. Говорят, классно работает. Я хочу к нему.

– У нас трое мужчин. Вы к кому хотели бы?

– Как-то мне говорили имя... Не помню. Ну, мне говорили что он «пусечка»... Ну как девочка...

– А... наверное, Марек.

– Да, кажется...

– Он здесь, сейчас позову.

Марек был действительно «пусечка». Я правда не совсем понимал, что под этим подразумевалось, но слово это здорово ему подходило. Жеманные манеры, руки как у девушки, подведенные глаза... И парфюм... Меня качнуло.

– Меня к вам Вадик направил, – томно поправляя волосы, взяла быка за рога Карина.

- Ах, Вадик... Очень приятно. Что вы хотели?
- Ну, немного поправить прическу. И кое-что по мелочи.
- Я сейчас занят, но завтра...
- Хорошо. Я приду завтра. Скажите, а вы не знаете, где Вадик? Я ему звоню, звоню, а не отвечает...
- Нет, не знаю, не видел его несколько дней.
- А он вам не звонил? Мне звонил тридцатого из «Меркурия», сказал, что уезжает с другом. Не с вами случайно? А то я ревную... Вдруг уехал не с другом, а с какой-нибудь... подружкой.
- Ха-ха-ха. Не ревнуйте. Да, мы уехали вместе. Ко мне.
- Ну, к вам я не ревную. А куда же он потом пропал? Новый год не приехал встречать.
- Рано утром, я еще спал, он вызвал такси и уехал. С тех пор я его не видел.
- Такси? Разве он был не на машине?
- Нет. Ко мне мы приехали на моей машине. Я бы отвез его утром, но ночь была такая бурная,
- Он куда-то торопился?
- Да. Говорил, что в десять у него самолет. Куда-то на море.
- На отдых? Один или с какой-нибудь?..
- Какая вы ревнивая, однако... Один! Говорил, что у него деловая встреча. Очень важная. Что вернется очень богатым.
- И вы ему поверили?
- Да. Он был серьезен. Сказал, что встреча у него с каким-то кавказцем.

* * *

- В машине Карина возбужденно вспоминала разговор.
- Как тебе это, – Карина от волнения перешла на «ты», – они провели «бурную ночь»!
 - Я пожал плечами.
 - Господи, он гей!
 - А ты не замечала?
 - Нет конечно. Понимаешь, мы с ним ни разу не были... Ну, ты понимаешь... Я сказала, что до свадьбы этого не будет. Он меня и покорила тем, что не стремился к этому, потому что, как мне казалось, видел во мне человека, а не просто женщину. Прежде знакомые мужчины первым делом пытались затащить меня в постель. А Вадик не делал никаких попыток... Даже когда я дала согласие выйти за него... Даже когда мы расписались! А теперь... Я не знаю, что и думать. Он что, был просто равнодушен ко мне?
 - Поймаем – спросим. Слушай, а у вас что, и вправду ничего не было?
 - Нет.
 - Ни разу?
 - Нет. Прекрати, пожалуйста.
 - Просто странно все это... Хотя... если он к этому не стремился...
 - А ты бы «стремился»?
 - Конечно!
 - Мужлан. Все вы такие.
 - Какие?
 - Одинаковые. А вот Вадик таким не был.
 - Ну, понятное дело... А ведь он тебе изменил! С Маргаритой.
 - Все, замолчи!

- Ладно, прости. Я не хотел тебя обидеть.
До самого дома ехали молча.
– Ну, вот мы и дома. Только припаркуюсь. Родителям будем рассказывать?
– Давай завтра. Отоспимся, а там видно будет.

* * *

Утром встали поздно, не торопясь позавтракали и рассказали родителям о вчерашнем дне. Те особых эмоций не проявили. Карина тоже внешне оставалась спокойной.

- Что собираетесь делать?
– Во-первых, поеду в банк, разблокирую счета, а потом перееду в отель. Я и так вам надоела своими проблемами.
– Кариночка, не нужно нас обижать. Наоборот, мы очень рады вам. Хотя какое-то разнообразие в нашей скучной стариковской жизни. Оставайтесь!
– Спасибо вам конечно, но мне так неудобно..
– Знаете, Карина, я бы на вашем месте не торопился уезжать и переселяться в отель. Мы пока еще не выяснили один очень важный вопрос, – вмешался я.
– Какой?
– Вы уверены, что тонули сами, или все-таки кто-то пытался вам помочь?
– О чем вы?!
– Если это так, то кто-то, видимо, заинтересован в вашей смерти.
Карина побледнела.
– Думаете, меня хотели убить?
– Не исключаю.
– Да нет же, глупости! Кому нужна моя смерть?
– Вот именно! Надо искать того, кому это было бы выгодно.
– Да никому это не нужно!
– Кариночка, мой сын прав, – вмешался отец. – Возможно, вы в серьезной опасности. А кто сможет вас защитить лучше опера-профессионала?
– И кто, как не мой сын, сумеет лучше разобраться в этой запутанной истории? – мама сделала ударение на слове «мой» и победно посмотрела на отца.
Карина засмеялась:
– Вы так нежно друг к другу относитесь, что аж завидки берут!
– Ничего, и вы встретите свою любовь.
– Я думала, что уже встретила. Но, видимо, ошиблась. Знаете, я очень устала самостоятельно принимать решения... И в бизнесе, и в личной жизни. Я ведь одна: подруг нет, родственников тоже. Сегодня, будь я одна, не знала бы что делать. А с вами мне легко: вы можете и посоветовать, и успокоить, и убедить от неправильного шага. Спасибо вам!
– Так что же будем делать дальше?
– Сначала в банк. А потом решим.
– Тогда вот еще что, – сказал папа, – я в интернет заглянул. Тридцать первого в десять ноль три из аэропорта был только один рейс – на Приморск. Рейсы в другие города – на полчаса раньше или позже. Борт на Приморск летает только два раза в неделю. Тридцать первого самолет вылетел без задержки.

* * *

Мы приехали в банк к открытию. Счета оказались заблокированы в связи с кражей карточек.

– Так написал в своем заявлении муж потерпевшей, то есть ваш муж, – сказал управляющий банка. – И объяснил: поскольку случилось это в другой стране, потерпевшая не может обратиться лично. Вот его заявление. Но раз сама потерпевшая предъявляет карточки, счета будут немедленно разблокированы, а банк приносит извинения за причиненные неудобства.

Карина вышла из банка хмурая и сердитая.

– Как-то очень быстро он заблокировал карточки. Еще даже не выяснив, что со мной.

– Ну, если ему сообщили, что ты погибла...

– А он тут же заблокировал счета и продал мою машину? Странно.

– Согласен. Ладно, разберемся.

– Поймаем – спросим?

– Ага. Думаю, ловить его надо в Приморске. Но сначала нужно кое-что проверить.

В аэропорту мы подошли к ребятам из транспортной полиции. Сказали, что у Карины пропал муж, показали паспорта и убедили, что нам нужно знать, вылетел ли он тридцать первого в Приморск.

– Ты только кивни, если это так, и все, – попросил я дежурного.

Тот вышел и вернулся минут через десять. Посмотрел на Карину и кивнул.

Мы поблагодарили его и ушли.

– Что дальше? – спросила Карина.

– Ты же слышала. Единственный борт в десять ноль три вылетает в Приморск как раз завтра. Поехали собирать чемоданы.

Вечером мы снова поговорили с родителями.

– Каринушка, если у вас нет знакомых в Приморске, то где вы остановитесь? – спросила мама.

– В гостинице, конечно.

У меня возникла мысль.

– А где мог остановиться Вадик?

– О-о, он наверняка выбрал бы самый лучший отель. Это в его характере. Даже на последние деньги. Но деньги у него были. Только вот что странно: он очень много тратил с карточки, а наличных у него было мало. Всегда снимал небольшую сумму. Никогда не оставлял чаевых и всегда забирал сдачу.

– И что это означает?

– Видимо, это не его деньги. Его расходы контролировались. Может, деньги фирмы, а может, его кто-то снабжал. Скорее всего, последнее.

– Если у него были деньги, то мы его найдем.

– Как?

– Город небольшой. Хороших отелей в нем один-два, не больше.

* * *

Летели налегке. Самолет прилетел вовремя. Нас встречала толпа таксистов. Половина – «лица кавказкой национальности». Мы выбрали одного и попросили отвезти в самый лучший отель.

– Почему ты выбрала этого таксиста? – спросил я тихонько Карину.

– Помнишь, Маргарита сказал, что Вадик едет на встречу с кавказцем и должен вернуться с очень большими деньгами.

– Помню.

– Значит, он ехал на встречу с богатым кавказцем. А где может остановиться очень богатый кавказец? Только в самом лучшем отеле. А кто туда

может отвезти? Только кавказец.

На ресепшене нас встретили в высшей степени радушно: парень и девушка улыбались как родным. Карина сразу перешла в наступление.

– Добрый день. Я приехала к мужу. Он приехал в ваш город тридцать первого декабря, остановился в вашем отеле. Вот мой паспорт.

– Простите, но мы не даем сведений о постояльцах.

– Вы хотите, чтобы я подняла скандал? – Карина резко повысила голос, и на нас стали оглядываться. – Мой муж остановился в вашем отеле, а вы не хотите дать мне об этом сведений? Последние дни он не отвечал на звонки. Я волнуюсь. Сейчас начну звонить в полицию, прокуратуру, в газеты. И, если окажется, что с моим мужем что-то случилось, а вы об этом молчали, я вас засужу.

Последние слова Карина буквально выкрикнула. Оба работника отеля задержались, парень схватился за телефон.

– Одну минуточку.

Вскоре в нашу сторону направился охранник и солидного вида мужчина.

– Добрый день. У вас что-то случилось?

– А вы кто?

– Я управляющий отелем.

– Прекрасно. Мой муж остановился у вас. – Карина говорила уверенно, как будто знала это точно. – Он пропал. Не отвечает на звонки, телефон выключен. Сюда приехал на деловую встречу. А ваши сотрудники не хотят мне помочь.

– Успокойтесь. Для начала давайте выясним, у нас ли он. В каком номере он остановился?

– Откуда мне знать? Именно это я и пыталась узнать.

– Не надо нервничать. Одну минутку.

Управляющий прошел за стойку к компьютеру, пошелкал клавишами, и по его взгляду мы поняли: Вадик у них.

– Ну что, убедились? – Карина снова пошла в наступление. – В каком он номере?

– Он останавливался в триста десятом, но уже выписался. Тем не менее мы можем вам помочь.

– Вот как. И как же?

– Видите ли, ваш муж является почетным гостем хозяина отеля. Он у него в гостях.

– И как мне его найти?

– Мы свяжемся с хозяином отеля и все вам сообщим. Но сможем сделать это только к вечеру.

– Почему не сейчас?

– Хозяин не любит, когда его беспокоят не по делу. Вечером я ему доложу обо всем. Вы можете остановиться в нашем отеле.

– Я остановлюсь в номере моего мужа.

Управляющий посмотрел на решительно настроенную Карину и сдался.

– Идемте.

Номер на третьем этаже был чистенько убран, постель аккуратно заправлена, было впечатление, что здесь в последнее время никто не жил.

– Очень хорошо. Меня устраивает. Позовите горничную, – попросила Карина.

Горничная быстро подошла.

Управляющий и охранник вышли.

– Когда вы видели постояльца этого номера в последний раз? – накинулась

Карина на горничную, испепеляя ее взглядом.. – Он был один? Или с женщиной? Где был, с кем встречался?

Я поразился, как легко Карина вытягивала нужные сведения, не вызывая подозрений. Горничную обязательно спросят, что хотела Карина от нее. И та наверняка ответит, что ревнивая жена пыталась узнать, не было ли здесь женщины. И даже предлагала ей хорошие деньги за сведения. Но горничная честно ответила, что никаких женщин не было, а встречался он только с хозяином отеля.

Когда горничная вышла, я сказал:

– Теперь надо держать ухо востро. Нам нужно как следует здесь все осмотреть. Весь отель. Запомнить все входы и выходы.

– Так давай пройдемся по отелю.

Мы пошли «прогуляться», «случайно» свернули не в ту сторону, зашли в ресторан и на кухню, потом в бассейн и тренажерный зал.

Проходя мимо конференц-зала, Карина заглянула – там возился рабочий с проводкой. Карина застыла у входа, пристально вглядываясь в портрет солидного мужчины с седой бородкой на стене.

– Простите, а чей это портрет? – спросила она рабочего.

– Хозяина отеля.

– А как его зовут?

– Ибрагим-паша.

* * *

– Карина, что с тобой? Куда ты мчишься?

– Все очень плохо. Очень.

– Что именно?

– Этот Ибрагим-паша... Хозяин отеля...

– Ну? Ты его знаешь?

– Это мой дядя.

* * *

В кафе на площади после рюмки глнтвейна и чашки кофе Карина немного успокоилась.

– Когда-то очень давно, – начала рассказывать она, – Ибрагим-паша – тогда еще молодой Ибрагим – увидел мою маму и захотел жениться на ней. Его родители были зажиточными, работали в торговле. А отец моей мамы, мой дедушка, работал директором универмага. Конечно, он был не против породниться с такими людьми. Но мама в то время уже была влюблена в моего отца. И он ее очень любил. А родители моего папы были партийными работниками. Они были против брака с дочерью директора универмага. Мама и папа были однокурсниками. Дело шло к свадьбе, несмотря на возражения родителей. Ждали, когда закончат институт. На одном из семейных праздников Ибрагим, двоюродный брат папы, увидел маму. И возжелал жениться на ней. Отказов он не принимал. Мама отказала Ибрагиму и разругалась с родителями. Ибрагим с друзьями напал на папу. Но папа сумел отбиться и в результате поколотил их. Ибрагим попал в больницу с сотрясением головного мозга. Его родители хотели посадить отца в тюрьму, но его родители тоже были непростые люди. Да и другие родственники вмешались, пытались примирить семью. Дело застряло на стадии расследования. К этому времени мама и отец поженились и уехали по распределению в Сибирь. Связи со своими родными не поддерживали, потому что после регистрации их просто прокляли, посчитав, что они нанесли

оскорбление семьям. А Ибрагим поклялся отомстить. Отработав положенный срок, родители переехали в другое место и весьма успешно начали свой бизнес. Я была единственным ребенком в семье. Дела у папы шли хорошо. Он отправил меня учиться в Англию. Закончив университет, я осталась в Лондоне. Однажды мне сообщили по телефону, что родители погибли в автомобильной аварии. Я вернулась домой, пришлось все дела отца взять в свои руки. Сначала было трудно, но помогали папины сотрудники, и я сумела встать на ноги. Теперь я понимаю, что если Вадим приехал на встречу с дядей Ибрагимом, то произошедшее со мной не случайно: меня хотели убить. Теперь ясно, кому это было надо.

– Но каким боком здесь Вадим? Если хотели убить тебя, то зачем им Вадим? Тоже хотят убить?

– Не знаю. Может быть.

Мы посидели в кафе еще полчаса, потом вышли на бульвар и пошли вдоль моря. Набережная тянулась вдоль пустых пляжей, где летом наверняка было много народу. Легкий ветерок ворошил волосы Карины. Она держала меня под руку и все время поправляла выбившиеся пряди, шекотавшие мне лицо. Кажется, мы оба забыли, зачем приехали в этот город, – так было хорошо. Впервые я увидел лицо Карины так близко. Ее губы, глаза, улыбку. Услышал ее смех. Нет, как женщина она мне нравилась с самого начала, но это было нечто другое.

Я испытывал такое давно, когда смотрел на Ленку. Тогда еще просто Ленку. Потом, когда мы поженились, когда родился сын, это чувство вдруг стало исчезать... Лена ушла от меня к своему однокласснику. Я понимал ее: зачем ей нищий офицер милиции, пропадающий в командировках в «горячих точках», неизвестно, вернется ли оттуда вообще. Или вернется инвалидом...

Ей же предлагали машины, дома, загородные виллы, яхты, поездки за границу. Нет, я не осуждаю Лену. Отпустил ее легко. Условились, что два раза в год наш сын будет приезжать на пару недель к бабушке с дедушкой погостить. В один из своих последних приездов Лена, похорошевшая, шикарно одетая, ухоженная, загорелая и в сопровождении охранников, не поехала в гостиницу, а осталась на ночь с сыном у родителей. Той ночью она пришла ко мне и спросила:

– Ты любил меня тогда?

– Конечно, – ответил я.

Ленка заплакала:

– Я только теперь понимаю, что тоже любила тебя. У нас с тобой была любовь, а я, дура, променяла ее на какие-то вещи, деньги, украшения. Это ОН меня любит. А я так и не полюбила его. Поняла, что любила всю жизнь только тебя. А теперь поздно. Ты уже не любишь меня, я это чувствую. И виновата в этом я.

Она заплакала, и я прижал ее к себе. Ее слезы всегда вызывали во мне странное чувство вины, делали меня слабым. Она обвилась вокруг меня, сбросила халат... и стала целовать. И я не смог сдержаться, ведь это была моя Ленка, ее тело было таким знакомым и родным...

Когда мы оторвались друг от друга, я вдруг почувствовал себя подлецом, переспавшим с чужой женой. Потом это прошло, но я сказал ей об этом.

– Ты знаешь, – улыбнулась она, – я до сих пор сплю с ним с таким чувством, будто изменяю тебе. А сейчас я изменила мужу, а чувствую себя как жена. Твоя жена.

Заснули мы под утро. Лена хотела уйти в свою комнату, но не смогла. А утром на нас только посмотрели и все поняли. Даже сын. Все-таки пятнадцать лет уже. Но никто ничего не сказал. За столом Лена виновато посмотрела на маму, но та только улыбнулась и тихонько поцеловала ее в щеку.

Не знаю, зачем я все это рассказал Карине. Видимо, хотел быть откровенным.

– Какой ты счастливый, – вздохнула она. – Как бы я хотела так любить.

* * *

Но надо было возвращаться с небес: нам грозила опасность. Я осознал это после рассказа Карины. И еще я понял, при чем тут Вадик. Но это были тяжелые домыслы. Дай Бог, чтобы было не так, однако факты – упрямая вещь.

Вадим внезапно появился в небольшом сибирском городке, приехал «в командировку», но чем занимался там, кроме ухаживаний за Кариной? Ничем... Карина не обратила на это внимания.

Затем ложная квартира. Попытка пустить пыль в глаза? Свадебное путешествие и внезапно возникшие срочные дела, из-за которых Вадим не смог поехать вместе с ней... Заранее заказанная прогулка на яхте и купание в бухте... Не будь на яхте Димы и Наташи, Карина была бы одна. Это случайность, что они оказались вместе.

Я помотал головой. Так можно додуматься до чего угодно. Хотя... после смерти Карины единственным наследником ее бизнеса становился бы он, Вадим. А может, дядя? Если Вадим зависит от него, то через полгода после вступления в наследство Вадим «продает» весь бизнес дяде и исчезает с кругленькой суммой в кармане.

Получается, Вадим приехал жениться на Карине, а когда ее не станет – стать наследником. Это дает ответы на все вопросы.

Я поделился с Кариной, она, на удивление, восприняла это спокойно.

– Он неплохо сыграл на моем одиночестве. Не скажу, что была влюблена в него, но мне казалось, что я нашла друга, или даже подружку. Теперь понятно: я просто не интересовала его как женщина.

* * *

Когда мы вошли в отель, я понял, что управляющий отелем доложил хозяину о нас. В воздухе повисло напряжение. На ресепшене к нам отнеслись очень внимательно, и после нашего ухода тут же стали куда-то звонить. Я увидел это, поскольку внезапно вернулся, так как «забыл» взять рекламную газетку. Мы вошли в номер и, быстро собрав вещи, постарались уйти незамеченными через черный ход. Но нас заметили. Задержать не пытались, но тут же сообщили.

Мы бежали по бульвару – за нами гнались. Трое. Народу на бульваре хватало, да и преследователи не хотели привлекать внимание. Но стоило нам свернуть в скверик, как нас настигли. Первый был шустрый и, видимо, главный. Второй – бугай, гора мышц, а третий – тощий, которого, как говорят, «соплей перешибешь».

Недалеко на дороге остановился Гелендваген.

Никаких переговоров не было. Догнали и окружили.

– Садись в машину. Дядя хочет поговорить с тобой, – объявил шустрый.

– Да пошел ты, – огрызнулась Карина.

Тощий подкрался сзади и схватил ее за руку. Но Карина развернулась и заехала ему ногой в пах. Тот завершал и улегся на землю. Тогда бугай схватил Карину и заломил ей руки за спину. Она пыталась ударить его каблуком по ноге, но бугай понимал, что делал, и Карине это не удалось.

И все же самым опасным оставался шустрый. Он загоразивал от меня Карину, не давая вступить. При первом моем движении он вытащил нож, было видно, что он пустит его в ход не задумываясь.

Нож – это знакомо, не впервой!

Я швырнул ему в лицо сумку, на мгновение ослепив, и выбил ногой нож. Еще пара ударов по корпусу, завершающий ногой в голову – и шустрый на земле. Оставался бугай. Но возиться с ним не было времени. Да и не та уже форма. Я подхватил нож шустрого и, пока бугай соображал, что делать – держать Карину или защищаться, – полоснул его по руке. Для жизни не опасно, но много крови – это выводит соперника из строя. Бугай побледнел, выпустил Карину и, едва не теряя сознание, осел на землю.

Да, не боец. Обычный качок. И крови боится.

Мы выскочили на проезжую часть и такси, резко вильнув, остановилось возле нас.

– На вокзал, – бросили мы, заскочив в машину, – только очень быстро!

– Харашо, – сказал таксист с типичным кавказским акцентом. – Довезем.

Он рванул с места и помчал.

Уезжать мы не собирались, но на вокзале легче всего запутать след.

Через некоторое время таксист спросил:

– Это не за вами гонится гелик?

– За нами? – удивился я. – Зачем? Да мы только сегодня приехали в ваш город.

– Не знаю, чем вы насолили Ибрагиму-паше, но его люди явно хотят поговорить с вами. А вы хотите?

– Нет. Мы не хотим. Мы очень не хотим встречаться с ними.

– Вы хотели уехать с вокзала?

– Нет, у нас еще есть дела в городе.

– Я так и думал. Меня зовут Гиви. Я очень не люблю людей Ибрагим-паши и тоже не хочу с ними встречаться. Но еще немного – и они меня зажмут. Я сейчас уйду от них, но позже они найдут меня и спросят, где я вас оставил. Я скажу, что на вокзале. Так и будет. Но на вокзале вы сядете к моему другу в такси, а он отвезет вас и спрячет.

Гиви быстро набрал номер телефона.

– Реваз, здравствуй. Есть срочное дело. Нужно помочь хорошим людям.

Гиви вкратце объяснил, что нужно. Потом обернулся к нам:

– Держитесь.

И погнал. Резко свернул один раз, потом второй – и Гелендваген отстал. Мы выскочили на площадь перед вокзалом.

– Бегите вперед. Там увидите такси прямо перед киоском «Газеты». Шофера зовут Реваз. Садитесь к нему, он знает, куда везти.

Я протянул деньги, но Гиви взял только за проезд.

– Ты служил? – внезапно спросил он меня.

Я понял его и кивнул головой.

– Я тоже. В ГАИ. Потом меня «ушли» на пенсию. Реваз тоже. Нового начальника ГАИ Ибрагим-паша привел. Честные сотрудники стали не нужны.

Я крепко пожал ему руку.

Такси стояло прямо перед киоском.

Я открыл дверцу машины:

– Реваз?

– Садитесь.

Мы снова помчались по городу.

– Отвезу вас к своей знакомой. Она сдает комнату. Если кто-то меня спросит про вас, ничего не скажу. Высадил. Куда пошли – не знаю. Но и вы не проговоритесь. Иначе мне головы не сносить. Будут спрашивать – скажите,

квартиру сами нашли. По объявлению. В газете оно есть. Вот моя визитка и номер. Если куда надо – звоните. Для меня это не опасно. Я всем даю номер телефона. Реклама.

Машина остановилась.

– Идите прямо. Первый поворот налево. Дом семнадцать, квартира четыре. Зовут Роза. Я предупрежу.

Я расплатился. Тихонько, чтобы не слышала Карина, Реваз добавил:

– У вас два дня. Потом Роза обязана вас зарегистрировать. Будьте осторожны.

Роза ждала нас. Комната была с отдельным входом, что устраивало особенно. Все, что нужно, – было: холодильник, чайник, плитка. Мы поужинали и обсудили дальнейшие действия.

– Тебе пора уезжать, – сказал я Карине, – становится опасно.

– Нет, нужно найти Вадима. Пока я не поговорю с ним, никуда не поеду. Уезжай ты. Ты здесь ни при чем.

– Нет, – сказал я. – Я с тобой до конца. Ну и пока преимущество на нашей стороне, благодаря неожиданной помощи Гиви и Реваза.

Устали очень. Хотелось спать. Кровать была одна – двуспальная. Карина легла и показала рукой – ложись рядом. Раздеваться не стали, мало ли что может случиться ночью. Навалилась тяжелая усталость, но спать нельзя. Разве что дремать. Да и напряжение не отпускало: слишком много событий за день.

Внезапно Карина повернулась ко мне, и я увидел ее глаза.

– Ну, чего ты ждешь? Стеснительный?

– Ты о чем?

– Ни о чем...

– Ты замужняя женщина...

– А-а-а, совестливый! А мой муж изменил мне!

– А я, значит, инструмент мшения?

– Не болтай глупости. Прояви, наконец, инициативу, мужлан. Но учти, я буду сопротивляться.

– Ты будешь сопротивляться?

– Конечно. Я же женщина.

Она поцеловала меня в губы. Я чуть не задохнулся от наслаждения...

– Снимай – дернула она мои брюки и стала сбрасывать свои.

Я опрокинул ее на спину...

– Нет, нет... прекрати... – шептала Карина, слабо отталкивая мои руки, но сжимая все сильнее меня в своих объятиях.

Наконец, она сдалась.

Я был счастлив, но не смог удержаться от подкола:

– Значит, ты пыталась сопротивляться?

– Я же женщина!

– И что же тебе помешало сопротивляться до конца?

– Ты оказался сильнее и... убедительнее.

* * *

Утром мы поговорили с Розой. Она знала многое, но о Вадиме не слышала, обещала узнать что-нибудь о таинственном госте Ибрагима-паши. Рассказала, где находится дом Ибрагима-паши. Хотя, скорее, это дворец высоко в горах, к нему вела единственная асфальтированная дорога. Попасть незамеченным близко к дому сложно.

С базара Роза вернулась с новостями. Вчера у Ибрагима-паши дома был

серьезный разговор. Он обещал отрезать головы тем баранам, которые упустили двух очень важных для него людей. Приказал объявить награду за сведения о них. Еще Роза под большим секретом узнала, что в доме Ибрагима-паши с недавних пор находится под замком какой-то молодой человек. А девушка – из тех, кого разыскивают, – племянница Ибрагима-паши!

Роза посмотрела на Карину.

– Ваши фото показывали. Хорошие деньги предлагают... – и добавила с ненавистью: – С-с-скоты.

Мы поняли, что у Розы свои счета с Ибрагимом-пашой.

– Как вы все это узнали?

– Приморск город небольшой. Все про всех все знают. У Ибрагима работают люди. А у них – родственники. Просто надо знать, с кем говорить.

Мы позвонили Ревазу и попросили встретиться.

– Нет, – сразу отверг он нашу просьбу, – попасть ближе к дому по дороге нельзя. Туда ведет только одна дорога, и она хорошо контролируется. Ничего другого, кроме дома Ибрагима, по этой дороге нет, так что сделать вид, что вы едете куда-то в другое место, не получится.

Реваз помолчал.

– Можно пешком. Но это только лесом вверх – очень сложно. Нужно специальное снаряжение. Да и не факт, что вы подберетесь близко. Но это единственный выход. Подняться в горы, выбрать место для наблюдения...

К вечеру мы были почти готовы. Все информацию о местности я изучил по картам и в интернете. Часть вещей для похода купила Роза, а специальное оборудование, костюм защитного цвета, обувь, фонари и бинокль привез Реваз.

Чтобы расплатиться, надо было снять немного денег в банкомате. Пришлось выйти на улицу, но, к счастью, никто не обратил на нас внимания.

* * *

Утром Реваз подвез нас в нужное место и показал направление. Нас трудно было узнать в спецодежде и огромных темных очках, в каких ходило полгорода. Погода была солнечная, и многие ехали в горы кататься на лыжах, так что на нас никто не обращал внимания. Мы стали подниматься в горы. У меня еще оставались навыки восхождения, а Карине помогли посещение фитнес-клуба и бег по утрам. Так что добрались мы без приключений. Отдышавшись, я обратил внимание на большое дерево в двухстах метрах от дома Ибрагима-паши: с него должен быть виден весь двор. Карина не захотела оставаться внизу, и я помог ей взобраться наверх. Обзор действительно был хороший. Мы слегка перекусили, не отрываясь от бинокля. Изучили расположение комнат, охраны, прикинули, сколько человек в доме. Обнаружили подвал, который мог бы использоваться как тюрьма. Наметили, как пробраться незаметно. Теперь нужно было дождаться темноты, а пока – немного отдохнуть. Мы спустились и сели под деревом. Одному мне было бы проще попасть в дом, но Карина была против. Я убеждал, что это очень сложно, но все оказалось как нельзя более просто: в дом мы попали без проблем... через парадный вход.

– Руки вверх! – услышали сзади.

* * *

Человек, наставивший на нас свою двустволку, назвался лесником. На наши уверения, что мы заблудившиеся туристы, он только рассмеялся:

– Я уже два часа смотрю, как вы наблюдаете за домом в бинокль.

Он под ружьем привел нас в дом. Прямо через парадный вход. Мою попытку приблизиться и выбить ружье, сразу пресек, отойдя на два шага и взведя курок. Я понял, с ним шутки плохи.

В доме нас сразу завели в кабинет к Ибрагиму-паше.

Только тут я понял, насколько недооценил охрану. Во-первых, везде камеры слежения. Во-вторых, кроме внешней охраны, была более серьезная внутренняя.

Я насчитал пятерых в личной охране Ибрагима-паши. Руководил ими некто Махмуд. Это были настоящие спецы. Они повели нас вглубь здания.

Кабинет Ибрагима-паши располагался в отдельном крыле, его охраняли ребята в черном. На окнах решетки, двери на замках с особым кодом, в коридорах камеры наблюдения. Нас провели прямо к Ибрагиму-паше, и родственники, наконец, встретились. Не скажу, что встреча была радостной. Вернее, радостной она была для одной стороны.

Ибрагим-паша, высокий поджарый старик с седой бородкой, одетый в отличный костюм, сидел в роскошном кресле за прекрасным письменным столом. Он внимательно посмотрел на нас и радостно заулыбался:

– Кариночка, дорогая, что же ты бегаешь от своего дяди? Не отвечаешь на мои приглашения. Ты сердисься? Поверь, я не собираюсь причинить тебе вред. Давно не сержусь на твоих родителей. Когда я узнал об их гибели, мне было очень больно. Но в тот же год умерла моя жена, ты ведь не знала об этом, правда? До этого она тяжело болела. Я не мог оставить ее, чтобы приехать на похороны брата. Верись?

– Нет, дядя Ибрагим, не верю. Ты все врешь.

– Зря ты так. Моя жена, твоя тетя, пусть земля ей будет пухом, не раз говорила: «Ибрагим, помирись с братом, вы ведь одна семья». Но твой отец не шел на примирение. И я понимаю его. Я очень виноват перед ним.

– Если бы ты сказал эти слова месяц назад, я бы поверила тебе, дядя Ибрагим. А теперь я знаю очень многое и не верю твоим лживым словам.

Глаза у Ибрагима-паши сузились и превратились в две льдинки.

– Не верись? – тон был уже другой, сухой и абсолютно бесцветный. – Ну и черт с тобой, не верь!

Он обратился к своим людям:

– Мы их искали по городу, а они сами пришли. Птичка сама залетела в клетку. А, Махмуд?

Махмуд слегка дернул губами, что, видимо, означало улыбку.

– Скажи, а кто это с тобой? Твой любовник?

– Нет, этот человек ни при чем. Он просто помогал мне. За деньги. Отпусти его. Он ничего никому не скажет.

– Она тебе заплатила за работу? – обратился он ко мне.

– Пока только аванс. Я не хочу вмешиваться в ваши дела, мне без разницы.

– Махмуд, что скажешь?

– Это наемник. Он был там же, где я. Только воевал на другой стороне.

– Что с ним делать?

– Или убить, или купить. Повязать кровью.

– Слышишь, наемник? Убьешь ее – тогда я поверю тебе. И заплачу вдвое больше, чем она. Убьешь?

– Убью.

– Махмуд, дай ему пистолет с одним патроном...

Махмуд вытащил свой пистолет и вытащил обойму.

– Держи.

Его люди наставили на меня пистолеты. Один встал прямо передо мной, закрывая своим телом Ибрагим-пашу.

Нисколько не сомневаясь, я приставил пистолет к голове Карины и нажал на курок.

Раздался сухой шелчок. Карина вздрогнула. Я передернул затвор. Патрона не было. Посмотрел на улыбающегося Махмуда и бросил ему пистолет.

– Забыли патрон вставить.

Карина тяжело дышала. Она посмотрела мне в глаза и сказала:

– Ну и сволочь же ты, шкура продажная!

– Я наемник. Кто больше заплатит, тому и служу. Ты меня втянула в это дело. А говорила, небольшая прогулка по берегу моря. А теперь что? Подыхать?

– Тварь, скотина!

– Ладно вам ругаться. Теперь я понимаю, кто передо мной. Ты оказался прав, Махмуд. А зачем вы приташились сюда? Что вам тут понадобилось?

– Я ишу своего мужа Вадима.

– Зачем?

– Хочу поговорить с ним. Дядя, я догадываюсь зачем ты искал меня. Но сначала я хочу поговорить с Вадимом.

– Хм... А надо ли?

– Надо, дядя. И тогда я, может, помогу тебе. Тебе ведь нужно мое дело? Ибрагим-паша почесал переносицу.

– Хорошо. Тебя проводят к нему.

– Нас, дядя, нас!

– Тебе нужен это наемник?

– Да, именно в разговоре с Вадимом.

– Зачем?

– Он защитит меня от него.

– Он будет защищать тебя?

– Конечно, иначе не получит второй половины денег. После разговора с Вадимом я скажу ему, где лежит вторая половина гонорара.

– Хорошо. Отведите обоих.

Нас повели коридором, затем мы спустились на этаж ниже и наконец подошли к тяжелой кованой двери.

Охранник открыл дверь – нас втолкнули внутрь. Мы увидели человека, лежавшего на кровати.

Карина вздрогнула:

– Вадим...

В большой комнате стояла хорошая мебель, тумбочка с книгами, телевизор, обеденный стол со стульями, кресло, настольная лампа. Были даже душевая кабинка и раковина. В углу отгорожен туалет. В общем, весьма благоустроенная камера. Небольшое с мощной решеткой окно выходило во двор.

Увидев нас, человек вскочил с кровати.

– Карина!? Ты? Как ты здесь оказалась?

– Искала тебя.

– Меня? Зачем?

– Хотела поговорить.

– О чем?

– Обо всем...

Карина приблизилась ко мне и прошептала на ухо:

– Как ты думаешь, нас могут подслушивать?

– Ты имеешь в виду жучки? – я огляделся. – Камер наблюдения здесь нет. Жучков, скорее всего, тоже. Говори.

– Хорошо.

Карина прошла вперед и села в кресло. Я сел на стул, а Вадим снова опустился на кровать.

– Ну что, Вадим? Не удивлен, что я жива?

– Нет. Я понимаю, что ты хочешь сказать. Но, поверь, к покушению на тебя я не имею никакого отношения. Все, что произошло с тобой на отдыхе, я узнал только тут. Я все объясню. Мы знакомы с Ибрагимом давно. Я помогал реализовывать ему кое-какой товар в нашем городе.

– Наркотики? – спросил я.

Вадим внимательно посмотрел на меня и только теперь, видимо, задумался о моем присутствии.

– Карина, прости, а кто этот человек?

– Это... наемник. Он помогает мне распутывать дело. Оказывает силовую поддержку. Не волнуйся, он работает на меня.

– Ну хорошо. Да... Я помогал продавать наркотики. Но однажды меня чуть не взяли, и я понял, что нужно завязывать. Иначе сяду. Я прекратил отношения с Ибрагимом, но вскоре у меня появились финансовые проблемы. Когда я был уже в тяжелом кризисе, внезапно появился Ибрагим-паша. Он предложил жениться на тебе. Я был в шоке – я ведь гей.

– Знаю, – кивнула Карина.

– Знаешь? – поразился Вадим.

Потом, видимо, поняв что-то, продолжил:

– Так вот, я должен был жениться на тебе. Зачем – не знал. Ибрагим оплатил все мои долги, я был доволен. Через два месяца мы поженились. И, поверь, Карина, это случилось, потому что я подружился с тобой. Я был искренен. Тебя невозможно было не любить как человека. Но, должен признаться, было еще кое-что. Я давал тебе таблетки, подсовывал их в еду и питье. Не знаю, что за таблетки, но они подавляли волю и усиливали влечение. Ибрагим подготовился очень серьезно. До меня он посылал к тебе психолога, который должен был составить твой психологический портрет, определить, какие мужчины тебе нравятся. Он приезжал и беседовал с тобой под видом клиента. Ты даже не догадывалась об этом. Ему хорошо платили. И он описал два типа мужчин, которые могут тебе понравиться. Первый – это сильная личность. Тот, кого называют настоящим мужчиной. Ибрагим посылал к тебе двоих. Сначала одного. А после неудачи – другого. Но ты их даже не заметила. Познакомилась и только. На их предложение руки и сердца рассмеялась в лицо. Помнишь?

– Я не знаю, о ком ты говоришь. Было много предложений, ухаживаний, но среди них не было моего мужчины.

– Вот об этом и говорил психолог. Найти такого мужчину крайне сложно. И тогда он рекомендовал прислать не «мужика», а мужчину похожего на женщину, «подружку». Ибрагим вспомнил обо мне. Я приехал в твой город, познакомился с тобой, и мы действительно подружались.

– Да, наверное, это так.

– Мы поженились и переехали ко мне на мою квартиру...

– На твою? – прервала его Карина.

– Ты и о квартире знаешь? – Вадим даже не удивился.

– И о машине.

– Ах вот как! Да, машину я продал. Когда мне сказали о твоей гибели,

я почувствовал, что это не случайность. Ибрагим приказал приехать к нему, и я подумал, что мне могут понадобиться деньги, если придется бежать.

– Чем он тебя держал? У него был компромат на тебя? – вмешался я.

– Да, у него есть на меня компромат. Если всплывут мои дела, то могу надолго сесть. Ну так вот... Я приехал сюда и узнал, что ты утонула. Что я – единственный наследник твоего бизнеса и что через полгода вступлю в право наследования, а потом передам все права твоему дяде, а он заплатит мне кругленькую сумму. Но за эти полгода может произойти что угодно, поэтому я должен был провести их здесь, в резиденции, в этой камере. Ибрагим сказал, что вложил в меня деньги и теперь хочет продержать меня до лучших времен. Здесь неплохо, но я не хочу быть в заключении. Я сказал ему об этом. Мне сказали, что никому я не нужен, и, если исчезну с лица земли, никто не заметит. Я испугался!

– Но в связи с гибелью Карины началось бы расследование, тебя все равно бы искали.

– Ибрагим сказал, что, если меня вызовут на допрос, он это устроит. Еще сказал, что может представить, будто муж в депрессии, а он – единственный близкий родственник. Он сам собирался заниматься похоронами и бумажными делами. Ну, не он сам, конечно, а его юрист.

– Значит, ты понял, что я «погибла» не случайно?

– Догадывался, а потом узнал точно.

– Как?

– Они говорили при мне, не скрывая. Ибрагиму звонил человек, который топил тебя. В воде он дернул тебя за ноги, ты потеряла сознание и погрузилась на дно. Он как будто бы видел это. А потом от человека из отеля узнали, что два дня тебя уже нет в отеле, что приезжал полицейский, собрал твои вещи и увез, что в отель ты уже не вернешься. Значит, поняли они, тебя уже нет в живых. А ты выжила... Подожди, а как ты выжила?

– Случайность. Меня спасли.

– Счастливая случайность. Ибрагим очень расстроился, когда ему сказали, что Вадима разыскивает жена.

– Расстроился?

– Сначала да. А потом сообразил, что, если ты здесь, значит, о многом догадываешься, и с тобой можно не церемониться.

– В смысле?

– Теперь можно не ждать полгода, а заставить тебя подписать бумаги о передаче бизнеса ему. Я оставался на случай, если бы ты заупрямилась. Он приказал доставить тебя к нему. Но его сын в очередной раз все провалил.

– Сын Ибрагима-паши Аваз?

– Который из них? – спросил я.

– Ну тот, самый худой. Которому я «заехала» между ног.

– Классный удар!

– И что же Ибрагим?

– Выругал всех. Аваз – наркоман, его несколько раз лечили. На уме у него только девки и развлечения. Эти двое при нем как телохранители и контролеры, чтобы не ширялся. Но он все равно втихаря нюхает кокаин.

– У Ибрагима была старшая дочь. Где она?

– В Америке. С отцом не общается.

– А тетя, стало быть, умерла?

– Умерла? Да это он ее в могилу загнал! Довел до сердечного приступа. Она же совсем молодая была.

– Понятно. Слушай, а зачем дяде мой бизнес?

– Ну, у тебя же дело процветает. А у Ибрагима все плохо. Даже очень. Основной доход был от наркотиков, а сейчас все каналы перекрыты, Ибрагим под пристальным вниманием. Его не могут взять только потому, что доказательств нет. Стоит ему купить партию наркоты – посадят. Так что доход у него сейчас только от двух небольших магазинов и отеля. Но это мизер.

– Значит, он хочет мой бизнес?

– Да, и, как видишь, он продумал очень непростую комбинацию. Все получилось бы, если бы ты погибла.

– А ты помог бы ему.

– Я не все знал. Меня поставили перед фактом. Как видишь, я в камере. И сидел бы так полгода минимум, если бы ты вдруг не оказалась жива. Впрочем, ты упрямая, и мне, может, предстоит еще посидеть тут.

– А что потом?

– Он обещал мне денег.

– Ты веришь в это? Ему легче убрать тебя, как свидетеля. Закопать или утопить. А потом доказывать причастность к твоей гибели.

– Не бери раны. Сам уже много раз думал и кое-что придумал. Во-первых, деньги он переведет на мой счет где-нибудь в Швейцарии, а бумаги подписывать я буду только в людном месте. В безопасности.

– Ерунда, – вмешался я в разговор, – во-первых, всегда можно придумать, как снять деньги с твоего счета. А во-вторых, убить в людном месте еще проще – стилет, яд... Или просто замаскировать под несчастный случай. Можно и позже это сделать, а на деньги наплевать, главное, убрать опасного свидетеля.

– Черт... И что же делать?

– Бежать. А потом решать проблемы.

– Как?

– Надо подумать. Расскажи мне о месте, где мы находимся.

Вадим хорошо ориентировался в доме. Не раз бывал тут. Рассказал, где какой охранник. И даже нарисовал по памяти схему дома, коридоров и двора. Показал, где примерно стоят машины. Если Ибрагим-паша выезжает куда-то, то за его машиной следует другая с охраной. У охраны есть официально разрешенное оружие.

Постепенно я узнал почти все, но меня заинтересовало, что Ибрагим рано завтракает, что на завтрак предпочитает молоко и горячий хлеб со сметаной – все свежее. Рано утром, затемно, свежие молоко и сметану привозит грузовичок. Я уточнил, какой именно – крытый или открытый, проверяют ли его на выходе.

– Ты что, серьезно собрался бежать? Да ты сумасшедший! – Вадим зашелся от страха. – Да нас тут же убьют! Карина, скажи ему...

– Вадим, ты серьезно думаешь, что нас оставят в живых, после того как я все подпишу?

– А при чем тут я? Я ничего такого не делал. Это ваши с Ибрагимом дела, я тут случайный человек.

– Случайный?! Ты женился на мне случайно? Ты свидетель, а Ибрагим-паша свидетелей не оставляет.

Вадим схватился за голову и стал раскачиваться на кровати.

– Значит, нас убьют? Я не хочу умирать!

– А никто и не говорит о смерти. Мы с Кариной умирать не собираемся. Помогите нам, и все мы уедем отсюда и забудем эту историю. Мы накажем

Ибрагим по-своему.

– Да что вы сможете? Вы муравьи перед ним...

– А мы все-таки попробуем. И для начала сделаем так...

* * *

Рано утром грузовичок с молоком въехал в ворота. Обычно на разгрузку уходило минут пятнадцать. Еще минут пять на болтовню водителя с кухаркой. Как только водитель начал разгрузку, Вадим стал стучать в дверь камеры.

– Помогите, помогите, – кричал он, – Карине плохо.

Охранник в глазок увидел Карину, лежащую без сознания на кровати. Я пытался привести ее в чувство. Но дверь открылась не сразу. Охранник подстраховался – позвал еще двоих. Двое вошли, а третий остался возле двери, держась за ручку. Не сразу они почувствовали, что ковер у них под ногами насквозь пропитан водой, что Вадим стоит на стуле, а в руках у него электрический шнур от настольной лампы с вилкой что конец шнура с оголенными концами лежит на мокром ковре... И когда я сказал: «Давай!» – Вадим воткнул вилку в розетку.

Раздался характерный треск, вспышка – и трое охранников упали как подкошенные. Электричество замкнуло, и где-то выбило автомат. Свет в нашей части дома погас.

Но что для трех здоровых ребят удар током! Они уже начали ворочаться, когда я подскочил к ним и той самой настольной лампой ударил по голове каждого. Они отключились. При обыске оружия у них не оказалось.

В коридоре никого, камеры наблюдения отключились, замки с кодовым набором тоже, снаружи открыть их можно теперь только ключом. Зато изнутри они открывались поворотом ручки. Во двор мы пробрались незамеченными. Во время. Водитель грузовика закрыл борта и сел в кабину. Мгновение – и мы вскочили в кузов. Я – уже на ходу. Грузовик выехал за ворота.

Три километра асфальтовой дороги вниз до города показали нам вечностью, но никто за нами не гнался, все было тихо. Въехав в город, мы спрыгнули на дорогу на первом же светофоре. Я уже неплохо ориентировался и уверенно повел Карину и Вадима к Розе.

* * *

Увидев нас, она всплеснула руками. В комнате Карина обессиленно упала на кровать, Вадим плюхнулся в кресло. Мы с Розой занялись приготовлением завтрака, я попутно рассказывал ей о наших злоключениях.

После завтрака она ушла на базар, но уже через два часа прибежала со свежими новостями. Нас ищут. Предлагают огромные деньги. Конечно, перекрыть аэропорт, вокзал и все дороги Ибрагим-паша не способен, но деньги делают свое дело. Кто угодно может польститься на них и донести на нас.

– Продажных душ хватает, – заключила Роза.

Нужно уходить, оставаться опасно, и Розу бы не подставить. Но она уверила, что мы можем оставаться сколько захотим.

Ночь прошла в тревожном ожидании. Вадим сказал, что не может здесь спать, и ушел в подвал. Мы с Кариной вновь оказались на одной кровати. Снова она прижалась ко мне и уткнулась носом в грудь.

– Слушай, как ты догадался, что Махмуд дал тебе незаряженный пистолет?

– Ну, это несложно. Он вынул магазин, но не передернул затвор перед этим. Значит, патрона в патроннике не было.

– А вдруг бы патрон был?

– Это вряд ли. Носить оружие с достланным патроном очень опасно. Тогда только предохранитель может уберечь хозяина. А он не всегда надежен. В мирной жизни этого лучше не делать. И еще: я видел ухмылку Махмуда. Он готовил каверзу. Я это понял. В пистолете не было патрона. Да и Ибрагим не стал бы рисковать тобой, а тем более собой. Мало ли что...

– А ты носил пистолет с заряженным патроном.

– Носил.

– Зачем?

– Ну, при быстрой стрельбе выигрываешь полсекунды. А кроме того, это лишний патрон.

– И тебе это помогало?

– Один раз. Мы брали опытного вора в законе. Терять ему было нечего. Он отстреливался до последнего, пытался бежать. Я преследовал его. Я стреляю, он стреляет... Вот такая дуэль. Но патроны и он, и я считали. И, когда у него оставался один патрон, я сделал восьмой выстрел. Он понял так, что у меня патроны кончились. Быстро, чтобы я не успел перезарядиться, он бросился ко мне. Я сидел в укрытии, но встал перед ним. Он видел одну мою руку, вторая была в кармане. В полной уверенности, что у меня нет патронов, он опустил пистолет и засмеялся, наслаждаясь моментом. Я выстрелил в него в упор через карман. Видела бы ты его лицо. Удивление и страх. Он умер до прибытия других оперов, поэтому никто не знает, что произошло той ночью, кроме меня. Вот так меня выручил девятый патрон.

* * *

Город жил обычной жизнью. Не сезон, но приезжали туристы, люди ходили на работу, предприятия работали, только нас это не обманывало. Напряжение нарастало. Нас искали третий день. Мы узнали, что в полицию поступила информация о том, что племянницу Ибрагима-паши похитили двое неизвестных с нашим описанием. Было приказано задерживать всех подозрительных. Фотография Карины прилагалась к описанию неизвестных, скорее всего, приезжих. Предлагалась солидная награда за информацию.

Надо подождать день-два, чтобы спал ажиотаж, а потом уехать из города. Лучше всего на обычном автомобиле в соседний город. А там уже сесть на самолет или поезд.

Мы позвонили Ревазу, он немедленно приехал. Рассказали, как оказались на свободе. Впечатленный, он согласился вывезти нас, но сказал, что нужно немного подождать. Однако на другой день приехал и сообщил, что завтра рано утром выезжаем. Привез парик блондинки с длинными волосами для Карины и накладные усы для Вадима. Все это он взял с помощью родственника в местном театре.

Мне он ничего не привез, но решили, что я побрею голову и надену очки. Я не брился уже несколько дней, так что щетина была кстати.

Карина оказалась мастером грима. Она подложила себе и мне ватные шарики под щеки и у нас появились скулы. Себе она «сделала глаза»: нарисовала так, что изменился их разрез – они стали узкими. Узнать ее было практически невозможно.

Рано утром выехали. С нами была Роза. Вешей немного, документы в порядке. Проверки мы не боялись, но все-таки были напряжены.

На посту проверяли все машины, где было двое мужчин и девушка. Было рано, как раз то время, когда проработавшие всю ночь люди ждут окончания смены. Внимание рассеивается и хочется спать. На посту было трое. Двое сидя

дремали, положив голову на руки. Когда мы подъехали, они, лишь взглянув в нашу сторону, продолжили дремать. К нам подошел совсем молодой полицейский.

– Ваши докумэнти, – попросил он. Акцент был типичным для кавказца.

Реваз показал ему свои. Он проверил и вернул их, потом заглянул в салон и стал всматриваться в Карину.

– А ваши докумэнти, – обратился он к Карине.

– А в чем дело? – спросил я его. – Мы только ночью прилетели, а у нас уже документы проверяют.

– Ми у всех провряем. Так что извините.

– Ну хорошо.

Я сделал движение, будто роюсь в кармане.

– Вай, Ашот. Ты что, меня не узнал? – вмешалась Роза.

– Вай, тетя Роза, не узнал сразу, баревдзес¹, – вгляделся в нее полицейский.

– Баревдзес. Как дома, как дела? Как Нинеля? Как твой Левончик?

– Спасибо, тетя Роза, все харашо. Как ви сами?

– Да вот племянница приехала ко мне. Это муж ее – кивнула она на меня. – Это его брат. Едем в село навестить моего брата.

– А, харашо, харашо. Понял. Ладно, тетя Роза, езжайте. Осторожно только. Всем привет.

– Спасибо, Ашотик, тоже всем привет передавай, пока.

Реваз осторожно тронулся с места, но стал быстро набирать скорость. Все тихонько выдохнули.

– Ну тетя Роза...

– Да ладно, меня весь город знает. И я всех. Я же говорила, без меня не выедете...

* * *

До соседнего города доехали без приключений. Сразу поехали в аэропорт, но билеты были только на завтра. Решили переночевать в гостинице. Реваз отвез туда и, попрощавшись, уехал с Розой обратно. Мы тепло поблагодарили их за помощь, они пожелали нам счастья.

Дверь на ночь я подпер стулом. Карина демонстративно легла со мной. Вадим только усмехнулся. Всю дорогу он трясся от страха и только теперь стал снова обретать прежние манеры. Он потянулся к бару с напитками, и мы не стали ему мешать. Он выпил и заснул, тяжело ворочаясь во сне.

Утром мы вышли позавтракать. Рейс был во второй половине дня, поэтому мы покатались на каруселях в парке, поели мороженого. Вадим пошел с нами – не хотел оставаться один, но был угрюм. Видимо, переживал за свое будущее. Настала пора ехать в аэропорт. Мы вошли в номер. Во время сборов странная слабость охватила меня. Я посмотрел на Карину и увидел, что она протягивает ко мне руку и хочет что-то сказать. Но не может. Карина осела на кровать и уронила голову. Вадим посмотрел на нас и рухнул на пол.

– Вот сволочи, – подумал я, – кажется, «веселящий» газ пустили.

И отключился.

Сознание возвращалось медленно. Сквозь ресницы я увидел лица Махмуда и его ребят. Они посмеивались. Сознание укрепилось, и я огляделся.

Это был подвал. Темный и без окон. Мы сидели на стульях, прикрученные скотчем. Карина и Вадим все еще без сознания.

Махмуд и его люди стояли и обсуждали, что с нами делать.

¹ Здравствуйте.

– С наемником все просто. В расход. Можно просто закопать, но лучше устроить несчастный случай – мало ли кто за ним. С Вадимом придется подождать. Он нужен как запасной вариант, если девчонка заупрямится.

– А что с девчонкой?

– Ибрагим-паша отдал ее нам. Можем каждый поиметь ее, а когда надоест – начнем отрезать пальчики. Сначала на ногах, потом на руках. Главное, чтобы бумагу подписала. Поэтому правую руку трогать нельзя.

– Левую – сказал я.

– Что? – не понял Махмуд и оглянулся.

– Левую, – повторил я и поднял голову. – Она левша.

– Очнулся, – улыбнулся Махмуд. – Молодец. Ну как?

– Нормально. А что за газ был? Голова тяжелая.

– Хороший газ, надолго усыпляет. Видишь, уже успели вернуться домой.

– Вижу. Послушай, у меня к тебе разговор.

– Говори.

– Можешь попросить за меня перед Ибрагимом-пашой?

– Ты о чем?

– Я не хочу умирать. Ты же сам видел – я наемник. Кто больше платит, на того и работаю. Девчонка пообещала хорошие деньги, если я их вытащу. Я сделал. Но где-то просчитался. Хотя догадываюсь. Паспорт Карины или Вадима в гостинице регистрировали. Надо было ночевать в аэропорту.

– Умный. Даже умнее, чем я.

– Да не умнее тебя, – польстил я ему, – просто опыта больше. Ну так что, поговоришь? Возьмешь меня к себе?

– Ты старый.

– Старый конь борозды не портит. Можешь у ребят своих спросить – я кивнул на троих с ранами на голове.

Махмуд засмеялся.

– Да, это ты здорово придумал. А эти бараны попались. Хорошо, поговорю с Ибрагимом.

Они ушли. Вскоре Карина и Вадим пришли в себя. Я объяснил, где мы.

– Мы вернулись туда, откуда бежали? – Вадим зашелся в плаче. – Нас убьют, убьют. Я же говорил тебе, дура набитая! Зачем мы бежали?

– Прекрати истерику, – Карина оставалась внешне спокойной.

Но Вадим продолжал рыдать.

– Сидели бы тихо, все бы образовалось. А теперь нас убьют!!

– Заткнись, Вадим, без тебя тошно.

– Карина, иди к дяде, проси его, умоляй. Подпиши все бумаги.

Я рассказал, что приказал делать с Кариной ее дядя до момента, пока она не подпишет документы. Карина вздрогнула.

– А что они хотят сделать с тобой?

– Сначала хотели просто убить. Но я попросил Махмуда поговорить с Ибрагимом. Я ведь только наемник. Я хочу жить. А понадобится – сам буду отрезать тебе пальцы, но заставлю подписать бумаги.

– Да ты настоящая сволочь, – спокойно заметила Карина. – И что Махмуд?

– Обещал поговорить.

Карина кивнула.

– Значит, у тебя есть шанс остаться в живых? Сумеешь ли им воспользоваться?

– Очень постараюсь.

– Я на тебя надеюсь.

* * *

Махмуд пришел через час.

– Ну что, Карина, подпишешь документы? Или доставишь нам удовольствие сначала покувыркаться с тобой? Мои ребята в нетерпении.

Карина промолчала.

– Ладно, Ибрагим-паша сам хочет поговорить с тобой.

Они отвязали Карину и увели.

– Нас убьют, нас убьют, – шептал Вадим.

Через полчаса Карину привели обратно. У нее было каменное лицо. Я обратился к Махмуду:

– Махмуд, ну что со мной? Что сказал Ибрагим-паша? – спросил я.

– Жди. Ибрагим позовет тебя.

Когда они ушли, я спросил Карину, что произошло. Карина вдруг расплакалась:

– Это он убил моих родителей! Сказал, что сделает со мной то же самое. Устроит аварию.

– Думаешь, это правда?

– Во время следствия об этом говорили, но потом решили, что это несчастный случай.

– Вот гад! О чем еще говорил?

– Пытался заставить подписать бумаги, но я поставила условие сначала отпустить вас. Он не согласился. Сказал, что ему проще меня убить.

Еще через полчаса пришли двое. Они стали отвязывать меня. Застегнули за спиной наручники.

– Пошли.

Когда шли по коридору, я остановился напротив туалета.

– Ребята, нужно очень!

– Потерпишь!

– Не могу, ребята. А вдруг... Перед хозяином будет неудобно.

– Ладно, иди.

– А руки? Или кто-то из вас мне подержит?

Они переглянулись. Потом освободили одну руку и застегнули наручники спереди.

– Справишься.

В туалете я сразу посмотрел наверх. Быстро сделал то, зачем пришел, и спустил воду. Под шум воды встал на унитаз и быстро отвернул плафон, вывернул одну из двух лампочек и, завернув в носовой платок, сунул в карман.

Мы пошли дальше. На то, что в туалете свет стал тусклее, мои охранники не обратили внимания.

В кабинете, вальяжно развалившись, Ибрагим что-то обсуждал с Махмудом.

– Ты хотел о чем-то попросить меня? – улыбнувшись, спросил он.

– Да, но сначала хотел кое о чем сказать.

– Говори.

– Это секретная информация. Только для ваших ушей.

Ибрагим-паша посмотрел на Махмуда – тот покачал головой.

– Мы не выйдем, это опасно.

– Говори так, – разрешил Ибрагим-паша.

Теперь я покачал головой. Кивнул на бумагу и ручку. Мне придвинули. Я сел за стол и показал на охранников. Те отошли. Посмотрел на Махмуда. Махмуд посмотрел на Ибрагима. Ибрагим-паша кивнул, и Махмуд, усмехнувшись,

уселся в дальнее кресло.

«Махмуд хочет вас убрать и сесть на ваше место», – написал я и передал Ибрагиму. Тот взял листок и прочитал.

– Я знаю, – сказал он, и, помолчав, спросил: – Откуда тебе это известно?

Бумаги передо мной больше не было. Я оглянулся на охранников. Ибрагим-паша тоже посмотрел на них и рукой позвал меня к себе. Я встал сбоку и наклонился к уху Ибрагима.

– Они думали, что я без сознания. А я слышал.

– Все этого хотят или только он? – спросил Ибрагим очень тихо.

Я снова наклонился к уху:

– Двое точно, об остальных не знаю.

– Ну?..

– Когда вас не будет, хозяином станет ваш сын. А он игрушка в руках Махмуда.

– А когда хотят?..

– Когда Карина подпишет документы.

– А что хочешь ты?

– На место Махмуда. Остальные прогнутся под меня.

Все это время, нашептывая на ухо, я тихо приближался к Ибрагиму и фактически стоял уже за его креслом.

Ибрагим-паша усмехнулся:

– Врешь, Махмуд мне как сын. Он не мог такого сказать.

Он посмотрел на Махмуда, но Махмуд, как будто все поняв, не изменился в лице.

Ибрагим-паша напрягся:

– Или мог...

Дальше медлить было нельзя. Лампочка уже была у меня в руках. Я легко стукнул ею о край стола и разбил. Осталась «розочка» с острыми осколками. Перекинул руки с наручниками через горло Ибрагима-паши и приставил «розочку» к его горлу.

– Тихо сидеть! Оружие на пол! Руки за голову!

Но Махмуд, усмехнувшись, выташил пистолет и направил в нашу сторону.

– Ну, что я тебе говорил? Он готов тебя прикончить.

– Махмуд, положи оружие на пол, – с дрожью в голосе приказал Ибрагим.

Но Махмуд вытянул руку и прицелился. Я спрятался за Ибрагима.

– Махмуд, Карина подпишет документы, а вот Аваз не простит тебе убийства отца.

Махмуд задумался и опустил руку.

– Я хотел убить тебя, – сказал он мне и бросил пистолет на стол.

– Так я тебе и поверил! – пробормотал я на ухо Ибрагиму.

Двое охранников тоже положили пистолеты на стол и подняли руки.

– Один пистолет сюда, ключи от наручников, и все вон. Карину и Вадима посадить в машину. Через пять минут мы выйдем.

– А если я сейчас приставлю нож к горлу Карины, что скажешь? – сделал еще одну попытку Махмуд.

– Хочешь убить ее – валяй. Мне без разницы. Я потеряю только деньги, которые она мне должна. Жизнь дороже. Но останется ли в живых Ибрагим?

Махмуд поверил.

– Хорошо, через пять минут.

Через пять минут я, приставив пистолет к голове Ибрагима-паши,

вышел во двор. Там стояли два Гелендвагена. В одном сидели Вадим и Карина. Поодаль стояли Махмуд и его люди. В руках у них оружия не было, но оно было где-то рядом. Я понял это по их напряженным фигурам. Я, прячась за Ибрагимом, повел его к машине. Карина и Вадим выскочили навстречу, я отдал им два пистолета, которые у меня были.

– Стоять на месте. Я отпущу его, как только доедем до города.

Ибрагим-паша вдруг задергался и стал оседать. Он закатил глаза и судорожно хватал воздух.

– Сердце, сердце, – шептал он.

Махмуд рванулся было к нему, но я направил на него пистолет.

– Стоять!

Опустив Ибрагимом на землю, я понял, что тащить его будет невозможно.

– В машину! – крикнул я Карине и Вадиму.

Держа на прицеле людей Махмуда, мы попятились к машине, оставив Ибрагимом лежащим на спине.

Карина повернулась, чтобы открыть дверь в машину, и Ибрагим вдруг сел, в его руках оказался небольшой пистолет, который он направил на Карину. Вадим увидел направленный пистолет только в последний момент.

– Карина! – крикнул он и заслонил ее.

Два фонтанчика вздыбились на груди его свитера.

Схватившись за грудь, Вадим нашел в себе силы нажать на курок.

Три кровавых пятна стали расплываться по рубашке Ибрагимом-паши. Он осел и стал заваливаться набок.

Все ошеломленно застыли.

По остекленевшим глазам Вадима я понял, что ему уже не помочь. Карина вскрикнула, хотела броситься к нему, но я втолкнул ее в машину и вскочил на место шофера, предварительно два раза выстрелив по колесам второго Гелендвагена. Он осел на один бок.

Машина рванула в открытые ворота. Выскочив на дорогу, мы помчались вниз.

– Вадим, Вадим... – шептала Карина.

Дорога шла серпантинном вниз. Я ехал на небольшой скорости, опасаясь гололедицы. Неожиданно услышал сзади нарастающий рокот: нас догонял огромный джип. Рядом с шофером – Махмуд, остальные – сзади. Я прибавил скорость. Машина опасно закрипела и слегка пошла юзом на повороте. Справа мелькнул обрыв. Потом еще поворот. И снова обрыв. Три километра такой дороги могли закончиться в любой момент падением в пропасть.

Неожиданно на следующем повороте я увидел идущий навстречу тяжеловоз. Слегка притормозив, заметил, как тяжеловоз скрылся за деревьями по краям дороги. Преследующей нас машине тяжеловоз видно не было. Я не прибавлял скорости, и джип легко нас нагнал. Он пристроился вплотную за нами, пытаюсь обогнать. Люди Махмуда выташили автоматы, но пока не стреляли. Я снова прибавил скорость и, вильнув, перекрыл им дорогу. Джип вильнул в другую сторону, я тоже.

И увидел тяжеловоз. Он шел по встречной полосе. Джип снова свернул и прибавил скорость, пытаюсь нас обогнать. Я выехал на встречную и тоже прибавил скорость. Джип за нами. Тяжеловоз был ниже по склону, вне поля зрения джипа. Я продолжал мчаться навстречу тяжеловозу, и водитель, увидев мчащуюся навстречу машину, свернул на другую сторону дороги. Я продолжал ехать прямо, а потом резко затормозил.

Шофер джипа, стараясь избежать столкновения, свернул на другую

сторону. Увидев тяжеловоз, идущий ему навстречу, нажал на тормоза, стал выворачивать руль, но поздно – боком задел тяжеловоз. Остальное довершила гололедица: вылетев с дороги, джип рухнул с обрыва и, несколько раз перевернувшись, замер внизу.

Тяжеловоз остановился. Шофер выскочил из кабины, всматриваясь в перевернувшийся джип. Мы тоже остановились и посмотрели вниз.

– Ну, давай! – прошептал я. – Надо. Так будет спокойнее.

И меня услышали: машина сначала задымилась, потом раздался небольшой взрыв, и она загорелась.

* * *

В городе я оставил машину на одной из улочек, тщательно протер руль и все, к чему мы могли прикоснуться. Осмотрелся. Никто нас не видел. Мы вышли и растворились в городе.

Роза ахнула, увидев нас. Мы коротко рассказали, как снова оказались здесь. Роза принесла обед, но сил есть не было. Она заставила Карину подняться в ванную, а через полчаса посвежевшая Карина легла на кровать. Я тоже смыл с себя грязь. Не только с тела, но и с души. И лег рядом с Кариной. Она прижалась ко мне и сказала:

– Мне страшно.

– Мне тоже, – ответил я.

Карина с удивлением посмотрела на меня, ожидая, видимо, слов утешения, но я сделал вид, что готов заплакать.

Она не выдержала и рассмеялась.

– Ну, не дразни меня!

– Я тебя дразню? Да я сам в шоке.

Карина положила голову мне на грудь.

– Вадима жалко.

– Вадим погиб, защищая тебя. Может, впервые в жизни он сделал что-то по-настоящему достойное.

– Значит, я все-таки не зря его выбрала?

– Конечно. Он повел себя как настоящий герой.

Карина, успокоенная, снова легла.

– Спи, – сказал я. – Теперь нужно поспать.

И мы уснули.

* * *

Утром Роза, вернувшись с базара, выложила новости. У Ибрагима-паши дома вся полиция города. Он убит. Убил его Вадим. Ибрагим успел выстрелить и тоже убил его. Кто-то был вместе с Вадимом и пытался удрать на машине с места убийства. За ним гнались люди Ибрагима во главе с Махмудом, но на повороте врезались в тяжеловоз, упали с обрыва и сгорели в машине. Все погибли. Кто был за рулем машины, которую угнали и нашли сегодня утром, неизвестно. Даже водитель тяжеловоза никого не разглядел.

Теперь наследником и хозяином всего принадлежавшего Ибрагиму стал Аваз. Сообщили дочери в Америку, она вроде обещала приехать.

– Ну, она приедет и быстро расставит все по местам, – смеялась Роза. – Характер отцовский, крутой. Не то что Аваз.

Про нас забыли. Сказали только, что племянница Ибрагима нашлась. И никто ее не похищал. Ошибка.

Роза решила вечером приготовить праздничный ужин и попросила помочь. За делами забылись тревоги и переживания.

Вечером первым приехал Реваз с бочонком домашнего вина, сразу за ним приехал Гиви с мясом на шашлык. Подъезжали и подходили еще люди, Роза знакомила с ними. Застолье получилось шумным и закончилось глубоко за полночь.

Утром мы взяли билеты на самолет домой. Еще два дня нежились на солнышке, гуляли в парке и по набережной. Никто не обращал на нас внимания – мы были туристами, одними из многих.

Провожали нас Роза, Гиви и Реваз.

* * *

Дома зима в разгаре: нарастают сугробы, крепчал мороз. Родители встретили нас праздничным столом. О поездке мы рассказали коротко: «Все нормально». Карина сказала, что Вадим погиб. Несчастный случай. Подробностей не рассказывали, а родители не спрашивали. Придет время, сами расскажут.

Вечером, посмотрев на Карину, мама спросила, где стелить постель. Карина, слегка смутившись, сказала, что постелет сама. Мама улыбнулась и положила один комплект белья. На двоих.

Утром мы еле проснулись. За завтраком Карина сказала, что отпуск кончается, ей нужно возвращаться к делам. Мама ахнула:

– Каринушка, погодите. Погостите еще!

– Спасибо вам огромное, но мне пора возвращаться.

Мама толкнула меня в бок и шепнула:

– Ты хочешь, чтоб она уехала? Проси ее руки.

– Мама...

– Что «мама»? Давай... Немедленно.

Карина слышала, но молчала, опустив глаза.

Папа с другой стороны стола поднялся и сказал:

– Кариночка, вы знаете у нас очень неразумный сын. Он считает, что не ровня вам. Что вы богатая и красивая, а он старый, небогатый офицер полиции со скромной пенсией.

– Папа...

– Что?

– Не такая уж и скромная пенсия.

Папа махнул рукой.

– Разве в деньгах дело? Мы с мамой видим, что ты любишь Карину. Так что, Кариночка, разрешите мне официально просить вашей руки и сердца.

Все ошарашенно смотрели на папу.

– Что? – спросила мама.

– Для нашего сына!

– А-а-а, а я уж подумала...

– Ну так что, Кариночка?

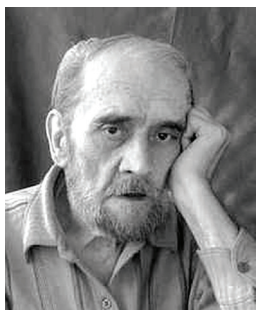
– А что скажет ваш сын? Может, он не хочет?

Я сглотнул слюну. В горле резко пересохло. Слова застряли. Я попытался откашляться.

– Карина... – и не смог произнести больше ни слова.

Карина сначала улыбнулась, а потом засмеялась.

– Я согласна!

Земная круговерть

Валерий СТАХОВСКИЙ

Говоришь...

Говоришь: «Я люблю!», да не чуешь беду –
Что тебе до меня добираться по льду
Босиком по колючим осколкам души
В темноте и тоске безответной тиши,
По иссохшим ручьям, по угасшим кострам,
По пустыне подвластной лишь диким ветрам.

Печать Луны...

Печать Луны на свитке неба
Скрепляет звездный договор.
В нем – плеск волны, и запах хлеба,
И птиц беспечный разговор.
Прописаны в нем каждый атом
И вся земная круговерть.
В нем день и ночь, рассвет с закатом,
Война и мир, любовь и... смерть...
А вслед за ней что? – Пустота?
Зачем тогда нам разум, воля?
Зачем и кем дана мечта,
Если назначена нам доля,
Мелькнув, сорваться в никуда?..

Валерий СТАХОВСКИЙ. Родился в 1945 г., живет в Ташкенте. Окончил факультет романо-германской филологии ТашГУ (ныне НУУз). Журналист, писатель. Работал в журнале «Экономика и жизнь» главным экспертом-консультантом Федерации обществ защиты прав потребителей Узбекистана, вел правовой ликбез в газете «Налоговые и таможенные вести», участвовал в разработке отдельных актов законодательства.

Ти-Ви-эма

Есть «телевидение» – Ти-Ви,
 есть «поэма»...
 Все в усталости...
 От сексовости
 И от гадости
 Всякой новости.
 От козловости
 Песен с плясками.
 От заумности
 С политтрясками.
 От пастырности
 Церковности
 И от сырости
 Пол-европости.
 От иракости
 Нефтебушевой –
 Мерзопакости
 Многодушевой.
 Палестинности
 Наракеченной
 И моссадости
 Отсекреченной.
 От проблемности
 Полудурковой
 В сериальности
 Масскультурковой –
 Гопностопновой,
 Зоноурковой.
 От суетности,
 Инфантильности,
 Наркодетности,
 Чикатильности.
 От содомности
 И гоморности,
 Сексодомности
 Без укромности.
 От лапшовости
 Всерекламности
 И дешевости
 Смыслохамности...
 А коль вспыхнетесь
 Вы в отчаяньи:
 – Что те надо-то?.. –
 То молчание
 Вы услышите,
 И услышите,
 Что вы дышите...
 Слушайте, слушайте Тишину!

Прощание поэта

Меня остаться не просите –
 Закончен жизни мой роман.
 Великодушнейше простите
 За предумышленный обман.
 Листвы искусственная зелень
 И в небе блеск фальшивых звезд,
 На занавесках светотени
 И бриллианты чистых слез –
 Все было выдуманно мною
 В надежде свой мир сотворить,
 В нем поселить себя героем
 И Вам лишь радости дарить.
 Однажды утром, на рассвете
 Он мог и должен был ожить,
 Но не случилось... Кто в ответе,
 Что не смогли Вы полюбить?..
 Вас не виню ни в чем. Минорный
 Звучит аккорд моей мечты,
 Его уносит ветер горный
 Во тьму извечной пустоты.

Пушкинские места 2014

У лукоморья дуб засохший,
 Цепь проржавевшая на нем,
 А на цепи той кот издохший
 Висит с оборванным хвостом.
 Там по изведанной дорожке
 Спешат наркоши косяком
 К избушке, что на курьих ножках, –
 Свой держит Черномор притон.
 Там тридцать витязей смазливых
 Гомосексуют у залива
 (Не тридцать три, их меньше стало –
 Легли на дно три натурала).
 Русалка там в борделе пашет,
 А леший на эстраде пляшет.
 Там на заре прихлынут волны
 На брег, усеянный дерьмом,
 Неся контейнер, трупов полный, –
 В затылке каждого пролом.
 Там то стрельба, то взрывом жажнет...
 Там новым миром круто пахнет.

Не воркуй, голубка...

*Памяти жены моей Наташеньки,
безвременно ушедшей*

Не воркуй, голубка, за моим окном,
Дай мне позабыться тихим-тихим сном.
Может быть, приснится та, кого любил,
Скажет, улыбнувшись, чтобы я не пил,
Чтобы вышел к людям и писал стихи,
Скажет, что простила все мои грехи...

Горели свечи...

Горели свечи,
Перед иконами
Златокаймлеными
Женщина плакала.
Звезды,
Стекаая каплями,
В бездну вечности
Безмолвно падали...
Одиночество плакало.

Пой, малиновка...

Пой, малиновка, пой на рассвете,
Пока юности сладостен сон,
Пока жизнь еще в розовом свете,
Пока в мир еще кто-то влюблен.

Будет время надежд и сомнений,
Яркий полдень и в тучах закат.
Шепот жаркий сердечных велений
Сменит мысли холодный расклад.

Счастья миг, а за ним лихолетье –
Вековечной судьбы колесо...
Пой, малиновка! Пой на рассвете,
Пока юности сладостен сон!

Я так хочу...

Я так хочу по полю пробежаться,
Забыть всю унижительность дверей
И где-то в перелеске затеряться
Среди цветов, деревьев и зверей –
И больше никогда не возвращаться
В удушие столбов и фонарей,
В асфальта пересохшие потоки,
В безумье человеческих речей...

ПАРАДОКСЫ ЖИЗНИ

Рассказы

Абдул МАМАЁР

ПОЗДНЯЯ ЛЮБОВЬ

Рассказ семидесятидвухлетнего пожилого человека заставил меня задуматься.

«Мне было где-то 12 лет, – начал он. – Часто мысленно я возвращаюсь в то сладкое, хоть и голодное, детство, когда с утра до самой ночи бегал с ватой сверстников, домой забегал, чтоб схватить кусок хлеба, и опять к ребятам. Среди всех ребят особенно запомнилась девочка, моя сверстница. Звали ее Таня. Мы ее называли Танюша-Катюша. Кстати, Катюшей была ее сестра. Уж очень она мне нравилась. В своем платьице синем с белыми горошками она была просто ангелочком. Всякий раз очень хотелось ей угодить. То яблочко принесу, непременно белый налив, она их особенно любила. Бывало, конфету мне даст дядя Фёдор (он работал завскладом), я ее глубже в карман – и к Танюше-Катюше.

Голод усиливался. Время было беспокойное, тяжелое, начались репрессии. Сосед наш Спиридон Макарович написал донос на дядю Фёдора. Ранним утром мы видели его в последний раз. Оставаться рядом с таким соседом было страшновато. Собрали скромное нажитое и переехали в город к тете Дусе в коммунальную квартиру. В одной комнате впятером, конечно, тесновато, но на сердце спокойнее. Ощущение, что за тобой могут приехать в любое время, не терзало.

С Таней не успел попрощаться. Этот период своей жизни запомнил я навсегда. Больше никогда в жизни я так не дружил с ребятами, даже дворовыми.

В 41 началась война, мне 14 было. С одноклассниками решили собрать мешки с необходимым – и в военкомат. Там нас уже дожидались родители. Конечно, мы в слезы.

Навстречу вышел высокий седовласый мужчина в военной форме, на погонах по 4 звездочки. В званиях мы тогда не разбирались.

– Сейчас мы запишем ваши фамилии и поставим на учет, – начал он, –

Абдул МАМАЁР (Абдулла Махмадияров) родился в 1960 году в городе Ангрэн. В 1984 году окончил ТОГПИ. Работал на кафедре современного русского языка и общего языкознания. Проживает в США.

для вас есть первое поручение: продолжайте учебу! Грамотные солдаты нам необходимы, выполнять незамедлительно! – с этими словами он повернулся и зашагал в сторону здания.

Слезы мгновенно высохли, радостные, мы с родителями отправились по домам. Да, на фронт я так и не попал. Нас всех посадили в вагоны, и через несколько дней мы были в Средней Азии, в Узбекистане, а еще точнее – в Фергане. Жили там недолго. Переехали в Ангрэн после похорон моей любимой бабушки.

В 26 я женился на работнице молочного завода. До сих пор не могу спокойно смотреть на молочные продукты... Она меня закармила и сметаной, и кефирчиком, и всем молочным, представляете, и на завтрак, и на обед, и на ужин. Прожили мы 32 года вместе, бог детей не дал. Какая-то непонятная болезнь ее унесла. Равно три дня лежала с температурой и вот...

Остался один. Утром на работу, вечером возвращался в пустую квартиру, где меня дождался старый телевизор Рубин-102, с которым я разговаривал. И так продолжалось много лет. На четырнадцатилетие со дня смерти своей жены решил накрыть стол, пригласить соседей. За столько лет соседства мы уже сроднились. Пошел за продуктами в новый магазин – универсам...»

Здесь он прервал свой рассказ, вытащил из кармана пачку Беломорканала, достал папиросу, со знанием дела, постучал по коробке, закусил зубами и закурил.

«Ну вот, стою я, значит, в очереди, – продолжил он свой рассказ, – и слышу громкое: “соблюдайте очередь!” А голос этот прямо резанул по сердцу, аж ноги подкосились. Не могу понять, что со мной?

“Я вам говорю, женщина!” – снова слышу до боли в душе знакомые интонации. Мне не терпелось увидеть, кто же это. Отошел в сторону, вижу пожилую женщину, которая вызвалась следить за порядком в очереди. “Показалось”, – успокоил себя, и встал на место. А когда она выходила из магазина, окинула меня оценивающим взглядом с ног до головы. Тогда-то я увидел ее глаза, у меня само вырвалось: Танюша-Катюша! Она уронила авоську со всем содержимым: “Инокентий, Кеша?! Это ты?!”

– Да, конечно, я! Видишь, и ты меня узнала!

Минут пять мы молча смотрели друг на друга не отрывая глаз. Хотели говорить – не знали с чего начать, не знали о чем.

Молча подняли авоську с продуктами и направились к выходу. Сели на лавку у магазина и просто держали за друг друга руки.

– Разве это возможно? Это что, мистика, волшебство, магия?! – прервала молчание Таня.

– Как видишь, чудеса случаются, – выдавил я из себя с трудом.

Я увидел в ее тревожных глазах слезы радости.

– Ты где-то рядом, вернее, мы рядом, мы, это... живем по соседству, получается, а, Таня?!

– Получается, да.

– И почему же мы раньше не встретились? Я получила квартиру уже 10 лет назад.

– И я, это... десять лет живу в 56 доме!»

Старик так точно передавал диалог, что мне пришлось спросить его:

– Вы что, помните каждое слово и все эмоции той встречи?

- Я все запомнил на всю жизнь
- А сколько же лет вы не виделись?
- 60 лет.
- И вы сразу узнали ее?
- По глазам, по глазам я ее узнал, они такие же, как в 12 лет, душой узнал.
- Можно мне увидеть ее?
- Танюшу?! Конечно, можно! Вон она, на веранде, в окне, следит, чтоб меня никто не увел... – смешком сказал он.
- Мы подошли ближе. Выпало мне счастье услышать и от нее ответ на вопрос:
- Все это правда, что рассказал Иннокентий Петрович?
- А что рассказал?
- Про ваше расставание, встречу спустя 60 лет, любовь, женитьбу?
- Разумеется, правда. Скажу больше, это мое сердце меня к нему привело. Повисла долгая пауза, дальше я не мог говорить с ними. Просто смотрел на двух голубков – то на Танюшу-Катюшу, вернее бабу Таню, что была в окне, то на деда Кешу – и дивился.
- Это были самые счастливые и влюбленные люди на земле.

ЦВЕТЫ ЗАПОЗДАЛЫЕ...

Слезы счастья и воспоминания о далеком детстве, когда она представляла свою жизнь совсем иначе.

Вспомнила детство, когда она, будучи совсем маленькой первоклассницей с большими бантами и тяжелой сумкой, неслась в школу, боясь опоздать.

В ее воспоминаниях детство начиналось именно с этого момента. Одноэтажная школа с бочкой холодной воды во дворе и с большим фруктовым садом позади школы.

Беззаботное, веселое детство. На переменах девочки играли в классики, прыгали, резвились. Любила Настя большую перемену, когда они спускались в столовую на цокольном этаже. На входе их встречал аромат блюд, приготовленных руками Валентины Авдотьевны. Ей нравилось, когда ее называли тетя Валя. После обеда ученики медленно, лениво брели в свой класс. Сытный, вкусный обед располагал ко сну.

Домой возвращались шумно, с криками, размахивая сумками, с чувством исполненного долга. Насте нравились зимние каникулы, когда они с братом после уборки по дому смотрели мультфильмы. А новогодние утренники, когда она наряжалась в Снегурочку...

Тогда все с нетерпением ждали каникул, лето. Три месяца, целых три месяца!

Мама Насти работала дояркой и чуть свет уходила на ферму. А отец вообще целыми днями был в поле.

Яркие лучи солнца будили Настю, поначалу она вскакивала с постели, боясь опоздать в школу, но потом вспоминала каникулы!

Быстро умело заправляла кровать, одевалась, брала сверток, приготовленный еще с вечера, и к речке.

Только ее и видели.

Бывало, когда задерживалась ребятня допоздна, разводили костер и пекли картошку, насаженную на длинную березовую ветку. Ох и вкуснотиша!

Родители были спокойны, знали, что дети дурным заниматься не будут.

Как оказалась в десятом классе, Настя помнит смутно.

Годы так быстро пролетели! Вот и май, прощай, школа!

Выпускной вечер организовали в клубе. В новом платье, с дурацкой взрослой прической она чувствовала себя неуверенно.

Впервые тогда она танцевала вальс. К ней робко подошел Давид, протянул руку:

– Можно?

– Не знаю...

– Пойдем! – и повел ее на середину зала.

Все внутри сжалось, слышала громкий стук своего сердца. Через какое-то время ей даже стали нравиться новые ощущения.

* * *

С подругами Томой и Раей Настя поехала в Нижний Новгород поступать в сельскохозяйственный институт.

За семнадцать лет своей жизни девочки впервые оказались так далеко от родной деревни. Нижний Новгород удивил необычной архитектурой, своими размерами. Институт, к счастью, нашли быстро. Он оказался на площади Минина и Пожарского. Рядом с Кремлем.

На мандатной комиссии Настю ошарашили известием, что не хватило двух баллов для зачисления.

Тамаре и Раисе выделили комнату в общежитии, где и она одну ночь переночевала. Наутро ей пришлось оставить своих подруг. Возвращаться в деревню было стыдно. Бродила по городу, не зная, что предпринять, куда прийтись. К концу дня забрела в парк.

«Останусь на этой скамейке до утра», – подумала Настя, поудобнее располагаясь, подобрав ноги под себя. Ее внимание привлекла шумная ватага ребят с гитарой, они направлялись в ее сторону. Остановились напротив, пританцовывая, затаили «Очи черные...».

– Я Павел, – представился гитарист и протянул Насте руку.

– Настя, – робко произнесла она, а глаза блестели от слез.

– Это почему мы в слезах крокодильих? – Присевши на корточки, спросил другой парень:

– Меня зовут Миша, веселю тех, которые плачут.

– А я, а мне, короче, я – Ник, то есть Коля, а вообще Николай.

Тогда Настя и представить себе не могла, что эти открытые, веселые, чистые на первый взгляд ребята сыграют с ней такую злую шутку.

– А вы, Настя, с чемоданом откуда?

– С Калифорнии.

– Эт, получается, из самой Америки?!

– Почему из Америки, из деревни Калифорния.

– Прямо так и называется?

– Да, историю названия, к сожалению, я не знаю.

– Кто называет Калифорновка, кто Калифорния.

– Собираешься здесь ночевать? Или с нами? В Заволжье на электричке? –

спросил Павел. – Остаться в парке ночью одной опасно.

– Даже и не знаю... если, конечно, поможете с чемоданом?

В полночь в электричке этих добрых, порядочных ребят будто подменили. Стали вести себя нагло, распускать руки. На замечания и угрозы не реагировали. Настя подошла вплотную к Коле и, глядя в глаза, ударила по щеке. Это привело в ярость ребят. Они перестали контролировать свои действия. Выволокли Настю в тамбур и около часа измывались над ней, пока она сознание не потеряла.

– Баста, ребята, сливаем, открывай двери, – приказал гитарист.

Настя очнулась, когда солнце стояло в зените. Дышать было тяжело, еле собравшись с силами, ухватившись за ветку кустарника, присела. Одежда на ней была изодрана. Шагах в десяти лежал открытый чемодан. Встать и подойти к нему не было сил. Мучила жажда, в горле пересохло. Не двигаясь, присидела она до заката. Солнце село, жара спала, дышать стало легче.

Переодевшись в то, что было в чемодане, Настя побрела вдоль железнодорожной ветки в сторону, где виднелись дымящиеся трубы.

Очнулась в палате накануне Нового года, по словам врачей, ее нашли в августе недалеко от вокзала лежащей на откосе. Почти четыре месяца в реанимации.

– Так что, дорогая, и тебя спасли, и ребенка сохранили.

– Какого еще ребенка?!

– Который под сердцем, ладно, не волнуйся, будешь покрепче – поговорим.

Состояние с каждым днем улучшалось, через месяц Настю выписали. В незнакомом городе, с чемоданом, беременная... «Требуются технички, предоставляется общежитие и трехразовое питание», – прочитала Настя объявление.

* * *

Фабрика «Русские Промыслы» находилась на другом конце города.

Вспомнив, Настя быстро положила чемодан на землю, с тревогой нашупала деньги. Они были на месте, 160 рублей, которые мама аккуратно зашила.

Взяла три рубля, остальное аккуратно положила на место.

На работу ее приняли, выделили отдельную комнату в общежитии.

Настя работала старательно, относились к ней с большим уважением. На 8 Марта подарили большую пуховую подушку и байковое одеяло. Радости не было предела.

Беременность на работе никто не замечал – Настя туго перевязывала живот и надевала широкий рабочий халат.

В мае она взяла отпуск за свой счет и подалась в Нижний Новгород. Ребенок родился здоровый и крепкий.

– Смотрите, у ребенка родимое пятно буквой А, наверное, это Анастасия.

Ребенка она возненавидела еще в утробе. Отказную на него написала, как только родила.

Через семь лет работы от фабрики получила однокомнатную квартиру. От предложений выйти замуж отказывалась, мужчин сторонилась.

Мечта, получить высшее образование, сбылась: через год Настя поступила в Нижегородский сельскохозяйственный институт на заочное отделение.

В фермерском хозяйстве, куда попала после института, проработала четыре года агрономом. Хозяйство вывела в передовые. Продукция этого хозяйства выставлялась на сельскохозяйственных выставках в Москве. Не раз избиралась народным депутатом от своей области, регулярно участвовала в радио- и телевизионных передачах. Жизнь была интересной, насыщенной и разнообразной.

Однако омрачали существование мысли о сыне, которого она оставила в родильном доме. Она была готова многое отдать, чтобы хоть одним глазком увидеть его.

* * *

«Даже имя не удосужилась дать мальчику», – с грустью думала она.

Большая квартира в центре Москвы, новые знакомства, деловые встречи, собрания, съезды. Все дни недели были расписаны по часам. Оставался единственный день – воскресенье, когда могла Анастасия Степановна быть самой собой.

Прошло достаточно много лет.

Анастасия Степановна любила по воскресеньям посещать читальный зал публичной библиотеки.

В подшивке газет прошлых лет ее внимание привлекло небольшое объявление о розыске Ивановой Насти (Анастасии) 1941 года рождения. «Поехала в Нижний Новгород поступать в ВУЗ и пропала. Была одета в платье синего цвета, бордовую кофту, на голове берет темного цвета. Все, кто встречал или что-то знают о ней, просьба связаться по телефону...»

Сердце чуть не разорвалось! Настя выбежала на улицу, села на скамейку, схватилась обеими руками за голову. Слезы текли ручьем.

Собравшись с мыслями, Анастасия отправилась в ближайший опорный пункт милиции.

- Я по объявлению о розыске. Дата подачи 3 Сентября 1958 года.
- Барышня, эта старое, давно закрытое дело.
- Меня, меня разыскивают, это я.
- Столько лет прошло, мы не занимаемся старыми делами.
- Тогда направьте к кому-нибудь.
- Смотрю, вы настырная, погодите.

Дежурный направился в архив и вернулся с папкой, где было только одно заявление. В нем говорилось о пропаже человека и контакте заявителя. Заявителем был некий Давид Рихтер, и адрес... Деревня Калифорния, дом 39.

- Больше помочь ничем не могу, так что... извините.

Несколько дней Анастасия была не в себе. Ни с кем не контактировала, на работе сказала, что на больничном. Отключила телефон.

Решила написать письмо по адресу заявителя. Ответ пришел через 7 дней от друга детства Давида.

– Ты должна помнить меня, меня называли Рыжий. Я постоянно дергал тебя за косички, зарывал в сугроб, а на выпускном был самым счастливым, танцевал с тобой вальс.

Она читала письмо и ясно представила выпускной бал. Письмо

заканчивалось словами: «Если можно, напиши где ты сейчас, я приеду».

Анастасия несколько раз перечитала письмо. О родителях не было ни слова.

Прошла неделя, Настю разбудил звонок в дверь. На пороге стоял мужчина плотного телосложения в льняном костюме и кирзовых сапогах. На висках пробивалась седина.

– Это я, Давид, Настя, это я – Рыжий.

Настя кинулась в объятия.

– Наконец-то хоть одна родная душа. Заходи, как я рада, раздевайся, вешай сюда, проходи.

Настя металась между кухней и залом. Беседа за горячим кофе и бутербродами затянулась до самого вечера. Анастасия узнала, что родители умерли через год после ее пропажи – не выдержали. Объявление подал Давид, который так и не женился, ждал Настю столько лет. На предложение выйти за него замуж, Настя сразу ответила согласием.

Жить остались в столице, Давид устроился на ЗЛК, работал наладчиком токарных и фрезерных станков.

В отпуск поехали в родную деревню Калифорнию. Отчий дом заколочен досками. Брат женился и уехал в Польшу.

– Пойдем, мой дом, вернее, наш дом, дальше, 39.

У ворот их встретил рослый светловолосый парень, почти мужчина.

Во дворе слышны были веселые детские голоса.

– Это мой сын знакомься.

– Как? Ты же говорил, что не был женат!

– Не был, а сын есть.

– Красивый, на тебя похож, вылитый папа.

– А то, конечно! Степаном зовут, это в честь твоего отца.

Настя прослезилась.

– Пройдемте в дом, пап, как мне ее называть-то?

– Так и называй, как меня папой, так и ее мамой.

– Проходите.

На стене в гостиной висела пожелтевшая фотография: на выпускном вечере она с Давидом рядом.

Степан быстро собрал на стол, помогали ему детишки.

В доме было шумно и весело. Давид с сыном целыми днями были на работе. Настя с Алевтиной (женой Степана) по дому и с детьми.

Собиралась за столом большая семья только вечерами. Идиллия и спокойствие царило в доме, и каждый был счастлив по-своему.

В последующем Анастасия часто будет вспоминать день, когда она в зеркале увидела Степана, на спине которого выделялось красное родимое пятно в виде буквы А.

Слезы счастья, радости текли по ее щекам.

СВАТОВСТВО

Очерк

Умида КАРИМОВА

Сватовство в узбекских семьях – дело нешуточное. Встретиться с молодым человеком, претендентом в мужа, возможно только с официального согласия родителей. Иначе не избежать косых взглядов и ехидного шепота находящихся начеку соседских кумушек, обсуждающих по поводу и без него чей-то «облико-морале», неправильное воспитание, родителей, распустивших свое чадо, шляющееся неизвестно где и с кем.

Не стоит, конечно, очень обижаться на соседок, они исполняют роль своеобразных санитаров общины. Благодаря их бдительности сохраняются семейные традиции, искореняется разнузданность нравов в сложившемся обществе, называемом махаллей.

Здесь каждый член связан кровнородственными или дружескими связями с прочими и считает своим правом посоветовать соседям и поучаствовать во всех мероприятиях близлежащих домов: и в обрядах, связанных с рождением, и в свадьбах, и уж непременно – в поминках.

Это бывает обременительно, но утешает то, что можно с таким же неистовством и настойчивостью участвовать в проектах и фантазиях своего заботливого соседа, с лихвой возвращая его заботу и утоляя свое любопытство. А хашар?!

О хашар! Помощь – работа всем миром. В любой махалле найдутся те, кто непременно этим воспользуется. Можно даже переехать к соседу на весь период помощи. Вечерами, лежа на айване под темно-синим звездным небом, под марлевым пологом, спасающим от укусов комаров, переваривая сытный, вечерний плов, с жаром обсуждая планы на завтра, предвкушая утреннюю кашу горячего ширчая с черным перцем и лепешкой с зернышками тмина по всей ее румяной поверхности, ощущать блаженство от своей значимости в деле построения счастья семьи соседа...

Однако вернемся к теме сватовства.

Девушки, достигшие шестнадцати лет, становятся объектом пристального внимания не только соседей, но и незнакомых женщин. Вы можете спросить – а как это происходит?

Умида КАРИМОВА. Окончила химфак и аспирантуру в ТашГУ (ныне НУУз). Пишет стихи, занимается переводами. Активно сотрудничает с клубом-музеем «Мангалочий дворик Анны Ахматовой». Публиковалась в альманахе «Под крылом Пегаса», журнале «Звезда Востока», автор поэтического сборника «Маржон».

Ответ очень прост. У каждого узбекского дома на рассвете можно увидеть девушек с вениками. Они старательно метут улицы у дворов – это ритуал. Аккуратность – наилучшая рекомендация для девушки! Значит она ответственна, готова к замужеству.

По-восточному ярко одетые стройные фигурки с вениками – красивая составляющая махаллей старого города. И вот, когда кругом чистота, смеющиеся и щебечущие стайки девушек собираются то у одних, то у других ворот, рассуждая о своем. Домой не спешат, зная, что недалеко, может, за ближайшим углом, бьется сердце влюбленного юноши, наблюдающего за своей будущей избранницей.

И процесс сватовства начался! Первый этап – караван махалинских женщин, чинно шествующий к дому будущей невесты с большими тазами-тогорами, наполненными разными изумительными по вкусу национальными кушаньями, своими ароматами способными свести с ума.

Мясново-хасыпно-самсушное, зажарено-печено-фаршированное изобилие украшено особыми лепешками – патырами, источающими тонкий аромат. Их несут в плетеных из тала (ивняка) корзинках с низкими бортами. Поблескивая золотыми браслетами, жемчужными ожерельями и полными гарнитурами из колец и сережек с рубинами, которым могла бы позавидовать сама английская королева Елизавета, женщины степенно проходят в дом. Где за таким же изобильным столом восседают такие же степенные женщины с не меньшим количеством серег, колец и браслетов. Начинается церемония приветствий и взаимных расспросов о здоровье домашних, дальних и близких родственниках, детях ... и внуках, поднимается такой гвалт, будто с шумом мчится скоростной поезд. Обмен приветствиями продолжается в течение пяти минут. Затем все стихает.

Затянувшуюся паузу прерывает голос самой пожилой и уважаемой родственницы со стороны жениха.

Представившись, она витиевато говорит о цели визита, красноречиво описывает кандидатуру жениха, деликатно осведомившись о девушке и ее учебе. Хотя эта сторона биографии невесты была, разумеется, скрупулезно изучена заранее через подруг, знакомых, даже через деканат факультета, через поликлинику... Только Бог знает, по каким каналам проходит сбор информации. Частный детектив может лишь поучиться, не такой уж большой город Ташкент – всего-то три миллиона человек, да и родственники через одного на расстоянии вытянутой руки. Выяснить все помогут.

Интересный случай произошел с сестрой моего мужа, живущей в самом центре оживленной махалли. Шофаиз в старогородской части нашего мегаполиса с традиционным национальным укладом жизни. Одноэтажный старый город с частными домами – удивительный район, о котором можно говорить часами. Но это отдельная история...

Так вот, семья у них зажиточная, пользуется авторитетом в махалле. Глава семьи – дода – хоть души не чаял во внуках, все же воспитывал их в строгости и полном подчинении старшим.

И вот старшая, как-то неожиданно повзрослевшая внучка, хорошенькая и умничка, стала привлекать внимание женихов и свах. Свааты затолпились у ворот дома. Родители девушки целыми днями на работе, женщин-разведчиц принимала жена дода – бувижон.

Обычаи она знала хорошо, двери дома всегда были гостеприимно открыты, стол накрыт и готов для приема вереницей идущих сватов. Девушка

училась в мединституте, что было, несомненно, дополнительным плюсом. Как же... иметь невестку врача – и полезно, и престижно для любой семьи. Сваты проходили через мелкое сито отбора на предмет допуска к невесте – учитывалось все: положение семьи, внешний вид, физическое здоровье, учеба или работа будущего жениха. Потом уж принималось во внимание и мнение потенциальной невесты.

Наконец дело доходит до свидания с избранницей.

В первом свидании обычно «участвуют» по две женщины с обеих сторон. Как правило наиболее шустрые, деятельные, пользующиеся особым авторитетом и доверием родни. Они прячутся неподалеку от молодых, внимательно, словно снайперы из укрытий, наблюдая за каждым их движением. Их как будто бы и нет, но все знают, что они есть, они тут. Серьезная миссия будет вознаграждена хорошим подарком, тем дороже, чем зорче глаз наблюдательниц.

А женихи, как известно, бывают разные, и домашней девочке не просто их сравнивать и выбирать. Одни подъезжали к воротам института, где она училась и, не выходя из машины, включали музыку, лениво рассматривая свою избранницу. Другие выходили из машины и галантно открывали дверь перед ней. Третьи являлись с полным набором – цветы, улыбка, галантность, приветливость, вежливость.

Многие упустили свой шанс, выбрав неправильный подход.

Но только не этот юноша. Он-то, успешный спортсмен, повидавший мир, разъезжая по спортивным состязаниям, имеющий достижения в спорте, был умен, хорош собой, крепко скроен. В нем чувствовался огонь, а главное – племянница была очарована им. И, похоже, это было взаимно.

Жених частенько заезжал за невестой к концу занятий в институте. А однажды, выйдя из ворот института, невеста, несмотря на предварительную договоренность, не увидела знакомой машины. Сначала она растерялась, но через мгновение гордо вскинула голову и решительно направилась к остановке, не оглядываясь села в автобус. Юное сердечко трепетало. Еще больше был взволнован жених, опоздавший буквально на пару минут, но успевший увидеть в окне отъезжающего автобуса свою возлюбленную. Нарушая все мыслимые и немыслимые правила движения и отчаянно сигналив, джигит бросился в погоню. Но водитель автобуса то ли не слышал, то ли хотел понять, что нужно этому ненормальному? И только когда машина перекрыла дорогу автобусу, дверь, наконец раскрылась. Влетев в автобус, запыхавшийся жених, взяв за руку смущенную, покрасневшую девушку, пригласил ее в свою машину.

На этом приключения влюбленных не закончились. Жених вдруг пропал аж на два месяца!

В дом по-прежнему приходили сваты и из более состоятельных семей, но невеста мечтала не о богатстве, а о любви. Страдания и слезы девушки заметили домашние. Быстро навели справки, и оказалось, что жениха попросту срочно отправили на сбор хлопка. Все разрешилось, слава Аллаху...

Непредвиденная разлука сблизила молодых. Казалось бы, чего еще? Однако не все так просто...

Процесс сватовства только набирал обороты. Мать благосклонно принятого юноши еженедельно обивала пороги дома будущей невестки. Не было ни одного праздника, хаита, дня рождения, повода большого или малого, когда бы она не пришла в гости. Нескончаемым потоком шли «тогора» с подарками. И вот, когда, казалось бы, пал последний рубеж, в бой вступила

тяжелая артиллерия.

На одном из домашних советов с хантахты поднялся бобо. Поправив тюбетейку и запахнув решительно чапан, он заявил, что абы кому свою внучку не отдаст и сначала хорошенько прояснит полную картину семьи, в которую они собираются отдать любимую внучку! Выяснит все про их родственников вплоть до седьмого колена. И, проведя морщинистыми ладонями по лицу с кустистыми бровями, потребовал машину на завтрашний день.

И, как вы думаете, куда направился сей почтенный муж расспрашивать о будущей родне? В современный городской район, где нынче проживала семья жениха и имела квартиру в четырехэтажном доме? Да нет конечно! В таких домах соседи не знают даже, кто живет рядом с ними за стеной!

А отправился наш умудренный жизненным опытом аксакал в махаллю «Комолон», из которой были родом его будущие родственники. Жители называют свою махаллю сердцем Ташкента. Здесь знают об истоках рода и фамилий всех семейных кланов.

Нашел додо родовое гнездо жениха, обширный общий двор всех домов, в которых жила дружная семья жениха, его родители, дяди со своими женами и детьми, дед, отец его отца, со своей старушкой. Но не принято, как известно, у нас напрямую врываться в дом с расспросами. Все начинается издалека от соседей дальних, переходят к ближним, постепенно сужая круг. Получив положительные отзывы, можно было бы этим и завершить, но бобо не был бы бобо, если бы так сделал. Старик перебрал всех, дошел до самого центра, сужая круг. В махалле – это мечеть. Мечеть «Комолона» расположена рядом с мазаром (кладбищем). После утреннего намаза из мечети выходит толпа людей, оживленно переговариваясь, они потоками движутся по улице. К ним кинулся наперерез бобо. Степенно здороваясь, он стал переходить от одной группы людей к другой, уточняя знают ли они таких-то... дойдя в конце концов до последнего. Ему вежливо отвечали, передавая расспросчика по цепочке: цепочке к тому единственному не опрошенному человеку, который, наверное, и может подробно ответить на все вопросы. Подойдя к указанному собеседнику, бодрому, сухонькому и приветливому старику, он услышал в ответ на свой вопрос:

– Да-да, я очень хорошо знаю эту семью – и очень могу подробно рассказать их историю. Это хорошие люди и, отдав свою внучку за их парня, вы никогда не пожалеете об этом. Они будут холить, уважать и лелеять ее, она непременно найдет там свое счастье. Не сомневайтесь, уважаемый! Правда, есть маленький нюансик. В семье жениха есть один дед-проказник. Он, ну как бы вам сказать, неплохой человек, но немного... шохрок (балагур).

– Однако, если люди будут плохо говорить о нем, вы не верьте, – закончил старик, затем поднял брови, шумно выдохнул, будто готовясь нырнуть в холодную воду и, хитро улыбнувшись, посмотрел на собеседника: – Честно сказать, я и есть этот дед!

Оба старика рассмеялись и, пожав друг другу руки, обнялись. Дело было слажено. Над их седыми головами замкнулся круг благословенного сватовства.

Сейчас в счастливой молодой семье растут два сына – крепкие ребята-богатыри, да хранит их Аллах! И у них будет своя история, как и эта, перешедшая в семейное предание.

Мухиддин ОМОН

Человеком ты создан...

* * *

Дождь читает молитву. Послушно и грустно
Все деревья внимают небесной морали.
А в груди моей бродят десятки мелодий,
Словно дервиши, что от скитаний устали.

Так века напролет небо плачет и плачет,
Оставляет холмы без зеленой их кожи,
И, как стрелы, холодные струи он мечет,
И пронзает поля, что охвачены дрожью.

И срываются капли с небес потемневших,
Словно боль, что в земные глубины стекает.
Жизнь – старуха-колдунья – обманом нас тешит,
Семицветием манит забытого рая.

Замок с Божьим престолом незримою нитью
Связан с этой землею и нашим уделом.
Но постичь не дано скрытый смысл событий,
И земного пути мы не знаем пределы.

Снова сердце болит, в нем десятки мелодий,
Словно дервиши, что от скитаний устали.
Дождь читает молитву. Послушны природе,
вновь деревья внимают небесной печали...

Перевод Баха Ахмедова

Мухиддин ОМОН родился в 1963 году в Самаркандской области. Окончил филологический факультет ТашГУ (ныне НУУз). Работал редактором в издательстве «Узбекистан», в журнале «За здоровое поколение». Автор 350 научно-популярных, общественно-политических и духовно-просветительских книг, шестидесяти песен и сценариев для документальных фильмов.

* * *

Иногда себя львом почитает шакал,
Иногда обезьяна слону путь указывает,
Много в жизни премудрого мир наш создал,
Ведь не с неба к нам басни пришли и высказыванья.

Если ты, словно сокол, в краю голубом,
То найдутся «соратники» – те же стервятники –
Нет им радости в вольном полете твоём:
Их хвосты так длинны, а крыла как в курятнике.

Если деревом в небо ты ветви простер
И твоим сладким фруктам все рады на свете,
То, поверь, кто-то точно наточит топор
И придет, чтоб срубить твои корни и ветви.

А ведь жизнь – это путь, и идет караван,
Каждый путник особый и неповторимый.
Этот путь не людьми, а Всевышним нам дан,
Если это поймешь – ты навеки счастливый.

Человеком ты создан по воле благой –
Это счастье, и честь для тебя, и везение.
Будь же сердцем достоин ты чести такой,
Ни к чему тут нытье и напрасны претензии...

Пусть недобрые люди поносят тебя,
Пусть хотят перекрыть тебе истинный путь –
Но оценит заслуги Всевышний Судья,
И не слушай глупцов – на пути верном будь.

Обещанье Премудрого всем нам дано:
Если совесть чиста – душу ждет светлый рай.
Там есть место для каждого деревца, но ...
По плодам на ветвях его суть различай.

Листопад

Мои боли омыты сегодня дождями,
В моем сердце тоски не осталось следов.
И лежит листопад у меня под ногами,
Как дорога почета из ярких ковров.

И любая здесь вещь для меня словно новая,
Утонченно прозрачным предстал этот мир...
Вот асфальта дорожка чиста, как фарфоровая,
В небе звезды зовут на вечерний свой пир.

Как же воды чисты – эти слезы Анхора,
Мои мысли, как осени нити, парят.
Из груди моей вздох вырывается скоро:
Здравствуй, осень родная, и ты, листопад!

* * *

Солнце смеется. Вся зябкость погоды,
Подобно туману, уходит скорей.
Так рада душа, позабыв все невзгоды,
Предчувствуя свет ожидаемых дней.

С утра у меня настроенье такое,
Что радость в душе обрела полноту.
В садах это чудо шафрана благое
Рисует осенней поры красоту.

В притихшей воде глубина прояснения,
Величие скрыто в ее тишине.
В душе все заметней тоска нетерпения,
Но сердце светлеет при мысли о ней...

Смотрю твои письма, вникаю в чтение...
Навеки пленен я твоей красотой.
Рождается новое стихотворение –
Так добрым трудом начат день неплохой.

Перевод Николая Ильина

Счастье зовет

Давай уйдем. Дай руки мне,
Возьму в свои горячие ладони.
Пусть мать-Земля тоскует по тебе,
Забудем все мы о земле, о доме.

Давай, уйдем. Ты посмотри назад –
Ведь у меня есть крылья птицы счастья.
Пусть все сомненья воды поглотят,
В огне сгорят пусть все твои несчастья!

Давай уйдем. Уйдем, душа моя.
И ты сыта по горло, сыт и я.
Из слез, страданий красоту творя,
Познаем вместе смысл бытия.

Давай уйдем быстрее, поторопись,
Пока еще огонь порыв дает.
Не спи, душа моя, и оживись,
Ведь счастье нас к себе зовет!

Перевод Раьно Ахмедовой

НЕОЖИДАННЫЙ ДРУГ

Рассказ

Юрий ЯПРЫНЦЕВ

Бесшумно, стараясь не привлекать к себе внимания, по саду медленно шел грязный шенок, неухоженный, взлохмаченный, рыжий, пыльный. Улица и центральная помойка, основные источники пропитания, делали свое дело. Шенок наравне со взрослыми псами рылся в груде мусора в надежде найти тот заветный кусок черствого хлеба, который по ненадобности выбросили люди и который мог продлить собачью жизнь. Случались и джек-поты. Кость с остатками мяса... Тогда на помойке начиналась потасовка за найденное лакомство. Звонкий лай и возмущенный визг заполняли всю улицу до самого крайнего дома с красной черепичной крышей и большим зеленым садом. Обычно схватки за кость длились недолго. В минуты военных действий какая-нибудь хитрая шавка, вертевшаяся подле дерущихся, улучив момент, проворно утаскивала предмет распри. И наступал драматический финал. Собаки, заметив отсутствие предмета раздора, прекращали драку и, поскуливая от обиды, снова принимались разгребать помойку. Но в тот день кость была под пристальным наблюдением дерущихся, и звонкий лай звучал дольше обычного. Пришлось вмешаться дворнику дяде Ване. Длинной метлой он быстро разогнал собачью свору. Хвостатые бойцы в ужасе разбежались, бросив злосчастную кость. Желтоватая, с жирком, она притягивала взгляд, а запах неодолимо влек рыжего шенка. Он ринулся было в самое сердце помойки, но внезапно получил метлой по голове. В глазах на секунду потемнело. Взвизгнув от боли, шенок что есть мочи помчался прочь от разгневанного человека.

– Развелось собак не сосчитать! – громогласное недовольство дворника сотрясало воздух.

Бежать, бежать...

Шенок несясь без оглядки, опасаясь, что человек, от которого приятно пахло копченой рыбой, догонит его и вновь угостит проклятой метлой. Малыш не заметил, как оставив за спиной привычные места обитания, пересек границу дозволенного. В другие дни он никогда не пришел бы на край улицы.

Юрий ЯПРЫНЦЕВ родился в 1985 г. в Кыргызстане. Окончил строительный колледж в Газалкенте. Автор рассказов и очерков о природе Узбекистана. Живет в России. Публиковался в газете «Вечерний Ташкент». В журнале «Звезда Востока» публикуется впервые.

Ему навсегда запомнился один неприятный случай. Однажды ему уже пришлось побывать вблизи живой изгороди, служившей забором для углового дома. Шенок в тот день сидел под кустом розы и с трепетным интересом смотрел на широкую дорогу. По ней, как резвые железные животные, мчались автомашины. Неожиданно на асфальт выскочил Палкан. Оказавшись среди потока машин, старый пес растерялся и заюлил на месте. Громко заскрипели тормоза и сильный удар отбросил пса на тротуар. Зеленая малолитражка остановилась.

– Папа, ты сбил собачку! – закричала девочка, высунув голову с двумя хвостиками из окна автомобиля.

– Я не хотел, – мужчина вылез из салона и подошел к Палкану. Тот метался, непрерывно визжа от боли. Человек печально посмотрел на мучения пострадавшего пса и с заметным смущением произнес:

– Прости, сам же виноват. Повезло, жив остался. Больше не выбегай на дорогу. Опасно!

Машина уехала...

К счастью, Палкан выжил, но навсегда остался хромым.

Событие того дня шокировало шенка и поселило непреодолимый страх перед автомобилем.

Этим утром, не очень соображая, малыш в запарке добежал до трассы и в последнюю секунду остановился перед асфальтом. Мимо на большой скорости промчался красный, груженный щебнем, самосвал. Страшный рев напугал, но в отличие от Палкана шенок не растерялся, развернулся и побежал к забору. Пробравшись сквозь зеленую изгородь, он попал в густой сад с высокой сочной травой.

Оказавшись в незнакомом месте, шенок почувствовал некую защищенность и легко забыл громилу с метлой. Хотелось ознакомиться с новым местом, которое почему-то сразу полюбилось.

Через минуту его ждало первое знакомство.

Сначала шенок принял ее за обрывок бумаги, но она, вспорхнув крылышками, неспешно взлетела вверх. Большая бабочка понравилась четвероногому исследователю, которому захотелось понюхать незнакомку в знак дружбы. Подобную красоту на помойке не встретишь! Конечно, попадалась бежевая моль. Одну он чуть было не съел. Полная женщина в огненном парике выбросила серую шубу с облезлым воротником. В кармане шубы Палкан нашел половинку печенья с кунжутом, а следом вылетела моль. Шенок напал на нее, но насекомое умудрилось высвободиться из-под лапки и скрылось в пластиковой баночке. Несмотря на ужасную тряску и звонкий лай старателя, моль так и не покинула убежище.

Белая незнакомка, конечно, отличалась от помойной бабочки и вызвала восхищение. Малыш громко затывкал и побежал за ней, желая поскорее познакомиться с красавицей. Бабочку не особо обрадовало такое внимание, и она, поднимаясь все выше и выше, пропала среди густой листвы высокого клена. Преследователь подбежал к дереву, поднялся на задние лапки и тихо заскулил.

Почему она отказалась с ним дружить? Чем он не понравился?

Занятый своими мыслями, шенок не заметил появления постороннего, лишь оказавшись в чьей-то тени, он неуклюже повернул голову.

– Откуда ты взялся?! – позади стояла девочка в белой панаме и со смешным синим сачком для ловли бабочек. Большие карие глаза с любопытством сияли.

– Похоже, это ты вспугнул Софию? – она присела на колени, убрала в сторону сачок и позвала хвостатого незнакомца. – Подойди ко мне.

Шенок резво и бесстрашно побежал к маленькому человеку. Девочка протянула руки и схватила малыша.

– Ой, какой грязный! И ужасно пахнешь! – она поморщила носик. – Можно подумать, ты гостил на помойках. Интересно, как тебя звать? Меня Леночка Соломина.

Словно в подтверждение, девочку тут же позвали по имени.

– Лена, ты где? – раздался женский голос из глубины сада. – Идем завтракать. Какао стынет!

– Ах! Тетя Рая будет ругать. Надо тебя спрятать! – девочка растерянно завертела головой.

В глаза бросилась старая кладовка, обросшая кустами сирени. Подняв шенка на руки, девочка побежала к ней. Дверь, которой не пользовались, наверное, еще со времен, когда дедушка Толик был молодым, с трудом отворилась. По двум сторонам кладовки многоуровневые стеллажи, заставленные разными коробками, пыльными банками и ненужной рухлядью, на деревянном полу, прямо посередине, лежала синяя подушка, будто кто-то нарочно оставил ее тут много лет назад, зная о шенке из будущего.

– Посиди тут. Я быстро покушаю и сразу вернусь!

Лена отряхнула подушку за дверью от многолетнего слоя пыли, взбила ее и посадила на нее сверху найденыша.

– Не бойся. За храбрость принесу тебе пирог. Надеюсь, ты любишь пирог с джемом...

Девочка погладила шенка по голове и как можно скорее покинула кладовую, прикрыв за собой дверь.

Полуночная тайна

День угасал. Вечер заслал в кладовку свою верную служанку – непроглядную темень. Лишь сквозь щели в двери у самого потолка виднелись огоньки. Шенок не знал, что это за светлые точки, но они ему нравились. Слышал, что люди называют их звездами. На ночное небо всегда было приятно смотреть. За это и любил он свою картонную коробку, служившую ему домом. Тара из-под крекеров стояла в кустах в далеком углу небольшого сквера. По ночам шенок подолгу сидел в ней, задрав голову, и разглядывал небо. Звездочки, как ему чудилось, весело моргали друг другу, выражая свое дружелюбие. Одинокому шенку, ставшему круглой сиротой две недели назад, очень не хватало того самого дружелюбия. Малыш не знал, куда делась его мать: ушла за добычей и больше никто ее не видел. Попытки найти ее были безрезультатны. Мама пропала. Случайно шенок оказался вблизи от помойки. И инстинкт самосохранения подсказал, что теперь далеко от мусорки ходить не стоит. Здесь еда.

Сегодня вот он ушел, и очень сожалел. Не убежал бы так далеко, не оказался бы взаперти, где, по всей видимости, теперь ждет его голодная смерть.

Зря он доверился девочке. Лена обещала вернуться, но ее все не было. Наверное, забыла о пленнике и преспокойно спит в теплой кровати. Несмотря на недоверие и обиду, малыш продолжал ждать. И не потому, что не оставалось выбора. Хотелось снова увидеть эту ясноглазую маленькую девочку, почувствовать ее теплые ручки. Лена показалась ему звездочкой, которая спустилась на землю и согласилась стать ему другом. Неужели девочка передумала или он ей совсем не понравился? Глаза увлажнились от обиды и, свернувшись клубком, шенок попытался уснуть. Сон – единственный его верный спутник, который никогда его не покидает, всегда рядом. Потому малыш и любил спать в коробке, нежась под теплыми лучами солнца.

Глубокой ночью послышались шаги. Шенок поднял голову и повернулся к двери, которая дернулась и закрипела. На пороге появилась девочка с фонариком в руках. Через плечо была перекинута белая сумочка. В ней обещанный кусок пирога! Пленник мгновенно ощутил небывало приятный запах, стрелой подлетел к девочке и радостно залалял.

Звездочка вернулась!

– Тише, карапуз, не шуми, – Лена опустила сумку на пол, – может услышать тетя и прогнать тебя.

Шенок замолк, терпеливо слушая девочку и кося глазами на сумку. Благоухание выпечки притягивало к себе сильнее магнита.

– Там все тебе, – улыбнулась Лена.

Слова прозвучали как сигнал. Шенок проворно полез в сумку и с жадностью схватил зубами солидный кусок пирога.

Пока малыш прямо в сумке расправлялся с угощением, девочка села на подушку, выключила фонарик и исчезла в темноте.

– Я рада, что нашла тебя. Хотя ты и напугал Софию, бабочку, которая так мне нужна, – грустно сказала Лена. – Тетя сказала, что, если я поймаю в саду бабочку, мама пойдет на поправку и вернется из больницы домой. Вот я и ловила, а ты помешал. Но я не поэтому долг не приходила. Не переживай, пожалуйста, я не сержусь. Просто меня не отпустили во двор. Тетя весь день сама не своя. Запретила выходить из комнаты. Пришлось ждать, когда уснет, я сбежала через окно на кухне. Оно всегда открыто. Не понимаю для чего, – Лена пожалала плечиками, – ночами по столу гуляют дворовые коты! Нашли ресторан! Они вредят нам из-за тети. Ее никто не любит, – Лена спрятала лицо в колени и заплакала. – Папы нет дома, вот тетя и командует. При папе боится. Он сильный.

После минутного молчания Лена заговорила:

– Знаешь, я не верю в историю про бабочку, но кто знает. Вдруг маме действительно станет легче. Ужасно скучаю по ней. Завтра снова пойду ловить Софию. Как раз тетя уедет, а папа приедет. Никто не будет мешать. Если хочешь, ты тоже можешь ловить бабочку вместе со мной. Только громко не гавкай – так в жизни не поймает, – хихикнула она. – Кстати, я красиво ее назвала? София!

Через какое-то время Лена включила фонарик и заглянула в сумку. К ее удивлению шенок, сытно полакомившись, мирно спал.

Девочка не стала будить четвероногого соню и тихо ушла из кладовки.

Тревожное утро

На рассвете, расправившись с остатками пирога, шенок выбрался из сумки и огляделся. Ночью ему приснилась помойка: он якобы вернулся обратно и Палкан строго отчитал его. Сон был настолько правдоподобный, что шенок удивился, обнаружив, что находится в заточении. Первые солнечные лучи сквозь щели ворвались в маленькое помещение и осветили пыль, ставшую похожей на золотую пыльцу. Шенок подошел к двери, выглянул в дырочку и залился звонким радостным лаем: по саду шла девочка, неся в руках маленькую кастрюльку.

Лена зашла в кладовку, поставила кастрюльку перед шенком. В ней были остатки рисовой молочной каши и несколько обкусанных пирожков. Малыш, хоть и не был особо голоден, не удержался и припал к еде. Короваье молоко, впервые им попробованное, поразило его воображение. Как и в прошлый раз, девочка села на подушку.

– Вкусно? Каша – единственное, что хорошо получается у тети. А ночью папа приехал. Теперь нам надо... – голос девочки задрожал, – в общем, я не стану запирать кладовку. Она будет твоим домом. Не знаю, когда обратно вернемся, – она нежно погладила шенка. – Банный день тебе пошел бы на пользу. Ты просто ходячая рыжая пыль. Жалко, времени нет: сама бы тебя искупала! Ты кушай, а я буду говорить. Можно? Надеюсь, не сильно отвлекаю. Просто ты хорошо умеешь слушать. Люди так не могут. Можно попросить? Обещай, что найдешь Софию. Обещай!..

На улице раздался мужской голос.

– Лена, ты где? Торопись. Уже завел мотор.

– Папа зовет. Ты кушай, кушай, а я пойду, – Лена не любила прощания. Ее душили рыдания. Она быстро выскочила из кладовки и побежала. Шенок перестал есть. Неожиданно он понял, что его звездочка уходит навсегда, он больше не увидит ее. Забыв про кашу, малыш помчался за девочкой, но догнать не получилось. Впереди стоял автомобиль. Страх охватил его душу. Нельзя подбегать близко! Достигнув брусчатой тропинки, шенок остановился и с огорчением завыл. Девочка оглянулась, махнула рукой и впрыгнула в машину. Железный зверь увез новую подругу.

Режим ожидания

Двор, как оказалось, был очень большим для маленького следопыта. Летняя дача поражала своей ухоженностью и порядком. Подстриженные газоны перед домом с красной черепицей, разноцветные красоты на клумбах, аккуратные тропинки восхищали шенка. Да, с помойкой это не сравнить. Здесь все похоже на сказку. Вот только бы еще Лена вернулась.

Чудо не происходило. Никто не возвращался. Малыш долго ждал девочку в кладовке, но напрасно – ее все не было. Когда шенок сильно проголодался, он впервые покинул двор и побежал в сторону помойки, где его радостно облаял Палкан. Старый пес даже поделился со шенком остатками своей трапезы. Но, когда наступила ночь, малыш возвращался в свой новый дом – кладовку. Иногда он ночевал прямо на лужайке у двери и тогда мог снова наблюдать за дружбой звезд.

Однажды с запада подул неприятный холодный ветер, небо затянуло тучами, полил дождь. Шенок в это время рылся на помойке, и первый дождь в его крохотной жизни захватил его врасплох. И сразу такой сильный! Оставив поиски, он поспешил в сад.

Крыша кладовки надежно укрывала от дождя, правда, песик уже успел изрядно промокнуть, и незнакомая вода, льющаяся с неба, смыла с него всю грязь. Огненно-рыжая шерсть заискрилась, как яркая рекламная афиша. Шенок подбежал к кастрюле – пусто. Как обычно, в последнее время. Он отряхнулся и прилег на подушку. В эту ночь звезды впервые покинули его, спрятались за шторой туч. Но зато малышу приснился сон, в котором Лена взяла его на руки и больше не отпускала.

Следующее холодное утро шенок встретил с непривычной болью в голове, дрожью, частым чиханием. Он поднялся. Слабые ноги непослушно задрожали, и шенок прилег снова. Из открытой двери тянуло неприятным холодком.

Ближе к полудню тучи рассеялись и солнечные лучи ласково коснулись рыжей шерстки. На минутку показалось, что его гладит рука Лены. Шенок отрыл глаза.

София.

Бабочка, такая желанная для девочки, сидела на краю подушки и будто внимательно смотрела на больного. Даже когда тот чихнул, София не покинула своего места.

Хвостик вяло задвигался, выражая искреннюю радость четвероногого. Нашлась!

Спустя пару минут бабочка улетела, потом и солнце, не попрощавшись, ушло, оставляя после себя вечерний шлейф.

* * *

Знакомая теплая ласка разбудила малыша. С трудом подняв свинцовые веки, он увидел девочку.

– Папа, ему плохо! – взволнованно закричала Лена.

Отец, держащий в руке фонарик, быстро скомандовал:

– Неси его в машину! Отвезем к ветеринару.

Соломины быстро вышли из кладовой.

– Какой ты холодный! Зато чистенький. Дождик омыл твою шерсть. Теперь ты совсем красавчик. Спасибо, что нашел Софию. Я верила тебе! Думаю, ты встретился с бабочкой сегодня. Не вчера. Ведь моей маме стало лучше к вечеру. Скоро она совсем поправится и вернется, я вас обязательно познакомлю...

...и след оставить на земле...

Светлана СУСЛОВА

Ташкент

По старым улочкам Ташкента
 Брожу я в поисках слепых
 Следов былого – будто кем-то
 Обронен здесь заветный стих
 И горбоносый профиль словно
 Еще не выцвел на стене.
 Ведь здесь в войну рождалось Слово –
 То, обращенное ко мне,
 Что я прочту, родившись позже,
 Когда Победа отгремит...
 Случайно встреченный прохожий
 Мне с изумленьем вслед глядит,
 Что вдалеке от улиц светлых,
 Проспектов новых, цветников
 Любуюсь я засохшей веткой
 В дрожащих четках огоньков.
 О, ей века цвести в тетради
 Живой ахматовской строкой!
 Я той строки, быть может, ради,
 Года влекомая тоской,
 Сквозь все таможни продираясь,
 Сюда спешила наугад...
 Всегда мечтает вспомнить завязь,
 Каким он был – родимый сад.

Светлана СУСЛОВА. Народный поэт Кыргызстана, переводчик, член СП. Родилась в 1949 в Чите (РФ). Живет в г. Бишкеке. Окончила филфак КирГУ. Работала редактором Гостелерадио Кыргызстана, корреспондентом газет «Мугалимдер газетасы», «Комсомолец Киргизии», зав. отделом поэзии, глав. редактором журнала «Литературный Кыргызстан», гл. редактором журналов «Моя современница», «Литературная Азия» и «Армейский педсовет».

* * *

фонарь и ночь и пусть – аптека
потусторонний в стеклах свет
я – из серебряного века
а не из атомного – нет
снег серебром припудрил плечи
и в ореол замкнул фонарь
который раз вот этот вечер
случился – вплеся в календарь?
ведь ничего не изменилось
на грешной праведной земле –
все так же словно чью-то милость
мы счастья ждем в тревожной мгле
все так же войны не стихая
собирают страшный свой улов
все так же ложь струится – хая
малейший всплеск правдивых слов
и золотой телец жирея,
сосет из душ людских любовь
чтоб люд податливо старея
топтал небес высоких кровь
свет превращая в грязь и жижу
спеша к корыту скучных благ!
взгляд запрокинув к небу вижу
небесных сил горящий флаг
как символ веры в человека
почти спасенного от тьмы –
он из серебряного века
как впрочем все по сути мы

* * *

Хотя б за то, что были вместе,
Не лги, пожалуйста, не лги!
Пусть прогремят в пролете лестниц,
Как мячик брошенный, шаги,
Пусть пальцы грустные забудут
Тепло волос, смятенье губ.
Я просто знаю: если любят,
То, уходя навек, не лгут.
Не говори «промчится месяц»,
«Глаза у страха велики»...
Как слышу я в пролете лестниц
Твои поспешные шаги!
Не побегу, не крикну: «Что ты,
Люблю, люблю, люблю, – вернись!»
Я буду слушать тихий шепот
Капели, бьющей о карниз.
Я буду слушать шум моторов
И взрывы хлопнувших дверей.
Я буду счастье мерить горем
И к черту слать твоих друзей.
Ведь знаю, верить мне по силам
В любую ложь из губ твоих
Лишь потому, что я любила
И, может, сразу за двоих.

* * *

все в природе отмеряно скупно –
в мире денег нет места любви
в мире грез не бывает поступков
в мире пушек молчат соловьи
обнадежив весна улетает
словно пух одуванчиков вдаль –
жаль что так в этом мире бывает
жаль что радости множат печаль
что у Баха – потомство без слуха
сын царя – без царя в голове
что о сыне в приюте старуха
на съеденье досужей молве
столько сказок сплетет что поверит
и сама – как в делах он завяз...
жаль что ложь на неистовой вере
в этом мире замешана в нас

* * *

Последний лист протянет мне ладонь:
 Мол, что ж, прощай, – на то она и осень,
 Что даже в сень напыщенных садов
 Немыслимую жертвенность привносит,
 Сбивает в стаи птиц и облака,
 В любой душе дрожит невнятной трелью.
 И вот, нет-нет, да тянется рука
 Последний лист багряной акварелью,
 Как будто кровью, взять и повторить,
 Чтоб кто-нибудь, больным окинув взглядом
 Шедевр в окне, воскликнул: «Значит, надо
 Еще дышать, надеяться и жить,
 Пока последний лист не отгорел
 Там, за окном, в мерцающем тумане...»
 И вновь живу в спасительном обмане
 Поющих строк, ведущих за предел
 Мне данных лет, давно ушедших рос
 И чувств – глухих, как лес пропивший леший.
 Но лист последний, вновь не облетевший,
 Горит меж мной и зовом вечных звезд.

СВЕРЧОК

Ломая скрипку, умирая в муке,
 Сверчок запечный, певчий домовый,
 Стрекочет так, как будто хочет в звуке
 Вернуть все то, что отнято судьбой.

Не он один, и мы – природы слуги.
 Но он мудрей, к мирским делам слепой:
 Все суета, ненужные потуги –
 Пройти и след оставить за собой.

А он, сверчок, в своей запечной дали
 За веком век пиликает в печали:
 «Проходит все, и снова день угас!»

Один в тиши в прадедовской одежде,
 Пронзая сны тревогой и надеждой,
 Он пилит, пилит время про запас.

Марат БАЙЗАКОВ

САМОЕ ЦЕННОЕ...

Рассказы

ИСПОВЕДЬ

Утро оказалось злым. Мороз шипался, снег ослеплял. За ночь его выпало столько, что заблокировав ворота гаража, он не пускал меня к машине.

В пижонском костюме, льняной рубашке, со свисающим, как сосулька, бордовым галстуком, я расчищал снег. Этот рыхлый крахмальный снег можно было только подмести или пропылесосить. С лопаты он сыпался, как сахар с ложки. Со стороны я, видимо, выглядел смешно и жалко. Но вокруг не было ни души, только грачи наблюдали с деревьев. Они-то и гоготали громко надо мной.

– Груши обугленные, – обозвал я их по-пастернаковски и продолжил мести.

Я спешил, нервно просыпая снег по обе стороны лопаты. Бордовая сосулька-галстук, как ходики на старинных часах, отсчитывала время опоздания на работу.

И тут появился он. Сухонький старик с бородой белее снега.

– Ты сын такого-то?.. – он назвал имя отца.

Столько лет прошло, а услышав это редкое имя, я вздрагиваю, будто явится он сейчас и попросит отчитаться за то, как я жизнь волочу.

– Конечно, это ты, – ответил он сам себе, мелко кивая головой. – Тебе бы бороду с усами – будешь вылитый он.

От изумления я остолбенел, приобняв метлу, забыл поздороваться со старцем.

– Я пешку на h4 передвинул тогда, – почти шепотом выдавил старик.

Я не понимал, что он несет.

– Пешку, говорю, я незаметно сдвинул, когда мы с твоим отцом в шахматы играли. Он тогда не заметил – кашлял, отвернувшись. Тогда он уже сильно кашлял.

Седая борода подрагивала...

Марат БАЙЗАКОВ. Родился в 1979 г в Ташкенте. Учился в Германии, в США. Работает инженером в швейцарской нефтегазовой компании. Автор сб. лит. миниатюр «От Я до Мы».

– Прости, сынок, – голос его дрогнул. – Я должен был тебе это сказать. Он смолк. Даже грачи притихли. Повисла свинцовая тишина.

– А ведь по-другому обыграть его в шахматы было невозможно, – сказал он, криво улыбаясь.

Я ничего не ответил. Старик медленно повернулся и захрустел прочь по свежему снегу.

«Ушел непобежденным», – мелькало в голове.

Я присел. Снег, показался мне теплым и невероятно чистым, как душа раскаявшегося человека.

Мороз целовал щеки. Грачи басисто выводили свою мелодию. Утро было добрым.

БОЛЕЗНЬ

Он мерит комнату шагами. Тяжелыми, неторопливыми. От Хемингуэя до Платонова девять футов: два прыжка и еще полшапочка. Он не спешит, плывет, как лодка без весел, – покойно, покачиваясь.

Подойдет к старику и глянет в упор. Тот все улыбается лучистыми морщинками в уголках глаз. Водолазка, пропахшая морем, душит горло, как питон. Кепка прячет седину, но годы просочились и в бороду, припорошив ее.

Выдохнет он тяжело на портрет и, словно часовой, развернувшись, двинется в противоположную сторону. А там ждут его узкие сомкнутые губы, широкий лоб с бороздами и взгляд, говорящий: «Ты бы жить сперва научился, графоман». Он косится, злится на Платонова: «Учусь, – бубнит себе под нос, – учусь я, на бумаге учусь».

А бумага лежит на столе. Ждет его. Уже час как ждет. Он же наматывает круги по комнате то вдоль, то поперек. Вдруг застынет под люстрой. Свет потеряет его тень. Как ошпаренный, рванет к столу, схватится за карандаш, припадет к листу и...

И ничего. Карандаш дрожит, а следить не решается. Лист под ним шуршит, будто смеется. Смял он его, швырнул прочь.

Классики, застывши на полках, смотрят на него свысока, улыбаются. Стыдно и боязно ему глаза на них поднять. «Можешь не писать – не пиши!» – слышится ему голос старца.

Тогда свои страхи и сомнения глушит он зельем. «Так надежней, – решает он, заглатывая очередной стакан. – Сейчас мы развяжем язык карандашу!»

И вновь наполняет посуду. От этого шаги карандаша ложатся неровно, строки косые, буквы перекошенные. Зато мысль в голове замечается, как речной жерех в сети. То прильнет, то ускользнет. То утихнет, уйдет вглубь. То вдруг задрожит, забурлит, хлынет горячей магмой и покатится кривыми буквами по белому листу...

А утром он прочтет «потухшую магму», фыркнет брезгливо, скомкает ее и отправит в мусорное ведро.

КАК Я СТАЛ

Английский штудировал я по самоучителю Петровой. Живой учитель просил дорого, а в книжке отсутствовало всего лишь несколько страниц. Ну, наша-то голь на выдумки... известное дело. Пробелы пришлось восполнять в гостиницах, после школы таская чемоданы туристов. Путая Чингисхана с Тамерланом, а Past Simple с Perfect Tense, показывал американским шпионам-туристам достопримечательности города. Как-то один из них, измучившись то ли от нашей древности, то ли от моего английского, всучил мне 10 долларов, похлопал по спине, буркнул свое «ОК» и ушел. Так я заговорил по-английски.

В лихие 90-е моя семья едва сводила концы с концами. Когда не сводилось, из дома исчезали редкие книги. Однажды исчез бюст Сталина. За бронзовую голову вождя американец в гостинице заплатил щедро. Впрочем, и за его живую голову, говорят, предлагали в свое время немало. Так я впервые полюбил Сталина. Отец, заметив пропажу, огрел ремнем. Бюст пришлось вернуть, заплатив тому же американцу еще щедрее. Впрочем, американцы, как казино в Вегасе, всегда в выигрыше. Так я невзлюбил Сталина.

Когда я только окунался в жизнь, отец скоропостижно ушел из нее. Пришлось держаться за друзей, и только за тех из них, кто шел за гробом. Так я стал взрослым.

В поисках любви к родине, я уехал за океан. Говорят, оттуда любитесь сильней. Врут! Оттуда любилось больней. «Оставайся, – говорили там, – у нас зеленее, – говорили они, – к тому же богу мы доверяем, – уверяли они». Я, дурак, не поверил, мне не хотелось доверять, я хотел верить. Так я стал дураком, тьфу ты, патриотом.

Моя сборная по футболу опять недовыиграла, отбросив нас еще на четыре года, так сказать, в светлое будущее. Будет ради чего жить, смысл жизни вновь появился, спасибо, кривоногие. Ожидание пытался залить водкой. Спиться не вышло. Пришлось писать, желчь по фейсбуку размазывать. Так я списался.

– Пап, включи солнце, – просит сын, держа руку у лба и ища светило за налетевшими облаками. Так я стал Всемогушим... пусть и для одного лишь человека.

БАБА ШУРА

Сначала баба Шура предложит вам воду. Студеную, почти колодезную. Зубы-то у нее давно перевелись, вот и пьет она прямо из морозильника. Затем появится она у порога с тарелочкой в руках. Блеклый фарфор с отшлифованными краями, а на ней три самсы дымят паровозом. Самсушки румяные, равнобедренные. А уже через мгновение вы будете ерзать за скрипучим столом, мешая чай с молоком и покушаясь на бедра треугольника.

– Кушай, внучок, кушай.

Своих-то у нее нет: разбрелись кто куда да попрятались в фотоальбомах. Их-то баба Шура и покажет вам, как только вы третий треугольник

уплетете. Сядет рядышком, вытрет передником пыль и начнет листать свою судьбу.

– Это вот Ваня. Тут ему и шестнадцати нет.

Русые кудри Вани оттеняют его глаза. Сам Ваня рослый, загорелый, выглядит на все двадцать пять. Баба Шура пройдетя дрожащими пальцами по его лицу, выдохнет тяжело. Слезинка змейкой сползет по канавкам морщин. Листает дальше.

– Тут я с мамой после блокады.

Карточки ветхие, лиц не разобрать. Но баба Шура видит, хоть и сетует на зрение. А может, память дорисовывает.

А уходя, вы и не заметите как бабка украдкой перекрестит вас, пока вы, склонившись, обувь надеваете. И, отворив дверь, вы, крешеный мусульманин, буддист иль атеист, шагнете из судьбы бабы Шуры в городскую суету.

ПИСЬМО ОТЦА

А еще, Тима, когда у тебя будет сын, позволь ему насладиться детством. Впрочем, не забывай, что к четырем годам у человека формируется характер, а значит, и личность. Ты только представь, что через какие-то четыре года в твоём доме заведется личность. Личность эта будет расхаживать, как барин, по твоей недвижимости, эксплуатировать твоё имущество, повелевать. Слова «дай» и «нет» будут чуть ли не единственными в его скудном словарном запасе. Помни, что недосказанное в младенчестве «нельзя» и «надо» – потом никакими «не смей» и «не сдавайся» не исправишь.

Главное, следи, чтобы он не мусорил на улице. А будет сорить – заставь его чистить всю улицу. Понимаю, унижительно, но ты же чистил, забыл? Кто сорит в общественных местах – тот никогда не будет учиться в Гарварде. Не знаю, как эти два события связаны, но связь между ними определенно есть. Воспитание – это то, как ты себя ведешь, когда никто тебя не видит. Кроме Бо-га, разумеется. А кто с ним нынче считается?

Убеди его в том, что книги красят наш серый мир в радужные цвета, а не лакокрасочный завод. Только с помощью книг он скажет девушке: «Как многое в моей жизни обесценилось без Вас, девушка». Она же, не найдя что ответить, от изумления поцелует его. Скажи ему, в конце концов, что это эффективней и дешевле, чем дарить им украшения.

Только к читающему человеку по вечерам приходит Сэлинджер и рассказывает о мальчике, оказавшемся над пропастью. А кто приходит к темному человеку? Сантехник и Свидетели Иеговы?

Да, и не забудь предупредить его, что порой он будет чувствовать себя лишним, родившимся не в свое время, будет подавлять острые приступы желания править миром, иной раз захочет решать – кому жить, а кто должен умереть. К сожалению, эти синдромы не лечатся, они генные. Поноют первые шестьдесят лет и пройдут – ничего страшного.

А в остальном люби его, не балуй, следи за гигиеной и дисциплиной. Все, мне пора, техника ждет (он у меня инженер), целую, твой отец.

ЯМОЧКА

Говорят, что в детстве у него была ямочка на правой щеке. Появлялась она, когда мальчик искренне смеялся. А дети ведь по-другому и не умеют. Ямочку эту больше всех любил дед. Так и повелось, что из всей оравы внуков именно его старик брал к себе на работу.

А работал он на нефтеперерабатывающем заводе (НПЗ) инженером-технологом. Как ступил он на завод девятнадцатилетним пареньком, так всю жизнь там и проработал. Но на пенсию его не пускали, потому как был он незаменим. Про таких говорят: «нефть в жилах течет». Случись на заводе ЧП – немедленно посылали за ним. Сонного, а бывало, и пьяного, приволакивали в цех, и он «на автопилоте» разруливал ситуацию.

Поэтому никто особо не удивился, когда пятилетний ребенок, вместо машин, танков и ракет, стал рисовать покосившиеся колонны и пузатые реакторы, а бесконечные трубы, торчащие из аппаратов, как хоботы слонов, соединяли их в единое целое, называемое ребенком «ЭНПЭЗЭ».

К десяти годам его колонны выпрямились, стали стройнее, рядом появились теплообменники и насосы. В восьмом классе, когда парнишки на переменах рисуют девочек в непристойном виде, мальчик с ямочкой рисовал схему почти всего завода, указывая при этом все технологические параметры.

Не каждый выпускник Губкинского университета смог бы объяснить, например, почему образуется лед на трубах даже при температуре плюс пятьдесят, или где нужно применять центробежный, а где поршневой насос, или что такое «детонационная стойкость». Мальчику же все это было ужасно интересно, а потому давалось легко и просто. К тому же дед умел объяснять, увлекал, смешил, а сам не мог наглядеться на ямочку.

Здесь бы и закончить свой рассказ, сказав, что вырос мальчик великим инженером, сделал несколько открытий, получил международное признание... Да вот жизнь, как говорят в Голливуде, распорядилась иначе: страна распалась, дед помер, малыш вырос, завод оказался на грани банкротства.

Как и все его сверстники, наш герой ушел в бизнес. Со временем у него исчезла страсть к «нефтянке», как и ямочка на щеке. Сейчас у него уже своя семья, свой стабильный бизнес и привычная жизнь.

Но вот только иногда, очень редко, по ночам, когда бессонница сверлит изнутри, он садится за стол, берет лист бумаги и чертит какие-то схемы... а на его правой щеке прорезается едва заметная ямочка.

КОВШ КУМЫСА

Рассказ

Нарзулло БАТИРОВ

Июль. Изнуряющая летняя жара. Суббота. Я скучал дома... Принял холодный душ, постелил прямо на пол тонкое одеяло, достал из книжного шкафа сборник рассказов Джека Лондона, улегся поудобнее, открыл «Клондайкские рассказы» и начал читать. Зазвонил телефон. Неохотно взял трубку. Это был Мирахмад.

– Привет, чем занимаешься? – спросил он.

– Да вот, почитать собрался, – ответил я.

– Ты так и будешь сидеть дома, как наседка на яйцах? Приехал Эльбек из кишлака. Собираемся поехать на Чимган. Что в такую жару томиться дома? Давай рванем в горы, подышим чистым горным воздухом, попьем козьего молока, отдохнем.

Его предложение показалось заманчивым, я согласился. Втроем в электричке Ташкент – Чарвак добрались до Эшанханы, а оттуда в автобусе до Чимгана. Смеркалось, зажигались окна в многоэтажной гостинице, загорелись лампы вдоль дороги. Громада величественных гор была устрашающе темной, казалась загадочной, хранящей какую-то неведомую тайну. В памяти всплыли слышанные в детстве сказки про драконов и демонов, огромных дивов, затившихся у подножия гор, и таинственных пери. Детские воспоминания среди этого темного величия заставляют вздрагивать.

После палящего зноя с закатом солнца приятно ласкает лицо прохладный горный ветер. Жадно глотаешь чистый воздух. Легкая пыль, поднятая только что прошедшим стадом, специфические запахи переносят в особый, далекий от городского, мир, где испытываешь необъяснимое умиротворение.

Огромные скалы грозно нависают над тобой, будто готовы поглотить тебя. Горы величественны и загадочны. Вспомнились строки:

*Горные вершины спят во тьме ночной.
Тихие долины полны свежей мглой*

Продолжение стиха забыл и стал придумывать свое:

Нарзулло БАТИРОВ. Родился в Самаркандской области в 1947 г. Окончил ТашПИ (ныне ТГТУ) и Высшую школу милиции. Работал в ОВД. Публиковался в периодической печати, в журналах «Звезда Востока», «Шарқ юлдузи», «Гулхан», «Ешлик».

*Укрывшись облаком, далекая луна
На облаке-подушке дремлет,
Мерцающие звезды тихим шепотом
Слагают оды ей, она им внемлет.*

К этим последним четырем строчкам решил добавить еще одну строку. Обдумываю.

Мирахмад восклицает:

– Так осрамить поэта! Если бы он слышал тебя, никогда не стал бы писать стихов.

Я засмеялся. Затем, чтобы досадить ему, продолжил:

*Но вот засверкала, скучая по солнцу...
Всплывает оно в небесах.
Эй юноша, ты средь камней и откосов,
Что делаешь тут, в этих мрачных горах?
Любимую ищешь? Твоя черноглазая
В городе ждет без тебя вся в слезах.*

– А это, как говорил Эргаш Каримов, из творчества поэта Жукибая, – сказал Мирахмад

Я промолчал.

«И это не нравится...» – подумал я и вздохнул

– Брат хотел заняться творчеством, а вы его огорчили, – шутливо сказал Эльбек, чтобы поддержать меня.

– Он сам не может ни сочинять, ни декламировать, вот и завидует другим, – пробормотал я.

– Эй, растяпа, ты сначала стихи наизусть выучи, а потом читай их, – сказал Мирахмад.

– Эти строки я сам сочинил.

– Тогда... мой тебе совет: поупражняйся хорошенько, поучись писать стихи! А потом читай их перед такими солидными именитыми людьми, как мы, – парировал Мирахмад.

– Ну... чтобы я еще когда-нибудь читал!

– Ладно! Хватит! Где мы будем ночевать? – перевел я разговор на другую тему. Идемте в гостиницу. Завтра-то вставать спозаранку!

– Если ты собирався спать в гостинице, зачем приехал сюда? Лежал бы у себя дома в духоте! Для чего притащился в горы? – рассердился Мирахмад. В горах следует ночевать на лоне природы, мой друг. Хоть образование у тебя и высшее, но ты многого, видно, не понимаешь. Будешь почаще бывать с нами здесь – поймешь, что такое горы. Сколько тайн и секретов хранят склоны этих гор! – Мирахмад почесал шею. – Это знаем только мы, путешественники, – добавил он важно.

– Правильно говоришь, друг мой всезнайка. Давай быстрее ставь свою палатку. Отдохнем, растянемся.

– Ставить палатку прямо у дороги? Мы что, цыгане?

– Господин, ставьте там, где пожелаете. Мы ведь не очень понимаем законы гор, – вмешался в разговор молчавший до того Эльбек. Когда он подшучивал над Мирахмадом, он всегда называл его «господином».

Мирахмад рассказал, что в 4-5 километрах отсюда у подножия гор есть юрта, и предложил подняться туда. Там, мол, и расположимся. Взвалив на себя свою поклажу, по тропинке, ведущей наверх, мы двинулись в путь. Мирахмад впереди, потом Эльбек и последним я.

Наступила тьма. Полная луна, вынырнув из-за вершины горы, освещала тропинку, ветви кустарников мешали движению, цепляясь за ноги, а острые камни больно терзали ноги через подошву легкой обуви. Мы шли около часа, наконец, послышалось ржание и храп лошадей. Показался темный силуэт юрты. Мирахмад объявил, что мы у цели! Со стороны юрты послышались лай собак и хруст пережевываемого сена.

Раздался мужской голос:

– Кто там?

– Гости! Принимаете гостей? – подал голос Мирахмад.

– Незванный гость хуже татарина, – прибавил я.

– Заткнись, – цыкнул Мирахмад. – Это хорошие люди. Мои знакомые. Горцы, не то что твои городские, они очень гостеприимны.

– Понял, господин, – ответил я.

– Наш господин часто приезжал сюда и знает многих, – заметил Эльбек.

Хозяин юрты – взрослый мужчина 40-45 лет. Звали его Тахир. Он оказался радушным и обходительным человеком и приветствовал Мирахмада, как своего брата, приглашая нас в юрту. Мы поблагодарили и сказали, что у нас есть палатка. С Тахиром мы быстро поставили ее.

Неоновый ручной фонарь ярко осветил палатку. Подкинув немного хвороста, Тахир-ака разжег еще тлевший очаг рядом с юртой. Вскоре он принес чайник. Мы достали из своих рюкзаков привезенный провиант и быстро организовали дастархан. Хозяин вынес из юрты лепешки и кислое молоко.

После ужина долго чаевничали. То ли горная вода придает чаю особый вкус, то ли наша усталость, но пить полулежа этот божественный чай было истинным наслаждением, совсем не то что дома! Да и привкус дыма был необыкновенным.

Из юрты слышался плач ребенка и нежное пение матери.

* * *

– Подъем!

Я проснулся от резкой команды Мирахмада. Открыл глаза. Уже рассвело. В углу палатки в спальном мешке, укутавшись с головой, лежит Эльбек.

– Перестань, дорогой, дай поспать, – взмолился я.

– О чем ты говоришь? Вставай! Зачем тогда приехал сюда? Если не увидишь восход солнца, как оно поднимается из-за гор, ты зря сюда приехал! Знаешь, какую силу придает человеку, особенно мужчине, солнечные лучи на рассвете? Поднимают дух! Наполняют сердце любовью! Повышают жизненную силу организма. И как следствие – ты в ближайшее время женишься. Перестанешь, наконец, быть одиноким, страдающим бобылем.

– Ну вот ты, женатый, чем тебе лучше? Небось, до сих пор сам стираешь свое белье, – сказал я.

– Вздор! – возмутился Мирахмад. – Я бы не искал пять лет жену из Хатырчи, если бы, женившись, продолжал сам стирать белье. Такие жены-вертихвостки, которые заставляют заниматься стиркой своих мужей, а сами, развалившись на диване, смотрят сериалы, бывают только в городе. Будешь долго

выбирать – обязательно нарвешься на такую.

Не отвечая ему, отвернувшись, я закрылся с головой одеялом. Но Мирахмад был неумолим: выташил из мешка Эльбека, потом меня. Досадуя, не выспавшись, я вышел из палатки.

– Мой господин, и физзарядку будем делать? – полушутя, полуиронически спросил Эльбек.

– На кой тебе физзарядка? Подняться во-он на ту вершину – это и есть отличная зарядка, – ответил Мирахмад.

Вдыхая полной грудью чистый горный воздух, я ощутил прилив вдохновения.

*Рассвет. Заливаясь румянцем, на небе
За вершинами гор появилась заря.
Легкий туман растаял в долине,
Нежную зелень покрыла роса.*

*Прилетев к бутону, соловей влюбленный
Заливается трелью, изумления полон.
Очарованный песнью той соловьиной,
Откинул с лица покрывало бутон.*

– В твоём стихе – ни смысла, ни красоты, – сказал Мирахмад.

– Почему?

– Да! Послушай, не спорь со мной! В них только плохая рифма и больше ничего. Бессмысленный набор слов. Стих должен иметь какой-то смысл.

– Разве нет смысла в моем стихе? – горячился я. Он опять повторил:

– Нет никакого смысла. Повторяю тебе: сначала научись сочинять стихи, потом хвастайся.

Его слова меня совсем обидели. Я не выдержал:

– Ты вообще тупой! Ничего не понимаешь в стихах.

– Перестаньте, не спорьте с господином о поэзии – вам, ой, как далеко до него! – вмешался Эльбек.

Вдохновение совершенно покинуло меня, стихотворение так и осталось незаконченным, желание «творить» исчезло.

Обитатели юрты уже давно на ногах. Вот идет молодая женщина, в руках ведро: возвращается в юрту после дойки коров. Двое детей 5-6-ти лет кормят зерном кур. Девушка 16-17-ти лет ведет за руку маленькую девочку в сторону юрты. Взглянув на детей, просит:

– Шерали, принеси кувшин с водой, полей мне.

Один из ребятишек побежал к очагу за кувшином. Девушка, крепко держа плачущего и вырывающегося ребенка, чисто умыла, вытерла его полотенцем, висевшим на проволоке, и завела в юрту. Через некоторое время вышла из юрты и направилась к коровам, стала оттягивать от коровы двух сосуших телят. Телята изо всех сил рвутся к матери. Одного ей удастся привязать к колу рядом с юртой. Второй теленок вновь помчался к матери. Девушка, поймав волочившийся по земле конец веревки, бьет им теленка, оттягивая его от коровы. Теленок, упершись ногами, пятится назад, стараясь добраться до вымени.

– Теленок не наелся! Не держите его, пусть еще немного пососет, – сказал я.

– Не-ет – возразила девушка. Если дать волю, он все высосет.

– Так у вас же много коров. Всем хватит молока.

– Ежедневно мы сдаем молоко в лагерь. Если телята высосут, что нам сдавать? – возражает девушка, привязывая теленка рядом с другим. Управившись с телятами, она перелезла через деревянную перекладину к курам, что-то там собрала в большую чашку.

– Сегодня куры снесли на одно яйцо меньше, чем вчера. Наверное, это коричневая курица не снеслась. Она несется через день. Девушка понесла в юрту полную чашку яиц, выложив их, налила в чашку воды из бидона и отнесла в курятник.

На девушке красное ситцевое платье, которое ей очень идет. Длинные черные волосы заплетены в толстую косу, змеей извивающуюся при каждом движении. Девушка очень энергична, в руках все спорится.

Из юрты показалась женщина с ведром.

– Джамия! Вскипяти молоко. Налей детям, а я схожу подою кобыл. Где-то к обеду придут покупатели за кумысом.

Джамия затопила очаг. Вынесла из юрты ведра с молоком, слила в казан. Мне захотелось молока, вспомнилось о целебных свойствах горного молока. Я даже слюну сглотнул!

– Джамия, – обратился я к девушке. Девушка бросила на меня быстрый взгляд:

– Откуда вы знаете меня?

– Знаю и все. Я вообще все знаю. И о том, что вы в этом году окончили школу, знаю, – добавил я.

– Откуда вы это знаете? Или вы из Газалкента? Я окончила школу в Газалкенте, – сказала Джамия.

– Вот видите, я же говорил, что все знаю.

– Еще что вы знаете? – заинтересовалась она.

– Если напоите меня молоком из своего казана, я расскажу остальное.

Лицо девушки, только что улыбающееся, вдруг стало серьезным:

– У нас литр молока стоит двести сум.

– Почему так дорого? И в Ташкенте цена одного литра двести сум.

– Наше молоко жирное, – многозначительно взглянула девушка. – А цена снятого молока, которое мы сдаем в лагерь, сто пятьдесят сум! Жирное меньше двухсот сум за литр мы не продаем, – добавила Джамия.

Наконец, когда молоко вскипело, мы попросили принести три касы. А я при этом специально добавил:

– Джамия, только принесите, пожалуйста, жирного молока, а не того, что в лагерь сдаете.

– Что вы! Я вам молоко со сливками принесу, – она принесла три касы и, подавая, добавила: – С вас триста сум.

Молоко было жирное и очень вкусное.

– Замечательное молоко! – сказал Мирахмад.

– Чудесное! – добавил Эльбек. – В жизни не приходилось пить такого молока.

С удовольствием выпив молоко, мы принялись завтракать. Потом, закинув рюкзаки на спины, двинулись к горной вершине. Первую вершину мы покорили. Но я натер ноги в новой обуви. И решил вернуться назад. А если честно, мне хотелось полюбоваться Джамией, ее энергичной работой.

Все существо девушки, пышущее здоровьем, цвет ее щек, подобных

гранату, иссиня-черные волосы, стройный стан, длинные ресницы очаровали меня. Я подумал, что, наконец, в горах Чимгана нашел свое счастье. Красивая девушка, простая, трудолюбивая. С раннего утра не знает покоя. Помогает матери: кипятит молоко, смотрит за курами. Любую работу делает с удовольствием, с желанием. Да и статная очень. А если ее приодеть по-городскому, то вообще! Все достоинства в одной девушке! Разве этого мало, чтобы осчастливить любого парня?! Эта девушка властно овладела моими мыслями и сердцем.

– Друзья, я больше не могу идти.

– Нет! Не болтай чепухи, – возмутился Мирахмад. – Потерпи немного, все пройдет.

– Дорогой друг, ну не могу я идти. Хоть бы мне назад добраться до юрты. Я возвращаюсь! Пока вы придете, я приготовлю еду. Заварю крепкий чай.

Кое-как я уломал Мирахмеда. Они двинулись дальше, а я отправился назад, целью моей было увидеть Джамилю, поговорить с ней, узнать, что у нее на сердце.

Добрался до юрты я в полдень. В тени домика-вагончика у юрты на железном столе стояло ведро. Возле ведра несколько чашек-касушек. На обочине дороги несколько легковых машин. У стола толклись 7-8 человек. Джамиля черпаком разливает по касушкам айран из ведра.

– Хорманг! (Бог в помощь!) – сказал я Джамиле. – Айран холодный? Налейте мне тоже! Умираю от жажды.

– Это не айран, – ответила Джамиле. – Кумыс. Одна каса – триста сум. Наш кумыс лучший в округе. Поэтому каждый день за ним приезжают из города наши постоянные клиенты.

– Ну-ка, и мне налейте одну касу вашего хваленого кумыса. Авось и я стану вашим постоянным клиентом, – пошутил я.

– Пейте. Он стоит тех денег.

Беру из ее рук касу с кумысом, а сам завороченно смотрю в ее черные глаза, страстно желая, чтоб она была моей, покоренный и очарованный ею. Испытывая сильную жажду, я одним глотком втянул в себя кумыс. Он действительно был хорош – терпкий, вкусный! Я испытал истинное наслаждение и, присев на скамейку у стола, почувствовал, как погружаюсь в приятную истому.

Глядя на меня, Джамиле усмехается:

– Ну что, понравился наш кумыс? Самый лучший, да?!

– Да! Очень понравился!

Я попросил налить еще одну касу. На этот раз пью не спеша, наслаждаюсь и тихо наблюдаю за Джамилей. Толпа любителей кумыса поредела. За это время она успела принести из дома еще два-три ведра кумыса и продать их. Затем, собрав ведра, чашки, хорошо помыла их водой из бидона. Несмотря на возражения Джамиле, я стал помогать ей. Поливал воду, сложил посуду, отнес ее в юрту, стараясь как-то сблизиться с ней, поговорить.

– Джамиле, а вы не хотите поехать в город на учебу? – спросил я.

– Хотела бы, но мама сказала, что это возможно только на следующий год, в этом году много работы по дому, да и братья пусть чуть подрастут, некому смотреть за ними. Самый младший братик совсем маленький. У мамы нет помощников по дому. Отец целыми днями в горах с лошадьми. За ними тоже нужно присматривать. Сейчас, говорят, часто крадут скот. Недавно у соседей украли пять хороших коней-скакунов. Поэтому отец постоянно с табуном. Вся домашняя работа лежит на маме и на мне.

– Ну а на следующий год вы, конечно, поедете на учебу? – снова спросил я, тайно желая приезда Джамилы в Ташкент.

– Я постараюсь, – ответила она. – Меня привлекает торговля. Нравится сидеть в магазине и торговать. А мой отец твердит: «Дочка, учись на доктора. Пусть и у нас в семье будет доктор».

– Правильно говорит ваш отец. Доктор – это хорошая профессия. Всегда нужная людям, – сказал я.

– Но ведь заниматься торговлей тоже хорошо, да и денег будет много, – возразила девушка, улыбаясь.

Я не стал с ней спорить. На этот ее довод сказал:

– Вообще и это тоже верно, много денег – хорошо.

За разговорами Джамилы успела дать курам зерна, поменяла им воду. Я помогал ей.

– Мой младший брат такой плакса! Совсем извел маму, – сказала она.

– Может, у него что-то болит?

– Нет. Показывали врачам. Совершенно здоровый, но мало спит. Плачет, требует, чтобы носили на руках. Как возьмешь на руки – сразу замолкает.

Чем больше я с ней говорил, тем больше она мне нравилась, и я чувствовал, что в сердце просыпается нежность.

К вечеру явились Мирахмад и Эльбек с рюкзаками за спиной.

– Ну, ужин готов? Для чего мы тебя отправили сюда? – спросил Мирахмад.

Беседуя с Джамилей, я совершенно забыл о том, что нужно приготовить еду. Не зная, как оправдаться, я задумался. Вспомнилось, что у Джамилы в юрте есть яйца. Вареные яйца и кумыс будут отличным ужином:

– Все готово. Сегодня у нас царская еда. Сначала выпьем горного кумыса, потом отведаем яиц и горного катыка.

– Нельзя смешивать два белых продукта, – заметил Эльбек

– Ерунда! Давай, неси свой кумыс. Жажда замучила, – сказал Мирахмад.

Я попросил Джамилю подать нам три касы кумыса. Она принесла и сообщила, что все это стоит 900 сумов.

Мирахмад выпил кумыс.

– Изумительно! Столько раз я бывал в горах, но такого кумыса никогда не пил. Еще одну касу! – попросил Мирахмад.

– У господина сильная жажда, – заметил Эльбек и тоже опустошил свою чашку.

Джамиля принесла еще кумыса. Его мы тоже выпили. Теперь наступила очередь яиц. Когда я сказал о яйцах, Джамиля спросила:

– Хорошо, сколько штук? Потом добавила: – У нас одно яйцо стоит 100 сум. Потому что домашние.

– Хорошо, согласны. Сварите 10 штук, – сказал я.

Вскоре она принесла яйца и стала вести подсчет.

– Итак, за каждую касу кумыса 300 сум, а за 6 касушек 1800 сум, 10 яиц по 100 сум, будет 1000 сум. Итого – 2800 сум, – сказала она.

Я с удовольствием наблюдал, как она проворно и быстро считает.

– Действительно, она любит торговать, – подумал я.

Мирахмад и Эльбек, уставшие после похода, сразу захрапели. Мне же не давали спать натертые ноги и мысли о Джамиле.

Была бы она моей невестой, жили бы вместе. Она – доктор. Встречает

меня дома с работы. Вокруг все прибрано, чисто. Дети чистенькие, здоровые. Прямо в дверях слышу: «Джуманазар-ака, у вас все хорошо? Не устали? Приготовила ужин, ждем вас. Дети не хотят садиться за стол без вас».

Я не заметил, как заснул с этими сладкими грезами.

Утром меня вновь разбудил крик Мирахмада.

– Я тебе говорю, вставай! – кричит он на Эльбека. – Сегодня нам нужно покорить вторую вершину.

– Эй, лодырь, сегодня пойдешь с нами? Не сбежишь с полпути? – толкнул он меня ногой.

– Оставь меня, дорогой. Не трогай. Сильно ноги болят. Еле добрался вчера до юрты. А ведь надо еще и в город возвращаться. Как доберусь? Как бы вам не пришлось меня на руках нести, – сказал я.

– Тогда лежи! – сказал Мирахмад.

Довольный, что избавился от него, я плотнее закутался в одеяло. Когда они ушли, я осторожно встал и вышел из палатки. Джамиля подметала вокруг юрты. Ее мать, как и вчера, возвращается после дойки, телята рвутся к вымени.

– Хидоят-опа, может, мне телят привязать? – спросил я.

– Оставьте, не надо. Джамиля сама управится, – ответила она.

Сделав вид, что не расслышал, я привел телят к юрте и привязал их. Потом медленно подошел к Джамиле. Она собирала в кучку сухие листья, траву и другой мусор.

– Давайте помогу.

– Не беспокойтесь, не нужно. Испачкаетесь. Эти чертовы телята высосут все молоко, – сказала она озабоченно, указывая в сторону телят.

– Не волнуйтесь, я их привязал, – ответил я.

Она посмотрела на меня:

– Зачем вы беспокоитесь? Я бы и сама привязала.

Я помог ей собрать мусор. Вместе мы привезли на тележке в бидонах воды из артезианской скважины, которая находилась на территории лагеря, собрали яйца в курятнике. Я держал таз, а Джамиля, считая каждое яйцо, укладывала их.

– Пятьдесят одно, – сказала она. – Вчера было пятьдесят штук.

Я занес таз с яйцами в юрту и передал его матери Джамили. Хидоят-опа была довольна.

– Вот и Джамиля уже выросла. Если бы у меня был зять, похожий на вас... Многие нынешние молодые люди пьют, курят. Вы, кажется, не курите? – спросила она.

– Нет, не курю, – ответил я.

– Как хорошо! Отец Джамили тоже не курит, не пьет. Слава Богу!

Слова Хидоят-опы окрылили меня, я был на седьмом небе. «Теперь Джамиля будет моей!» – думал я. Словно уже стал зятем в этом доме, я направился к мальчишкам, бегавшим за курами, обнял, поцеловал их. Ведь теперь они и мои братья. Играя, подбрасывал их вверх. Они, боясь, упасть, крепко обхватывали ручонками мою шею.

– Отпустите их, они испачкают вам одежду, – сказала Джамиля. – На вас футболка дорогая, сразу видно.

– Ничего, можно постирать.

– Если часто стирать – теряется лоск, – заметила она.

Солнце поднялось, прогревая воздух. Мы вынесли из юрты ведро с

кумысом, поставили его на металлический стол. Я принес касушки. Джамиля вновь ополоснула и сложила их рядом с ведром. Установила на краю стола небольшую деревянную дощечку с надписью «Кумыс». Проезжающие останавливаются, пьют кумыс, наполняют напитком свою посуду, уезжают. Настроение Джамили улучшается пропорционально числу покупателей. Она быстро и сноровисто наливает и подает им кумыс, так же проворно считает полученные деньги, кладет их в карман. Исползованную посуду, быстро помыв, прикрывает чистой белой марлей. Тем временем у обочины остановилась машина «Жигули». Из нее вышел пожилой человек. Подойдя к столу, он спросил:

– Кумыс холодный, дочка? Сколько стоит?

– Да, холодный. За одну касу – 300 сум, – ответила девушка.

– Налей мне, пожалуйста. Сегодня что-то очень жарко. Сильно хочется пить.

Джамиля налила кумыс и поставила его перед стариком. Старик начал рыться в кармане. Достав деньги, стал подсчитывать, потом шарить в боковых карманах. Кажется, ничего не нашел.

– Доченька, у меня в кармане, оказывается, осталась 200 сум, 100 сум не хватает. Буду проезжать – отдам обязательно.

Взяв деньги из рук старика, Джамиля посчитала их и сунула в карман. Потом из наполненной касы зачерпнула ковшик кумыса и вылила его обратно в ведро. Оставшийся кумыс протянула старику.

– Отец, 1 каса кумыса стоит 300 сум. В касу умещается 3 ковшика, у вас 200 сум, поэтому я отлила один ковшик. Мы в долг ничего не даем.

Старик ничего не ответил. Молча выпил кумыс, поставил касу на стол, сел в машину и уехал.

Старик уехал и увез с собой все чистые, нежные душевные чувства, переполнявшие мое сердце.

«Мы в долг ничего не даем». Эти слова Джамили еще долго звенели в моих ушах. Мне было стыдно за нее. Охватила пугающая пустота, я прислонился к вагончику. Все сладкие мечты исчезли. Все лопнуло, как мыльный пузырь.

Возвращались в Ташкент вечерним поездом. Темнело.

– Ты что приуныл? – спросил Мирахмад. Тебе что, поездка не понравилась или ноги болят?

– Сердце у меня болит.

– Почему?

– Не надо было мне приезжать.

Мирахмад непонимающе вопросительно посмотрел на меня. Я молчал.

Из окна вагона виднелись удаляющиеся горные вершины. Мне казалось, что я потерял там что-то дорогое для меня и сокровенное.

Перевод с узбекского Галины РАХМАТУЛЛАЕВОЙ.

Галина РАХМАТУЛЛАЕВА. Родилась в 1946 г. Окончила ТашГУ (ныне НУУз). Кандидат исторических наук, доцент кафедры узбекского и русского языков УМЭД. Автор ряда учебников, учебных пособий для школ, лицеев и вузов, научных и публицистических статей, стихотворений и рассказов. Член-корреспондент АПСН (Москва).

Алишер ФАЙЗУЛЛАЕВ

ТАЙНЫЕ ПОМЫСЛЫ

Рассказы

ЭТО БЫЛО В ХВОЙНОМ ЛЕСУ

Появившись на свет, томик с названием «Это было в хвойном лесу» стал любоваться собой: оформление, переплет, бумага и шрифт были отменными. А пьянящий аромат типографской краски! Лежа на складе типографии, роскошный фолиант ошущал свою безмерную значимость.

Путь от печатного станка до книжного магазина, а оттуда до полки читателя оказался относительно коротким: всего через шесть месяцев томик занял место в библиотечке одного интеллигентного человека. Оставалось самое волнующее событие – его прочтение хозяином.

Но хозяин почему-то не торопился. Купить-то книгу купил, но времени для чтения не находил. Что ж, книге оставалось только ждать, порой часами вместе с хозяином уставившись в экран телевизора. Ей не привыкать: «Это было в хвойном лесу» рождалась в трехлетних муках, еще два года прошло, пока опубликовали.

Полка, где томик нашел свое пристанище, – часть незастекленных книжных стеллажей. Все книги здесь были изрядно запыленными. Они, недолго думая, дали книге кличку Хвойный, т. к. все книги на полке имели свои клички.

Разговорившись с соседями, Хвойный понял, что хозяин ни разу их не вытирал и вообще редко до них дотрагивался. Соседом с левой стороны был томик в мягком переплете «Бой быков с любовью». В книжной общине он был известен как Бык.

– Тебя уже прочли? – как-то обратился к нему Хвойный.

Сначала Бык что-то промямлил, но затем уныло произнес:

– За семь лет хозяин лишь однажды взял меня в руки.

– И что, сразу прочел до конца?

Бык тоскливо посмотрел на Хвойного.

Алишер ФАЙЗУЛЛАЕВ. Родился в Ташкенте в 1957 г. В 1979 г. окончил отделение психологии Ташкентского государственного университета (ныне НУУЗ). Доктор политических и кандидат психологических наук, профессор. В настоящее время является профессором университета Вебстера в Ташкенте. Автор многочисленных сборников и публикаций в периодических изданиях, в том числе в журнале «Звезда Востока».

– Нет. Немного полистал и положил на место.

Двухтомной же соседке справа в твердом переплете «Радость как она есть» повезло больше: за последние три года оба тома снимали с полки шесть раз. Правда, делали это дети хозяина, чтобы ударить друг друга по голове. «Ничего, хоть какая-то польза от нас», – радовались красивые тома.

В томительном ожидании прошло несколько месяцев. Хвойный был уверен, что он очень интересный, ведь написал его известный писатель и естествоиспытатель Жангиру Самсомай. «Купил же меня человек в магазине, значит, я ему интересен, и он обязательно прочтет. Он еще и перечитывать будет и рекомендовать другим», – размышлял Хвойный.

Но знакомство с другими обитателями полки приносило новые огорчения. Томики Шекспира, Льва Толстого и Виктора Гюго стояли здесь двадцать восемь лет: никто до них так и не дотронулся. Лишь однажды, лет десять или пятнадцать назад, какая-то женщина стерла с них пыль. Шекспира мучила астма, у Толстого была чесотка, а Гюго страдал депрессией. Но это были не самые несчастные книги: они все же стояли на видном месте, могли наблюдать за происходящим в комнате, любоваться сменой освещения. На полке были книги, втиснутые между другими, более массивными, томами, или прижатые к задней стенке соседями, и поэтому совсем незаметные: они никого не видели, их никто не видел и не вспоминал о них. Будто их и не было.

Хвойному еще повезло: он занял довольно видную и удобную позицию на полке. Самой известной и влиятельной здесь считалась «Большая энциклопедическая книга гаданий». Примерно раз в полгода хозяин брал ее в руки и листал, пытаясь гадать. Гадалка, как ее тут называли, пользовалась своим привилегированным положением, соседи прислушивались к ее мнению.

– Все изменится, – любила повторять Гадалка.

– Когда и что изменится? – допытывались любопытные соседи-книги.

– Изменится все, – многозначительно повторяла Гадалка.

Время от времени книги вступали в философские споры. Одни находили преимущество в том, что их никто не читал, в этом, по их мнению, был залог долгожительства. Но большинство было уверено, что их назначение – быть прочитанными, только это наполнит их жизнь смыслом. Книги понимали, что у каждой своя миссия: у одних – великая, у других – скромная, но все они появились на свет для того, чтобы реализовать свое книжное назначение.

Порой книги всячески хищрялись, чтобы попасть на глаза хозяину. Однажды тот присел отдохнуть возле полки и задремал. Томики вокруг начали толкаться, стараясь соскользнуть и упасть прямо перед хозяином, и это удалось двум книжкам каких-то малоизвестных авторов. Одна из них спланировала хозяину прямо на голову, другая умудрилась приземлиться у его ног. Но хозяин, недовольный, что его разбудили, швырнул обе в угол, где они и пролежали беспомощно несколько недель. Затем вообще исчезли. То ли их выбросили, то ли сдали в макулатуру – разные слухи ходили.

Спустя год хозяин вдруг взял в руки Хвойного, покрутил, шлепнул томиком комара, уютно устроившегося на стене, и положил на место. На обложке книги осталось кровавое пятно.

Хвойный, конечно, расстроился. Разве о такой жизни он мечтал? Разве для этого он был создан Жангиру Самсомай и изготовлен мастерами в типографии?!

Однажды книги – одни с ужасом, другие с надеждой – узнали, что

хозяева съезжают с квартиры. Многие полагали, что хозяин захватит с собой любимую гадальную книгу. Но... увы, он оставил полки со всеми книгами новым жильцам. И перед уходом даже не взглянул на них.

При новых владельцах мало что изменилось. Гадалка теперь была не в фаворе, похудела, нагадала себе чахотку в недалеком будущем. Так и произошло, что, по признанию самой Гадалки, явилось первым ее верным предсказанием.

Новый хозяин и его жена были любителями интернета и часами играли в компьютерные игры. Когда они задумали ремонт в кабинете, среди книг началась паника. «Улисс» Джеймса Джойса оказался единственным томиком, которому было все равно.

Худшие опасения подтвердились: книги сложили в ящики и спустили в подвал к крысам и тараканам.

Хвойному повезло. Перед самой ссылкой в подвал его решили оставить, чтобы подложить под ножку платяного шкафа, такая участь все же предпочтительнее подвального заточения.

Закончился ремонт, Хвойный уже перестал мечтать о том счастливом мгновении, когда кто-то прочитает его, теперь хотелось, чтобы какой-нибудь добрый человек просто подержал его в руках, слегка погладил.

И, наконец, наступил час икс: хозяйка со скучающим видом взяла книгу в руки и стала перелистывать. У Хвойного закружилась голова: этого момента он ждал более двух лет...

– Смотри, ошибка! – показала хозяйка мужу какое-то слово на десятой странице. – Вот дела, вроде солидное издательство, а печатают с ошибками.

– Да выкинь ты это, испачкаешься! – ответил тот.

Хвойный знал, что у него одна-единственная орфографическая ошибка, но не ожидал, что ошибку обнаружат, едва раскрыв книгу.

Через полчаса Хвойный оказался в подвале среди своих старых соседей: многие выглядели ужасно, почти все кашляли, страдали тяжелой формой аллергии и авитаминозом, дурно пахли.

Хвойный пробыл в подвале ровно двадцать дней. Крысы, муравьи и мухи успели над ним поработать. Но когда всех узников подвала сдавали в макулатуру, он все же выглядел лучше остальных. Наверное, поэтому его кто-то заметил и забрал себе.

В новом доме было полно книг. Среди них много старых, антикварных. Аристократы, как их называли, держались отдельно, знали себе цену, особо не контактировали с новыми, не очень серьезными, изданиями, не признавали даже недавно изданных роскошных книг – современных буржуа.

В застекленном шкафу, куда попал Хвойный, оказалась подборка, посвященная лесу и деревьям. Выяснилось, что хозяин был ученым-ботаником, профессионально интересовавшимся лесом и хвойными деревьями. Хвойный боялся разочаровать хозяина своей недостаточной научностью и решил если не содержанием, так хотя бы своей красотой порадовать и занять достойное место среди книг о лесе. Хвойный стал тереться о другие книги, чтобы уничтожить следы пребывания в подвале.

– Перестань, мне шекотно! – хихикала толстая книга «Сладости».

– Потерпи, сладость моя, это очень важно, – серьезно отвечал Хвойный, думая о своих благородных намерениях.

Однажды хозяин торопливо положил Хвойного в рюкзак, где уже

находилось многое другое для похода в лес. «Ага, значит, в лесу хочет почитать», – решила книга, предвкушая важное событие в своей жизни.

В лесу Хвойный впервые увидел, как выглядит настоящий лес. Послушав разговоры людей, понял, что очутился на научном полигоне большого лесного хозяйства.

Наступил вечер, разожгли костер, стали жарить шашлык и много пить.

Неподалеку валялась еще одна книга, вернее, то, что от нее осталось. Она с горечью рассказала, что в лесу любую книгу ожидает одно из двух: быть с интересом прочитанной или оказаться сожженной на костре.

– Но, честно говоря, трудно вспомнить случай, когда кто-то прочитал здесь до конца хоть одну книгу. Зато сколько было сожжено!

– Да ладно! – не поверил Хвойный, решив думать только о хорошем.

Действительно, на второй день ближе к вечеру хозяин взял Хвойного с явным, как ему показалось, желанием предаться чтению. Но до этого дело не дошло, поскольку все занялись приготовлением пирожков. «Странно, что в лесу готовят пирожки, но разве поймешь людей», – пронеслось в сознании Хвойного.

Пирожки ели, запивая спиртным.

– Где салфетки? Опять забыли? – крикнул кому-то хозяин и, вырвав из Хвойного несколько страниц, протянул их приятелям, чтобы те положили на них пирожки. А свои он пристроил прямо на раскрытой книге. Поплыла типографская краска, страницы с отвращением впитывали жир. Хвойному было больно и дурно, хотелось вырваться из этого ужасного леса. В отчаянии он попытался запрыгнуть на ветку дерева, и... о чудо, ему это удалось! Свобода!

Прошло часа два. Люди заснули вокруг тлеющего костра, и Хвойный вдруг увидел, что к его хозяину ползет ядовитая змея. Хвойный попытался крикнуть, но ему это не удалось. Оставался единственный способ – упасть с высоты на голову змеи. Все-таки 420 страниц в твердом переплете!..

Падение – и гадина в нокауте. Хозяин проснулся от шума и не поверил своим глазам: в нескольких сантиметрах от него лежала полумертвая змея с раздробленной головой. Очевидно, книга спасла ему жизнь. «Наверное, спяну я закинул ее на дерево», – решил хозяин. Он поцеловал раскрытый томик, осторожно закрыл и ласково погладил обложку.

Хвойный был на седьмом небе от восторга и мысленно стал готовить себя к тому вожделенному моменту, когда книгу раскроют и начнут читать.

Но благодарный хозяин решил припрятать «Это было в хвойном лесу» во внутреннем отделении сейфа в лесном вагончике. Так началась новая страница жизни Хвойного, жизни долгой, томительной, удушливой и одинокой.

УВИДЕТЬ ТРЕВИ И УМЕРЕТЬ!

Пятидесятицентовая монета, называвшая себя Элизабет, долго ходила по рукам, кошелькам и карманам, прежде чем услышала о существовании фонтана Треви в Риме. Она узнала, что Рим – Вечный город, а Треви – самый большой и знаменитый фонтан в нем. Фонтан, построенный в восемнадцатом веке архитектором Никола Сальви в стиле барокко, славился тем, что посетители вечного города старались бросить в него монету, что, согласно поверью, было залогом возвращения в Рим.

Эта история взволновала Элизабет. Она загорелась желанием побывать в Риме, нырнуть в Треви. Богатая фантазия монеты рисовала сказочный образ славного фонтана, вид на него из-под хрустальной воды.

Элизабет стала интересоваться Римом и многое узнала о его богатой истории. Она часто представляла, какое огромное разнообразие монет со всего мира ежедневно опускается на дно Треви. Каждый день туристы оставляют в фонтане монет на сумму около четырех тысяч евро. «Оказаться на дне Треви и умереть!» – эти слова стали девизом ее жизни.

Монеты и купюры, с которыми Элизабет делилась своей мечтой, чаще всего смеялись над ней и пытались отговорить от безумной затеи.

Но всевозможные аргументы не действовали на Элизабет, ее мечта лишь крепла. Однажды, оказавшись в кармане какого-то международного чиновника, работающего в сфере гуманитарной помощи в Судане, Элизабет имела возможность побеседовать с евроцентом по имени Пьер, которому года два назад посчастливилось быть брошенным в Треви. Он с упоением описывал фонтан, блестящую статую Нептуна, стоящего на колеснице, запряженной морскими конями и тритонами, в центре скульптурной группы, величественный фасад палатцо Поли, к которому примыкает Треви, различные аллегорические фигуры и барельефы, образующие целостный архитектурный ансамбль. Пьер с восторгом говорил и о чудесной воде фонтана, о туристической традиции пить его воду из трубочек влюбленных.

– Когда будешь там, постарайся, чтобы тебя бросили в воду правой рукой через левое плечо, стоя спиной к фонтану, – посоветовал Пьер.

– Какое это имеет значение? – спросила Элизабет.

– Не знаю, но так положено, – ответил Пьер.

К сожалению, вскоре пути Элизабет и Пьера разошлись: она была оставлена в каком-то кафе в качестве чаевых, а он ушел в кармане чиновника, даже не попрощавшись с ней. Зато в кассе хозяина кафе удалось познакомиться с откуда-то взявшейся советской пятикопеечной монетой по имени Вероника. Она давным-давно вышла из оборота, но умудрялась до сих пор ходить по рукам.

– Разве ты чего-то стоишь? – удивленно спросила Элизабет.

– Ну, как тебе сказать. Я главным образом согреваю руки любителей экзотики. Но иногда попадаются и не очень хорошие люди.

Они разговорились, и Элизабет поделилась с Вероникой своей мечтой.

– Я не была в Риме, но Лондон и Париж видела, – сказала Вероника, – и очень скучаю по родному Ленинграду, где меня отчеканили.

– Как ты там жила?

– Видишь ли, когда я была молодой пятикопеечной монетой, на меня можно было газету купить или на трамвае проехать, даже целый сверток сухой кильки приобрести, – вздохнула Вероника.

Тут хозяин заметил пятикопеечную монету, достал ее из кассы, pokrutil в пальцах и выбросил в мусорное ведро. Элизабет впала в шок от такого зверского поступка, что-то хотела сказать, оказать экстренную помощь Веронике, но ее положили в какой-то тряпичный мешочек и плотно закрыли.

В мешке были в основном американские центы. Познакомились, поговорили. У этих одноцентовых, пятицентовых, двадцатипятицентовых и пятидесятицентовых монет были интересные, но непростые судьбы: они повидали мир, одни сильно загрязнились, другие были помяты и поцарапаны,

а некоторые даже болели инфекционными болезнями. В компании оказалась и какая-то неамериканская монета по имени Джек.

– Ты откуда и как сюда попал, Джек? – спросила Элизабет.

– Ну зачем тебе знать, откуда я? Захотел – и оказался здесь, – сказал Джек.

– То есть?

– Ну как тебе сказать... людьми можно управлять, – хитро улыбнулся Джек.

– Ты хочешь сказать, что можешь попасть туда, куда пожелаешь? – задумчиво спросила Элизабет.

– Не всегда, но при сильном желании это чаще всего удается.

– А можно ли пробраться в какую-нибудь далекую страну? – Элизабет подумала о Риме.

– Почему бы нет?!

В этот момент хозяин открыл мешочек, выложил центы на стол и стал считать. Элизабет с волнением наблюдала, проскочит ли Джек этот фейс-контроль. Нет, Джек был обнаружен и тут же выброшен. Элизабет стало жалко его, но сам он не особо расстраивался, видимо, не первый раз попадал в такие переделки. Катясь по полу, Джек успел крикнуть Элизабет:

– Главное – управлять процессом перехода из рук в руки!

– А как?

Но Джек уже укатился далеко и застрял в какой-то щели. Тут же кто-то невольно наступил на него, вогнав глубже. Теперь Джека совсем не было видно, он, можно сказать, стал частью пола. Неизвестно, кто и когда сможет обнаружить его.

Пересчитав монеты, хозяин снова положил их в мешочек. В темноте Элизабет стала размышлять о том, как можно управлять переходом из одних рук в другие. Ничего путного в голову не приходило.

Но ситуация изменилась, когда через три месяца она встретила на палубе трансатлантического грузового судна старое мексиканское песо – Мигеля. Он многое повидал в жизни, отличался философским складом ума и с удовольствием делился размышлениями с другими монетами.

– Понимаешь, чтобы добраться до Рима, тебе надо усвоить одну истину: деньги управляют людьми, а не люди деньгами. В истории всегда было так, и пока нет оснований считать, что в будущем что-то изменится.

– И что из этого следует? – спросила Элизабет. – Как же можно управлять людьми?

– Люди давно уже находятся во власти денег, тут ничего нового не стоит придумывать.

– Но вы можете объяснить мне, как на людей воздействовать? – не унималась Элизабет.

– А ты не своди с них глаз, и они ответят тем же. Смотри на них с любовью, и они тоже будут глядеть на тебя с умилением. Когда они дотрагиваются до тебя, веди себя ласково, старайся согреть человеческую руку, тогда у них появится желание удержать тебя.

– Значит, если я хочу избавиться от какого-то хозяина, то лучше вообще не смотреть на него или смотреть с ненавистью и презрением? Когда мне хочется, чтобы кто-то не дотрагивался до меня, необходимо вызвать у него ощущение холодного равнодушия или неприязни?

Мигель одобрительно кивнул.

– Значит, мне следует притягивать нужных людей и вызывать отчуждение у ненужных?

Мигель лишь улыбнулся.

Элизабет взялась за дело. Все оказалось не таким уж и сложным. Люди нуждались в деньгах и легко поддавались влиянию. Захотела монета, чтобы человек взял ее в руки – так и происходило. Или чтобы он спел или станцевал – легко! А заставить ударить приятеля или развестись с женой – тоже можно, постаравшись. Люди были послушны и не подозревали, что ими кто-то управляет. Правда, порой деньги, пытаясь оказать влияние на людей, конфликтовали между собой. Например, захотела одностолбовая монета, чтобы человек пошел на речку и утопился, но тут купюра в сто долларов, задумавшая совершить переворот в небольшой деревушке, посылает другой сигнал в его мозг, и жертва отказывается от самоубийства, встает на путь борьбы.

Иногда деньги любили устраивать приятные вечеринки: свидания влюбленных людей, зрелишные любовные сцены в постели или даже на улице. Арифметический рост денежной массы приводил к геометрическому росту их интереса к вопросам власти и влияния.

Интерес Элизабет к Риму и фонтану Треви разделяли немногие монеты. Но она упорно двигалась к цели, добывая по крупицам необходимую информацию. Дорога до Рима заняла четыре года: Элизабет переходила из рук в руки, двигаясь в направлении Италии. Иногда люди, в карманах или кошельках которых она оказывалась, вели себя непредсказуемо, что удлиняло путь. Порой человек находился во власти более крупных денег и двигался в противоположном направлении, и Элизабет оставалось лишь ждать, чтобы попасть в более подходящие руки.

Когда было трудно заставить человека двигаться в нужном направлении, Элизабет старалась привлечь другие монеты, чтобы оказать на «носителя», как она называла своего владельца, совместное воздействие. Увы, ей редко помогали другие монеты, ибо у всех был свой интерес. Легче удавалось находить восприимчивых людей, которые поддавались внушению и невольно помогали реализовать хитроумные замыслы, связанные с другими, более устойчивыми, лицами. И однажды она оказалась в кармане девушки, которая направлялась со своим начальником из Южной Америки в командировку в Египет. Элизабет очень захотелось, чтобы она бросила спутника и полетела в Европу. Чтобы осуществить план, она нашла податливого парня, который влюбил в себя ту женщину и уговорил ее отправиться с ним во Франкфурт. Во франкфуртском аэропорту Элизабет легко вычислила туриста, летящего в Рим, и путем несложной комбинации, используя руки бармена, очутилась в его кармане.

В Рим она попала днем. Было непросто уговорить «носителя» прямо с вокзала отправиться к фонтану Треви, но она справилась.

И вот перед Элизабет фонтан Треви. Ошеломляющий, дивный, магический!.. Туристы со всего мира непрерывно бросали в него счастливые монеты. Некоторые монеты визжали, совершая полет. У Элизабет неистово забились сердце.

Но уставший турист еле держался на ногах и мечтал поскорее добраться до гостиницы. Это не предвешало ничего хорошего, поскольку Элизабет в любой момент могла очутиться в кармане другого «носителя» и

вновь отправиться неизвестно куда.

Сконцентрировавшись, Элизабет стала внушать туристу, чтобы тот встал спиной к фонтану и бросил ее в воду правой рукой через левое плечо. Турист с трудом, но все-таки повернулся спиной к фонтану, но медлил с броском.

«Ну давай, бросай!» – уговаривала Элизабет.

«А стоит ли мне совершать этот глупый обряд?» – подумал он.

Прошло минут пятнадцать, турист никак не мог решиться. Наконец, он достал одноцентовую монету и кинул ее в фонтан и, положив Элизабет обратно, направился в сторону гостиницы.

«Нет, остановись, брось меня в Треви!» – умоляла Элизабет.

Но уговоры не действовали на уставшего туриста. Элизабет чувствовала, что счастье ускользает от нее. Надо было действовать решительнее. Она прижалась к столдолларовой купюре, скорчившейся в уголке кармана, нежно погладила и поцеловала портрет Бенджамина Франклина.

– Пожалуйста, уговори нашего носителя вернуться к фонтану и бросить меня в воду, – попросила она.

– А зачем? – недоумевала столдолларовая купюра.

– Ну пожалуйста, это мечта моей жизни! – Элизабет еще раз нежно поцеловала Бенджамина.

Через несколько минут турист нехотя вернулся к фонтану. В голове у него появилась мысль бросить в воду еще одну монету. Покопавшись в кармане, он обнаружил пятидесятицентовую монету. Но тут его охватило сомнение.

– Давай, давай! – умоляла Элизабет.

Постояв минуту и вновь положив Элизабет в карман, турист отошел от фонтана.

– Нет, ты должен! – кричала Элизабет.

Но реакции на крик ее души не последовало.

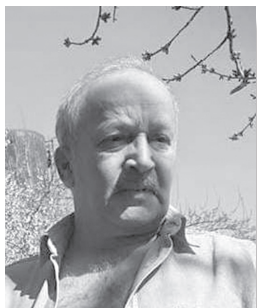
«Несчастный! Зачем тебе такая жизнь? Тебе жалко выбросить какие-то ничтожные пятьдесят центов? Ты всю жизнь трудишься, у тебя есть сбережения, ты находишься в Риме, но скаредная натура не позволяет лишиться (даже ради будущего) жалкой мелочи. Ну, имей же мечту, черт побери! Стыд и позор! Лучше утопиться, чем так жить!»

Вдруг турист остановился, посмотрел в небо, затем медленно вернулся к фонтану и бросился в воду. Не умея плавать, он тут же стал тонуть.

Люди вокруг кричали, некоторые подумали, что это трюк. Пока подошли спасатели, турист перестал барахтаться и лежал в воде лицом вниз.

Элизабет с улыбкой глядела на мерцающее солнце со дна Треви. Конечно, все получилось не так, как она себе представляла, но цель жизни была достигнута.

– Увидеть Треви и умереть! – прошептала она, наблюдая за тем, как машина скорой помощи увозила безжизненное тело ее «носителя».

Время сжигания смыслов

Олег ДАНИЕЛЯН

А лето обещало скоро быть...

Рассветная курица звезды клюет,
Туманом-крылом застилая долину,
Облаков лохматых неспешный полет
Внизу рассыпается в пух тополиный.

Светает. Зарница готова лучить
От самых глубин потаенного света!
Как жбан молока, ее хочется пить,
Июньскую рань долгожданного лета.

Литовкой забытой пройтись по меже,
По первой росе свежескошенной мяты,
И первым поутру увидеть стрижей,
В зрачок заглянув синеве необъятной.

В зимнем лесу

Деревья без листвы как многомачтый флот,
Как сотни кораблей, стоявшие у Трои.
Да птицы неизвестной отслеженный полет
Штрихует путь судьбы, но не несет покоя.

И голый лес стоит как сказочный орган,
Где деревянных труб качаются фаготы.
И нет ни пустоты, ни суетной заботы.
И Троя сожжена. Оракул не солгал!

А дерева гудят античным ля минором,
И память и тоска во мне звучат укором.
Не суждено мне быть поверженным героем.
И славы не добыть у стен горящей Трои...

Олег ДАНИЕЛЯН. Родился в 1954 г. Окончил ТашГУ (ныне НУУз). Работал преподавателем в ТашГУ. Имеет 10 научных публикаций. В журнале «Звезда Востока» публикуется впервые.

Памятные места

Над тихим берегом склоняется ветла,
Ты, грустноодинок, пришел сюда с тоскою.
И вспомнил классика: «Печаль моя светла,
Печаль моя полна тобою...»

Печаль твоя светла. А божий свет, он вечен.
И промельк нашей жизни быстротечен.
Как поездов мелькающие окна.
Мы ждем не вечности, но света. Мало прока

Стоять на памятью заброшенном вокзале,
Под вечным дождиком. Нас никуда не звали.
Мы сами возвращаемся сюда.
Всегда...

Пустынный берег. Брошенный вокзал.
Печальные приметы расставанья,
Где не имеют смысла расстоянья,
А только оклик, что тебя позвал...

Ты потерялся в шумных городах,
Где все течет ни шатко и ни валко,
И одиночество нахохлившейся галкой
Грустит на телефонных проводах...

Петроград

В театральном подъезде ветер треплет афиши,
Неуютный и слякотный Петербург-Петроград,
И столетье спустя я по-прежнему слышу
Лязг голодных винтовок, патрулей звукоград.

И столетье спустя почему-то волнует,
Чем окончится пьеса у чугунных оград.
И Антихриста власть вновь себя коронует
И натешится вдоволь, Петербург-Петроград.

Сбереги себя, друг, сбереги себя, Город,
До прожилок знакомый, любимый до слез,
Сохрани навсегда свой колодезный ворот
Там, где Волхов и сруб из карельских берез.

Там, где нет и в помине пустынного брега,
Где слышны то ли выстрелы, то ли цокот подков,
Сбереги своих жителей, город-эгрегор,
Прорастая Кронштадтом сквозь болота веков...

Натюрморт

(Холст, масло, виски со льдом)

Полдевятовость вечера. Полусон. Полудрема.
Полутенью очерчены окна старого дома.
Недопитость бокала в непротопленной комнате,
И свеча вполнакала. Вы печалитесь? Полноте...

Отчего-то спросонья недопонятость страха.
Да из старого «Sony» интродукции Баха.
Сумрак, в студень загущенный, настелился над полом.
Ролик суши засушенный на тарелке со сколом.

Вдруг хрустальная лампа желтым сполохом включена.
(Музыкальная фраза диссонансом озвучена).
А над крышею скучной жестяная волна.
Словно шарик воздушный, зацепилась луна.

Не задернута шель в занавесочке клетчатой.
Словно блудная дщерь, в небе облачко мечется.
Крылья клетчатой птицы отгоняют жулье.
Занавеска – граница между там и мое.

Дождик мокрыми спицами уколоть меня хочет,
В подоконник копытцами, как козленок, топочет.
Но дождя водосвятие остудит не вполне
Бытия восприятие с незадачливым НЕ...

Не печалит нимало тень привычного сплина,
Недопитость бокала, негоренье камина...
И покой опостыленный паутиной пленительной,
Я в халате застиранном, как в рубахе смирительной.

И окно, приоткрытое в неприкаянность вечера,
В даль, где юность забытая между четом и нечетом.
Где друзья сокровенные не покинули Города,
В той прекрасной Вселенной, где донныне мы молоды...

Грусть по небу летела, ни к чему не касаясь,
Может, плакать хотела, умереть опасаясь,
Может, сушность и млечность во спасенье несла,
Приглашение в Вечность (с предисловием сна).

Вот и сердце забилось свежепойманным зябликом,
Поднялось и забылось у Адамова яблока.
Разнотравьями сказки мои чувства приправлены
В этом сумраке вязком, в этом кресле продавленном.

– Кто там? – Странники бродят и молчат у дверей.
Может, Ангелы сходят с Елисейских полей?
– Подскажи-ка мне, Ангел, позабытое Слово,
Чтоб огонь в позвоночнике загорелся бы снова...

И душа моя знает. Это знание завешано.
Где-то рядом страдает одинокая женщина.
Позабытая. Сирая. В надоевшей надежде,
Снова память пульсирует. Я любил ее. Прежде...

Где-то в сумерках охают удивленные совы.
Мне сегодня все пофигу, запираю засовы!

Велесово...

В палисаднике моем осень.
 Ствол черешневый стоит голый.
 Ситный дождик, как с небес просо,
 Сыплет мелко. Нанялся, что ли?

В переулочек заглянул ветер.
 Раскидал по всем дворам листья.
 Помахали ему вежливо ветки.
 Он ответил, хулиган, свистом.

Захотелось написать строго,
 Тем, кто Слово полагает ловитвой.
 – Эта осень вам ниспослана Богом.
 Этот дождь как бормотанье молитвы.

Только что ж ты в октябре сгинул
 На ветру да под дождем дробным?!
 Взял бы осень да из сердца вынул,
 Стал бы снова юным и добрым...

Потягушки – да распрями спину.
 Погляди-ка еще раз на дорогу.
 Разве брат ты этой осени стылой?
 Пусть безумствует она за порогом.

Завари-ка себе крепкого чаю,
 Завернись в теплый свитер с оленем.
 И, отшельником себя величая,
 Принеси из чулана поленьев.

И в печурке чурбачок треснет.
 Захлебнутся в небесах хляби.
 И напишутся тогда песни,
 Или белые стихи хотя бы...

Эти песни должны быть спеты,
 Перед тем как прихлынет стужа.
 И наступит в душе твоей лето!
 Хорошо, когда осень снаружи...

Песня октябрьского зяя

Еще не нападало листьев,
 И осень не вся еще в доме,
 Но время сжигания смыслов
 Пророчат закатные кони...

Их яркие гривы рассветов
 Леса поджигают в предгорьях,
 И летние песни допеты.
 И птицы уже в забугорье.

А легкий мороз еще молод,
 Стеклится слегка под ногами,
 Луну, допустившую холод,
 Олень поднимает рогами...

Аз есмь... аз есмь... аз есмь...

Ничего не хочу хотеть,
 Просто лунной дорожкой плыть.
 Одуванном цветком желтеть.
 Мне достаточно просто БЫТЬ...

К горизонту стекает день,
 Стонет в горлинке вечная песнь,
 Научусь не отбрасывать тень,
 Потому что я просто ЕСМЬ.

Научусь замечать след
 Стрекозой да на зыбкой воде,
 Потому что желания – бред,
 Зарубцованный на судьбе.

Постараюсь, чтоб стих был тих,
 Чтоб взлетал в небеса как стерх,
 Потому что внизу есть страх,
 Потому что на волю – вверх...

Первое января

(Посвящается В. А.)

Какой уж год в начале января
Печально я гляжу в пустое небо.
Грустится что-то. Проще говоря,
Юдоль свою грызу, как корку хлеба.

Я жаждал знаний, славы и побед
И жизнь любил наивно и беспечно,
Но лишь теперь, в расцвете взрослых лет,
Пришла пора задуматься о вечном.

Летят планеты в долгом фуэте,
И кто-то в небе потерял подкову.
А жизнь моя в безумной суете
Вдруг замирает, подчиняясь зову.

Мне чудится в высокой тишине,
Где звук не ощущаешь четко,
По вздрогнувшей вдоль времени струне,
Как капля вечности, упала четка...

Там среди звезд, в гудящей высоте,
Где цвет небес необычайно синий,
Как мне узнать в духовной слепоте
Свое утраченное истинное имя?

Как мне понять, не перейдя черту,
Где вещи не отбрасывают тени,
Бессмертия простую красоту
И чистый свет внезапного прозренья?..

День потерялся перышком грача.
И птица ночь крылом уже не машет,
А юный месяц светит мне с плеча,
И я читаю хроники Акаши.

Где каждый год, в начале января,
Я слышу сквозь замерзшее окошко
То детский крик, то пенье снегиря
И знаю, что рождаюсь понарошку...

Пролетая над Парижем

1. Карантин

Какие деньки погожие
Стоят над Европой в марте.
Кафе и дома вангожие
Пустуют теперь на Монмартре,

Над Сеной туман пармезановый,
Ты только взгляни на реку:
Здесь тонкий мазок сезановый
И реквием по Лотреку.

Никто не ищет искусства.
Все думают о здоровье.
И даже принцесса Августа
Пьет молоко коровье.

В мире порядки строгие,
Всем управляет вирус!
Лишь мы никого не трогаем.
Сидим. Починяем примус...

2. Пожар

Беспокойно рисуют стрижи
Задымленное небо Парижа.
Никогда я теперь не увижу
Нотрдамские витражи...

Загудевший от жара орган,
Удивленные морды горгулий.
Догорают потертые стулья
С логотипом Paris Notre Dame...

ТОВАРИЩИ ПО НЕСЧАСТЬЮ

Рассказ

Байрам АЛИ

Когда паренек вошел в бар, сидевший там мужчина был уже пьян.

– Узбек? – спросил он, жестом подзывая к себе паренька.

Хоть он и раньше встречал узбеков в этих краях, но почему-то, увидев этого паренька, очень обрадовался, даже сердце забилося сильнее. А потом случилось обычное дело – он, как все задушевные алкоголики, стал угощать своего молодого соотечественника. Тот быстро пьянел. Начались объятия, поцелуи, слезы, откровения.

– Не плачь, сынок, не плачь...

Мужчина, с трудом подбирая нужные слова на родном языке, как мог утешал паренька и все пытался поцеловать его. Но был настолько пьян, что его сложенные бантиком губы теряли ориентир и попадали то в волосы, то в ухо.

– Ака¹, как мне не плакать, ведь я сирота! Круглый сирота! Эх-х, жизнь моя... – парень, скребя по столу ногтями, начал материться на диалекте жителей Ферганской долины. – У кого-то нет отца, а кто-то без матери! А у меня нет ни того, ни другой, понимаете, я круглый сирота...

Опустошив очередной стакан, мужчина спросил:

– Что... родители умерли?

– Мать умерла в прошлом году, – парень, всхлипывая, продолжал скрести по столу. – А отец... лучше бы он умер! В тысячу, в миллион раз было бы лучше! Когда я был младенцем, он бросил нас, и с тех пор ни слуху ни духу от него. Ушел к любовнице, мерзавец!

– Ах, козел! Ах, мразь! – мужчина, не сумев сдержать гнев, ударил кулаком по столу, потом по своему лбу.

– Мама очень долго ждала его, но так и не дождалась... Ака, не думайте, что я еще ребенок. Чего только не испытал я в своей жизни, столько унижений и обид! Я вырос в доме дяди, маминого брата. Мама пыталась меня

Байрам АЛИ (Байрам Кулдошев) родился в 1991 году в Кашкадарьинской области. Печатался в республиканской периодике. Его рассказы использовались в телепередачах. Автор книг «Я твой сын, Вселенная», «Осенние дожди». Член СП РУз.

¹ Ака (узб.) – уважительное обращение к старшему по возрасту мужчине.

защитить, но не могла, дядя нещадно избивал меня!

– Палкой?! – от гнева глаза мужчины широко раскрылись. – Что-о он... Он что, псих? За что он избивал тебя?

– Да я со школьных времен пристрастился к «беленькой», – ответил паренек, постукивая пальцами по шее. – Ну и что с того? Ведь я пил на свои деньги! И курил на свои деньги... Я помогал соседям поливать огороды, за это они платили мне. Ходил на скотбазар, помогал людям, которые покупали коз или овец, вывести их из базара так, чтобы сборщик налога с торгующих их не заметил. За это они платили мне намного меньше той суммы, которую должны были отдать сборщику налогов. А дядя... Скотина, он же мне не отец, но почему-то пытался воспитывать меня, как своего сына! А жена дяди все время унижала мою мать, называя ее нахлебницей, и все требовала: «Уходите из нашего дома!». Честно говоря, причиной смерти моей матери были ее упреки и скандалы! Ака, не осталось человека, который бы посочувствовал мне. И вот, скитаясь, я оказался в этих местах...

То ли заболела рука, все стучавшая по голове, то ли история мальчика напомнила мужчине о его прошлом. Он сидел, погрузившись в водоворот грустных мыслей.

– А твоя мать потом не вышла замуж? – спросил он.

Паренек через плечо бросил злой взгляд на мужчину.

– Нет, она ждала моего мерзкого, никудышного отца. Ведь он ушел, не сказав ни слова, поэтому бедная мать верила, что он когда-нибудь вернется.

Мужчина снова поцеловал парня в висок.

– Ах, умница! Твоя мама – ангел! – воскликнул он, прослезившись. – Я до сих пор презирал женщин... Я ненавидел их! Поверь, я на самом деле человек с высшим образованием, но моя жизнь сломана из-за одной легкомысленной женщины... Но... твоя мать – ангел...

– А кем она была – та легкомысленная женщина? – спросил паренек, пытаясь выщедить в стакан последние капли водки, оставшиеся в бутылке, неосознанно подталкивая мужчину к рассказу о себе.

Хотя мужчина был пьян, но его омраченное тенью обиды лицо говорило, что его история тяжелее, чем у паренька. Он как-то протрезвел и начал говорить яснее и выразительнее.

– Моя жена, – начал он, будто разговаривая сам с собой, – после свадьбы долго не могла забеременеть. Врач сказал, что не находит ничего аномального. Она здорова и не бесплодна. Тайком от жены обследовался и я. Врач... а врач... ах, как это называлось-то? Да, вспомнил. Врач рекомендовал мне искусственное оплодотворение. Сказал, что у нас не может быть детей... никогда...

Мужчина потянулся и обнял за плечо парня, который уже перестал его слушать.

– Представляешь, что я почувствовал, когда жена сказала мне, что ждет ребенка? – его губы задрожали, он прислонил свою голову к голове парня. – Но я скрыл свою боль. Да что я мог сказать?! Язык не поворачивался! Ничто не могло потушить огонь, сжигавший меня изнутри. Ничто! Мне хотелось выместить свою досаду на ней, поэтому каждый день я возвращался домой пьяным, ругал и избивал ее. Избивая ее, твердил: «Уходи из дома, женюсь на

другой!»... И всегда намеренно пинал в ее живот... Знаешь, Бог спасает даже таких грязных выродков. Она родила сына. Мальчик!.. Я не мог стерпеть этого – покорился судьбе, плюнул на жену, на ее выродка и ушел из дома. Ушел куда глаза глядят... Так и очутился в этих краях. Видишь, вот так я превратился в самого несчастного человека, у которого нет ни дома, ни семьи, ни детей...

Два товарища по несчастью сидели молча, опираясь на плечо друг друга. Паренек иногда широко зевал, а мужчина, по щекам которого лились скупые слезы, иногда дубасил кулаком себя по лбу. Наливающий им водку бармен сидел неподалеку и с изумлением смотрел на них. Нет, его не удивляли истории из жизни этих товарищей по несчастью, ведь он не понимал языка, на котором они говорили. Его удивляло то, что эти два человека были похожи друг на друга как две капли воды. Их выпуклые лбы, выступавшие скулы, плоские носы и густые черные брови идеально повторяли друг друга. Бармен, который скучал от того что сегодня было очень мало клиентов, с интересом следил за этими двумя и думал: «Боже, как они похожи! Будто сидят отец с сыном!..»

Перевод с узбекского Мухаббат ЮЛДАШЕВОЙ.

Мухаббат ЮЛДАШЕВА. Писатель-фантаст, журналист, кинопереводчик, сценарист, горный инженер. Родилась в 1964 г. в Ташкентской области. Окончила горно-металлургический факультет ТашГТУ. Член СП Уз. Автор 25 книг рассказов и сказок. Перевела на узб. язык 400 художественных фильмов и 23 телесериала.

Мунира БАБАЯРОВА

ТАЙНЫ ЖЕНСКОЙ ДУШИ

Рассказы

ПЕРЧАТКА

На стойке бара лежит маленькая женская перчатка. Белая, лайковая. Ее перламутровая кнопочка со стразом отражается на темном полированном дереве светлой полоской. Кто мог забыть ее, как выглядит владелица этой изяшной вещицы?

Прекрасное юное создание? В узких брюках, кроссовках, с копной густых волос, так естественно раскинувшихся по плечам и высокой груди. Из-под расстегнутой куртки виднеется прозрачная блузка с надписью на французском: «мне приятно...», или «мне нравится...», или что-то в этом роде.

Слышится беспечный смех. Врата жизни распахнуты перед ней, она въезжает в них на колеснице своей красоты и свежести в предвкушении бесчисленных побед – уже слышны предложения руки и сердца, а чаще других мужских достоинств. И так будет всегда. Впереди самое интересное, куда только не занесет ничем не сдерживаемая фантазия юности! Но будет любить неизведанное, тот мир, который, без сомнения, еще будет у ее ног.

Мизинец перчатки слегка отстранен, словно сохраняя присутствие длинного отполированного ногтя.

Нет. Владелица перчатки, скорее всего, молодая женщина. Эффектная, уже сошедшая с колесницы восторженности и ясно видящая очертания реальности, цену которой познала.

Высоченные каблуки, облегающее стройную фигуру пальто. Черные волосы со стальным оттенком, окаймляя бледное лицо, гладко собраны на затылке под короткой вуалью шляпки. Изысканный макияж, длинные ресницы.

Расстегнув пальто, она устроилась недалеко от бара, в кресле напротив главного входа. Так, чтобы входящему сразу бросались в глаза ее красивые ноги. Время от времени взгляд падает на тонкое запястье, где маленькие стрелки часов своей неторопливостью раздражают хозяйку, и она от досады уже пару раз топнула каблучком, закидывая ногу на ногу. В пальцах блеснула зажигалка, облако серого дыма разошлось ореолом над фигурой, застывшей

Мунира БАБАЯРОВА. Родилась в 1960 г. в Ташкенте. Окончила УзГИФК. Работала в профсоюзных ДСО, в системе автотранспорта и связи. Публиковалась в газете «Леди» и журнале «Звезда Востока».

в напряженном ожидании.

Головы проходящих мимо мужчин поворачиваются в ее сторону, но все это как будто не имеет для нее значения. Взгляд ее устремлен туда, где за стеклянной дверью под хмурым небом копошится город в своих серых буднях, машины в пробках, снующие прохожие, холод, раздражение, и только один человек своим появлением способен расширить вселенную, наполнить ее светом и красками радости, ликования, счастья.

Надежда освещает красивое лицо женщины, но привкус былых разочарований уже тронул его черты. Он притаился в опущенных уголках губ и тянется дальше, к нежной коже под глазами, приглушая их блеск.

Хотя нет. Маленькая перчатка источает слишком сладкий запах дорогих духов. Такие предпочитают полные дамы почтенного возраста.

Она давно никого не ждет, все встречи и расставания уже состоялись, страсти отбушевали, чувства едва теплятся, подогреваемые воспоминаниями. Теперь она просто живет и радуется каждому дню. Любуется красотами природы, иногда позволяет себе кулинарные излишества, частенько журит неугомонную, но веселую молодежь, как никогда раньше понимает мужчин и любит всех!

Так кто же она, владелица перчатки? Любит ли кого, ненавидит, страдает, или уже безразлична ко всему?

Торопилась ли на свидание и небрежно оставила ее здесь, бросила ль в порыве отчаяния или позабыла по рассеянности? Кто она, незнакомка? Вернется ли?

ВИЗИТ К МЭТРУ

Александр Григорьевич проснулся. Сквозь шторы слабо пробивался свет позднего зимнего утра. После вчерашнего было невыносимо.

Многочисленные друзья и знакомые его уважали, любили, каждый хотел позаботиться о нем, одиноком старике.

Но никому в голову не приходило, что было с ним на следующий день, после очередного проявления их человеколюбия. Оказалось, что в дверь настойчиво звонили. Кто-то из вчерашних гостей забыл шапку, чья-то жена прискакала за загулявшим супругом. Нет, это не молочник.

– Я никакой, – только и сумел произнести страдалец.

– Да, знаю я, – молодая женщина с порога протягивала бутылку пива.

– Рита! Спасительница, не зайдешь... спасибо, – растроганный чуть ли не до слез вчерашний именинник, проводив взглядом удаляющуюся фигурку, тут же припал к спасительному горлышку. Полегчало.

Через два часа он уже сидел в компании старой приятельницы и ее двух подруг. Она была из тех, кто всегда оказывался рядом в трудную минуту. Но сейчас было не до нее, вообще ни до кого, хотелось просто лежать...

Александр Григорьевич – воспитанный и мягкий человек. Его энциклопедическими знаниями и добротой умело пользовались окружающие. Он писал важный научный труд, но постоянно приходилось отвлекаться на всевозможные статьи, отзывы о нашумевших выставках, друзья художники и редакторы журналов настойчиво тянули его на свои мероприятия, чтоб жонглировать его именем.

Сегодня, похоже, опять привели очередную «кубышку». Так про себя он называл женщин, которым с годами почему-то начинало казаться, что они не реализовали свои таланты, их непременно надо раскопать и явить миру.

Сказать мужчине «уважаемый друг, не марайте бумагу» он мог совершенно спокойно. Кто-то уходил обиженным, с кем-то после распитой бутылочки коньяка завязывались дружеские отношения, но сказать то же самое женщине, тем более если она была хорошенькой и смотрела на него как на бога, он, неисправимый женолюб, не мог.

Делая над собой невероятные усилия, искренне надеясь найти хоть песчинку «в этом что-то есть», он слушал зарифмованные тирады о том, что «солнце встало, деревья вокруг, как большие веера, машут нам, людям, призывая стать добрее и человечнее».

Несколько известных имен своим рождением действительно отчасти были обязаны мэтру, о чем они благодарно и неоднократно упоминали. Это приумножило добрую славу о нем, но повлекло появление бесконечной череды глашатаев о мире и любви друг к другу, вешателей конца света, если человечество не одумается, сторонников победы (давайте жить и любить другу друга, не умножая в мире ненавистного зла!).

Чтобы не смущать явно волнующуюся дебютантку, Александр Григорьевич любезно пригласил ее к себе в кабинет, где, собравшись с духом, она раскрыла тетрадь и начала читать.

С первых строк все стало ясно. Начала побаливать голова. Косясь на толстую тетрадь и сдерживая тяжелые вздохи, Александр Григорьевич время от времени кивал головой. Читаящая периодически обращалась к нему, желая что-то пояснить.

У нее был довольно приятный голос и милая улыбка. Пахло от нее теплом и булочками, как когда-то от мамы. Александру Григорьевичу так захотелось положить голову на ее пышную грудь, согреться и заплакать. И чтоб эта простая женщина обняла его своими мягкими руками, прижала к себе и пожалела. Ведь он такой одинокий, несчастный...

Из соседней комнаты послышались голоса заскучавших гостей:

– Может, хватит для первого раза?

Мэтр даже не помнил, о чем был текст, но с языка его лился липко-сладкий поток апробированных комплиментов о простом, но где-то не лишнем своеобразия языке, об образах, легко узнаваемых и таких близких.

Расплывающаяся от счастья гостя утопала в сиропе, еще немного – и захлебнулась бы, но вовремя подоспевшая машина, нетерпеливо сигналившая с улицы, спасла положение.

Остаток дня Александр Григорьевич провел в постели. Несколько раз неохотно отвечал на звонки, а потом и вовсе задремал.

А счастливая «кубышка» то ли от плотного ужина, то ли от пережитых впечатлений вертелась в своей постели и долго не могла заснуть. Ей грезились картины светлого будущего: она раздает автографы почитателям, она на фоне Эйфелевой башни с внуками, она в детском доме с гуманитаркой.

Лишь под утро она задремала и увидела во сне, как раздвигает какие-то темные занавески, прибирает посуду, застилает чистой скатертью стол. Неизвестно откуда взявшийся Александр Григорьевич подходит к ней и смотрит так ласково-ласково. И захотелось ей обнять его, согреть... и пожалеть.

**Из
«Московской тетради»**

Вафо ФАЙЗУЛЛОХ

* * *

Надежды светлый огонь
В груди сбереги, в груди.
Будь мудр в каждом слове своем,
Иди по пути, иди.

Будь жаждущим; сто пустынь
Пройдя, душой не остынь.
Лекарства от скорби просты:
Иди по пути, иди.

Читай, ищи, понимай,
Наречьям чужим внимай;
Раскрашивай, украшай
Свой мир, бескрайний свой край.

Будь мужественней с каждым днем
Печалей, забот среди;
Светлей в каждом слове своем,
Иди по пути, иди.

Февраль

Надежда льется сквозь край –
Пусть холод колет иглой,
Пускай слезятся глаза,
Устал и зол от снегов...
Но слышу запах цветов;
Люблю я месяц февраль.

Подснежник в пламени льда –
Смеется он над судьбой.
На небесах расцвела
Луна – цветок золотой;
Как скорой встречи зарок,
Люблю я месяц февраль.

Последний гаснет мороз –
Но не расправит крыла,
Кругом могилы надежд,
И давит мертвая мгла...
Но все равно – все равно –
Люблю я месяц февраль.

Вафо ФАЙЗУЛЛОХ родился в 1963 году. Член СП Узбекистана. Автор поэтических книг «Хижина», «Радость без новостей», «Вечный момент», «Путь души», «Вечная гусса» и сборника литературно-критических статей «Молния».

* * *

Как осенняя ночь – зимний день,
Свет солнца – как лунный свет...
Пробирает холод до костей,
И на встречу надежды нет.

Ожиданием больна душа;
Когда же наступишь, весна?
Когда любовь оттает, дрожа?
Ты, как родина, далека...

* * *

Желтые, синие, красные,
полны сияния дни.

Найдется ли в сердце окно?
Не разорвется оно?

Богу да будет хвала...
Скорби моей ветра

веют над домом моим,
полны сияньем иным.

Тополек

Тополек, золотой тополек,
Моей осени первый гость.
Все, как в зеркало, смотришь в окно,
Непоседлив, как братик мой.

Хоть всю жизнь ты – на месте одном;
Я ж всю жизнь – куда-то бегу,
У тебя, в трепетанье твоём,
Я урок постоянства беру.

Ты – к земле привязан судьбой,
Я – кружу в городе слез.
Ты – привал на пути ночном,
Я – отставший в потемках обоз.

Путь мой горек, и дом далек.
Лишь тебе открою печаль...
Тополек, золотой тополек,
Моей тайны не выдавай.

Перевод Сухбата АФЛАТУНИ.

Сухбат АФЛАТУНИ (Евгений Абдуллаев). Родился в 1971 г. в Ташкенте. Окончил философский факультет ТашГУ (ныне НУУЗ). Поэт, переводчик, драматург, прозаик, главный редактор журнала «Восток Свыше».

ТОЛЬКО В ДЕНЬ ВОЗВРАЩЕНИЯ НАСТУПИТ ВЕСНА...

Удивительные вещи, случайные (случайные ли?) встречи, чудесные стечения обстоятельств – это то, ради чего стоит жить, то, что вдохновляет и помогает верить в лучшее.

Я вспоминаю волшебную историю со стихотворением «Лань». Прошло немало лет, около десяти. Я точно помню, что перевод стихотворения Вафо Файзуллоха «Лань» Игорь Лазарев увидел в интернете случайно, и у композитора и музыканта буквально за один вечер родилась песня. Мы смогли пригласить Игоря Лазарева с его песней на наш вечер «Майский слет» в Литературный институт. Это была годовщина Высших литературных курсов в Литинституте им. Горького (семинар поэзии Валентина Васильевича Сорокина). На встречу приехали москвичи, те, кто был в то время в столице, у нас на курсе было и двое иностранцев – Саша Лавренчук из Киева и Вафо Файзуллох, узбекский поэт, которого мы знаем как Вафокула Файзуллаева.

На «Майском слете» мы показали видеоролики с приветствиями из Киева и Ташкента.

В видеозаписи Вафо в характерной запоминающейся манере прочел свои стихи на родном языке. Со сцены они прозвучали в исполнении переводчика – московского поэта Германа Власова, и полилась мелодичная, нежная и мудрая «Лань» Игоря Лазарева на стихи, переведенные Германом:

*... Я не считаю своих потерь,
Бога нашел я сейчас, теперь,
Пеший мой путь к тебе – светел. Верь.
Лань, о какой по сей день мечтаю.*

Вафокул на курсе всегда был молчалив, очень скромнен, сосредоточен только на своем, внутреннем. Посещал все лекции и семинары, вел записи в больших тетрадах в клетку по-русски. И преображался только на литературных вечерах и встречах, читая свои стихи – эмоционально, страстно, необыкновенно музыкально.

В Москве у Вафо практически не было переводчика. К этому времени работа с иностранными студентами-литераторами, знаменитая в советские годы, была уже в прошлом, институт ничем помочь не мог. Были «добровольцы», соседи по общежитию: Ромул Елисеев и Зульфира Хасанова. В сборнике ВЛК «Путь мастерства-2» (2010) опубликованы эти не очень профессиональные переводы, все же дающие возможность представить глубину и силу оригинальных стихов поэта.

Ближе к окончанию института удалось познакомить Вафокула с Санджаром Янышевым, поэтом и переводчиком с узбекского языка, составителем двуязычной антологии современной поэзии Узбекистана «Анор/Гранат» (Москва, 2009).

Санджар привел Германа Власова, и тогда стихи Вафо Файзуллоха достойно зазвучали по-русски.

Вафокул – глубоко верующий человек, в котором таится глубина и сдержанная внутренняя сила, прорывающаяся в стихах.

Запомнился один эпизод, заставивший всерьез задуматься о том, как яркие и талантливые речи могут увести слушателей не туда.

Все мы помним стихотворение Сергея Есенина «Гой ты, Русь, моя родная...» Заканчивается оно так:

*Если крикнет рать святая:
«Кинь ты Русь, живи в раю!»
Я скажу: «Не надо рая,
Дайте родину мою!»*

Руководитель нашего поэтического семинара В. В. Сорокин – большой поклонник творчества Есенина, его биограф, в прошлом близкий есенинской семье человек, говорил на семинарах о Есенине вдохновенно и восторженно.

И очень легко было увлечься его чувством, его восторгом.

А Вафокул однажды сказал нам: «Не может быть такого, чтобы не надо было Рая. И говорить так нельзя, – ни Есенину, никому. И цитировать это с восторгом – тоже не надо бы...» Истинная, подлинная, глубокая Вера – выше. Мне очень понятно, о чем это...

Стихи Вафо очень красивы и мелодичны.

«Мальчик-поэт, спящий на крыше сельского дома». Перевод стиха в целом органичнее и цельнее вышел у Германа Власова.

Но первая строфа запала мне в душу из варианта Зульфиры Хасановой:

*По колдобинам улиц босая тоска бежит.
Далеко-далеко пролегла борозда.
На глинобитной крыше мальчик спит.
Томится: не дают молока облака...*

Или вот фрагмент из перевода Ромула Елисеева:

*...Долгими зимними ночами разговорчивы старушки.
Осели в землю их ветхие избушки.
К слову кашель примешивают вдохновенно –
Готов умереть, как это проникновенно!..
(«Жажду утолили зеленые Востока кувшины...»)*

А недавно я познакомилась с книгой, присланной мне из Ташкента автором, – сборником стихотворений Вафо Файзуллоха «Белый аист» (Ташкент, 2020). В ней много текстов на узбекском, переводы Вафо Файзуллоха русских поэтов-классиков (Булнина, Гумилева, Есенина, Цветаевой, Бродского), поэта-фронтовика Ивана Рыжикова, наших однокурсников и коллег по ВЛК – Владислава Цылева, Ольги Кузьмичевой-Дробышевской, Сергея Князева, Саши Лавренчука, русскоязычных стихов его переводчиков – Германа Власова, Вадима Муратханова, Ромула Елисеева.

В книге также даны некоторые стихи самого Вафо в разных переводах, что позволяет сравнить варианты.

Чтобы глубоко понять и прочувствовать культуру, необходимо узнать язык. Чтобы прикоснуться к другой культуре, к творчеству талантливых ее представителей, нужно отыскать перевод, который отзовется в тебе наиболее звонко или глубоко.

Языковая преграда велика. Не только языковая, но и культурная, религиозная. Каких-то вещей нам, увы, не понять друг о друге, но отдельные люди, поэты, все-таки стараются, наводят мосты, понимают.

Юлия ВЕЛИКАНОВА

КЛЕНОВЫЙ ЛИСТОЧЕК В ТЮЛЬПАНОВЫХ АЛЛЕЯХ

Рассказ

Динора АЗИМ

«Бу – Трюдо»

Памятной весной 1971 года доселе никому неизвестная канадская девушка Маргарет Синклэр дебютировала в роли первой леди Канады. Не прошло и пары месяцев с их свадьбы, как счастливые молодожены ступили на борт новенького лайнера. Поездка была вполне себе формальной: государственный визит премьер-министра Канады Пьера Эллиота Трюдо. Что до Маргарет, она, похоже, впервые перелетала Атлантический океан.

Счастливые молодые двинулись... в СССР. По представлениям средне-статистического канадца – в страну, сплошь и рядом населенную «кровожадными коммунистами».

Еще на этапе планирования визита Пьер Трюдо изъявил желание посмотреть не только столицу, но и советскую глубинку. В качестве глубинки ему предложили посетить только-только отстроенный после землетрясения Ташкент.

Ранним майским утром 1971 года самолет премьер-министра Канады вылетел из московского аэропорта Шереметьево. Приземлившись в полдень в Ташкенте, пилот подрулил к правительственному зданию аэропорта. Пропеллеры еще покачивались, а трап уже припарковался к лайнеру. Первым в проеме отворившейся двери показался человек в светлой спортивной майке, джинсах и легких кроссовках. Осмотревшись, он подпрыгнул и, спланировав вполоборота на перила, попытался скатиться вниз. Однако мягкая резиновая лента, покрывавшая «ребро», явно мешала скольжению. Невзирая на неудачу первой попытки, неутомимый незнакомец вновь запрыгнул на бортик. Слетев с него во второй раз, он неистовым водопадом устремился вниз. В ответ на строптивость непокорного трапа незнакомец игнорировал каждую вторую ступеньку на спуске.

Ответственный работник¹ МИД Узбекистана тихо спросил коллегу, стоявшего рядом с ним: «Бу... ким?»² А тот не торопился с ответом, осмотрительно выжидая. Картинка рисовалась не по протоколу, во всяком случае, уж никак не по дипломатическому.

До того момента, пока на трапе не возникла Она. Лишь двадцатидвух-летней первой леди прикрывала вуаль, окаймлявшая маленькую шляпку. А под вуалью синими звездами лучились ее сапфировые глаза. Глаза, не оставлявшие

Динора АЗИМ. Поэт, переводчик. Автор 3-х поэтических сборников и публикаций в республиканских и зарубежных периодических изданиях.

¹ Далее по тексту: *ответработник*.

² Это кто такой? (с узб.).

никаких сомнений в том, что перед ними – первая леди. Первая из первых!

Но тогда... тогда получалось... тот юркий, в спортивной маечке... вот он и есть премьер Канады? Наклонившись к коллеге, второй из встречавших прошептал: «Бу – Трюдо»¹.

На всякий случай они таки пропустили вперед молодежь с традиционными лепешками и сладостями на расшитом *дастарханчике*. Все как принято на советском Востоке. Отведав угощение, заокеанский премьер поручался с встречавшими его у затихшего самолета партайбоссами и лихо прошел по ковровой дорожке вдоль выстроенного в линейку военного караула, причитавшегося во время государственных визитов первым лицам. При виде кроссовок, «джинсы» и блеклой маечки высокого гостя брови у невозмутимого караула полезли кверху, задирая фуражки с золоченым гербом к голубым небесам.

Наконец, рассевшись по широким и приземистым «Чайкам» с открытым верхом типа «фаэтон», гости в сопровождении эскорта мотоциклистов отбыли в резиденцию.

Театр оперы и балета

Этим вечером предполагался их визит в театр Навои. Один из встречавших прямо из аэропорта заехал в театр, подоспев на генеральную репетицию оперы «Буран». Заприметив оперную диву, карабкающуюся на некое возвышение – пик победителей по замыслу, – он поморщился. Бархатное платье дивы с тыла украшал потертый шелковый бант, явно заимствованный костюмерами из старого реквизита. Утомленная театральными интригами, примадонна уныло волочила за собой картонный меч – символ ее боевого могущества.

«Снять бант с ж...ы!» – прогремел на весь зал зычный глас, перекрывший сольную партию. Из мрака первых рядов выскочил быстрый администратор, то-ропливо увлекая бывалую приму от гневных очей. Подальше...

К тому моменту, когда величественный кортеж масляно-черных «Чаек»-кабриолетов с поблескивающими жирными боками появился на театральной площади, гостей уже ждали. Выпрыгнув из первой машины, Трюдо оглянулся на эскорт из восьми новеньких мотоциклов *Харли Дэвидсон*². И, пока им рассказывали историю театра, он все косил глазом на мотоциклы, возглавлявшие кортеж. Как только компания направилась под своды театра, Трюдо, подбежав к первому мотоциклисту, стал что-то у него спрашивать. Офицер, склонившись над панелью управления, попытался расшифровать его вопрос языком динамичных жестов. Но его собеседник, не дожидаясь ответа, вскочил на мотоцикл и, нажав на педаль, помахал офицеру рукой. Ловко объехав замерший, будто каменные буддийские статуи, эскорт... он, бросив ковбойский взгляд на Маргарет, вырвался на улицу и, встроившись в ташкентский транспортный поток, скрылся с глаз.

Местные партийные боги внимательно следили за реакцией первой леди. Та не стала заламывать руки по поводу внезапного исчезновения сановитого супруга. Маргарет не выглядела сильно встревоженной. Последовав ее примеру, они постарались ничему не удивляться.

Наконец, одинокий мотоциклист – целый и невредимый – показался на противоположной улице в потоке машин, спеша к первой леди. Прикоснувшись к ее пальчикам, он осторожно развернул тонкую руку и, погладив влажную от волнения ладонь, поцеловал дрожащую кисть. Как бы извиняясь за пережитую ею тревогу и посвящая ей лихой байкерский старт.

¹ Это – Трюдо (с узб.)

² *Harley Davidson company, US.*

Ох, да ведь она, оказывается, на самом деле переживала. Опустив влажневшие глаза, она склонила лицо и сжала узкую ладонь, будто удерживая это волшебное мгновение в кулачке, как оберег. Поймав и спрятав от случайного взгляд, стараясь сохранить магию дивного дня: непредсказуемые круги на мотоцикле вокруг мистического здания незнакомого театра, свой первый дипломатический выезд и быстрое прикосновение горячими губами, в котором сконцентрировалась вековая нежность его любви.

Самое удивительное, что к вечеру режиссер театра успел поменять и диву, и наряд. Исполнительница главной партии – молодая, порывистая, сладкоголосая, чем-то напоминавшая Маргарет – была на подъеме! Мужскую партию исполнял молодой стажер Зураб Соткилава.

Сюжет оперы пленял наивной верой творцов в социальное равенство. Бедный, к тому же еще и разорившийся дехканин по имени Буран еле-еле сводит концы с концами. А тут еще свадьба сына. И весь край нужно пригласить на застолье... Несмотря на трудное социальное положение, Жура (сын) женится весьма даже удачно. Красавица Норгуль, его юная жена, оказывается, не только чертовски хороша собой, но и состоятельна. Продав дорогое ожерелье, она спасет свекра от военного призыва на фронтовые работы. Но потом почему-то им все равно приходится убегать в горы и еще целый акт сражаться за свое счастье.

Постановка удалась. То ли динамика необычного вечера передалась артистам, то ли режиссеру вместе с создателем оперы удалось-таки сделать невероятное, но действие явно нравилось гостям.

Маргарет – поклонница рока и джаза – вышла на оперную сцену, чего с нею никогда не бывало. Первая леди отвесила грациознейший реверанс главному создателю оперы – композитору Мухтару Ашрафи, одарила поцелуями главных исполнителей и преподнесла им цветы.

– Ну как вам сегодняшний вечер? Что еще хотите тут у нас посмотреть? – спросил их один из встречавших, не ведая, какую ловушку он себе уготовил. Беспретпетно взглянув на супруга, Маргарет ответила на вопрос по обыкновению:

– Night club!

Партайбоссы, стараясь ничем не выдать свое недоумение, кивнули, соглашаясь с ее выбором. Да и что им было делать?

Night club

Проводив гостей, один из них, тревожно заглядывая в туманное «завтра», спросил:

– Ночной клуб? Что это такое? Где его взять? Да еще к завтрашнему дню?

– Все устроим как надо. Будьте спокойны!

– М-м... что, и нам с супругой тоже нужно там быть?

– Ни в коем случае!

– Ну тогда выкручивайтесь самостоятельно.

К слову сказать, в семидесятых годах ночных клубов не было ни в Москве, ни в Питере, ни в Киеве... Да что там в Киеве – по всей Прибалтике их тогда было не сыскать: ни в Эстонии, ни в Литве, ни в Латвии. Не говоря уже о восточных окомах страны Советов. Они появились лишь через четверть века после описываемых событий.

Но... как же можно было объяснить сей факт таким дорогим гостям? Вот и пришлось перелететь в будуще. В одночасье...

Шестой этаж

Утром следующего дня ответработник первым делом дал срочное поручение помошнику:

– Свяжите меня с директором ресторана «Зеравшан».

Помошник удивился:

– Непосредственно с директором?

– Непосредственно!

Встреча с директором ресторана состоялась в кабинете на шестом этаже.

– Будут сегодня в ресторане какие-то мероприятия?

– Две свадьбы. На втором этаже, и на первом. И завтра тоже две.

– Про завтра не спрашиваю.

– Что-то срочное?

– Да. В подвале хоть у тебя никого не будет?

– В подвале – никого. Там зал пустой.

– Все там нормально?

– Ну да. Банкет был в прошлом месяце.

– За день успеете проветрить, привести в порядок?

– Успеем. Сколько человек ждать?

– Пятьдесят-шестьдесят...

– А на какое время готовить?

– С десяти вечера и... примерно так до трех-четырёх утра.

– М-м-да-а... Столы-то мы накроем. А вот как быть...

– За программу будет отвечать концерт. Ансамбль «Ялла» будет «дежурить». Еще пара-тройка групп им в помощь: «Веселые ребята», греческий ансамбль... Может Батыр Закиров подыдет.

– Уже легче.

– Официантов поставь... достойных. Опытных. И расторопных. Да, вот еще что: счет НИКОМУ не предъявлять.

– ???

– Сами тебе переведем из фонда Управления делами.

– Сегодня?

– Нет, сегодня не успеем. На следующей неделе. Завтра как раз сможешь подсчитать затраты. Потом все оформишь. И чтобы ничего не придумывали!

– Конечно-конечно!

– Еда на столе должна быть очень качественная. Напитки – тем более.

Гость будет серьезный.

– М-м-можно поинтересоваться кто?

– Увидишь.

– Ясно... (наверное, все так говорят, когда ничегошеньки не ясно).

– Если твои почувствуют, кто-то упивается, – больше выпивки на этот стол не подавать.

– И основному гостю тоже?

– Он-то точно не будет упиваться.

– А как быть, если начнут шуметь, что заказ не выполняют?

– Тогда будут подключаться ребята из службы безопасности.

– Я думал, там все будут из безопасности.

– Нет. В основном – из высшей партийной школы. Хотели еще и комсомольскую школу привлечь. Но... не рискнули.

Высшая партийная школа

Не каждая республика могла похвастаться такой роскошью как ВПШ. На Кавказе такая была только в Баку, в Прибалтике – в Вильнюсе. В густонаселенной Центральной Азии – в Ташкенте и Алматы.

В ташкентскую школу нередко приезжали слушатели из Афганистана, Китая, перелетными стаями залетали слушатели из африканских стран. Да и российские «партшкольники» были не прочь провести полгода жизни, а то и больше, на теплой восточной земле. Особенно если из Сибири, Дальнего Востока или Приморского края.

Александр Галич, подчеркивая пафосность тех школ, пел:

*Тишина на белом свете, тишина,
Я иду и размышляю не спеша, –
То ли стать мне президентом США,
То ли взять... да окончить ВПШ-а*

Самая первая такая школа, послужившая образцом для всех остальных, была создана в 1911 году в пригороде Парижа. Андрей Вознесенский написал о ней целую поэму¹, не забыв упомянуть в ее строках «плотины Чирчика». Лекции в первой партшколе читал Владимир Ильич. Вслед за ним перед слушателями выступала мать-патронесса идеи равенства полов – товарищ Инесса Арманд. В школе Лонжюмо Инесса была не только лектором, но и завучем. Появлялся за лонжумойской трибуной лектора и Анатолий Луначарский. Даже Лев Каменев с Зиновьевым среди педагогов первой партшколы были замечены. Среди слушателей, например, Серго Орджоникидзе. Каково же было ему, добропорядочному и образцовому семьянину, слушать лекции мадемуазель Арманд о грядущей коммунистической свободе от семейно-нравственных уз? А с другой стороны, не пойдешь на занятие – так ведь Ильич обидится.

Хотя ни о каком гендерном равенстве в первой партшколе речь не шла. Поскольку среди множества слушателей мужского пола разьединственной слушательницей оказалась уроженка деревни Калинкино Псковской губернии, работница «Российско-американских мануфактур» – вот ведь и тут американский след! – Анна Ивановна Иванова.

Ндааа... Не иначе как по просьбе Саввы Тимофеевича Морозова – спонсора новой школы – пригласили ее на партийную учебу во Францию. А по задумке вождя мирового пролетариата после выпуска партшкольники должны были вернуться в Россию, чтобы проводить нелегальную работу в массах. Но... след Аннушки Ивановны так в Париже и затерялся. Похоже, поменяла добровольная слушательница одну нелегальную работу на другую. Хотя, говорят, Анна Ивановна аккуратно посещала лекции Инессы Арманд. Дотошно проштудировав ее брошюру «О женском вопросе», она пропагандировала среди партшкольников, а также среди французских рабочих актуальность идеи свободы от брака и от прочих буржуазных предрассудков.

Прием в партшколу был исключительно на основании направлений от партийных комитетов. Партшколы семидесятых годов прошлого века были строго номенклатурными. В их просторных свежееотремонтированных общежитиях обитали исключительно представители выборных партийных органов. Партшкольникам не грозило участие в посевных кампаниях, тем более в прополке

¹ Имеется в виду поэма «Лонжюмо».

сорняков и сборе хлопка – словом, ничто земное не будоражило безмятежное существование партшкольников.

Даже в самый разгар хлопкоуборочной страды они невозмутимо наслаждались столичными благами. Сидели за партами, парились в местной баньке, гурманили в столовых ВПШ с символическими ценами в меню, отпечатанном на ректорском Ундервуде.

Региональными партшколами ведали республиканские ЦК партии. Хотя обычно руководители ВПШ сами приезжали в ЦК, чтобы получить инструкции, или, наоборот, выволочку, случай тот был исключительным.

Утром следующего дня *ответработник* на правах куратора направил стопы в ташкентскую высшую партийную школу. Шел он туда, уповая на пропагандистов и пропагандисток высокой коммунистической морали.

Ректор вместе с двумя проректорами встречали его у входа.

– Давайте-ка пройдем в ваш кабинет. Поговорим для начала приватно, – строго сказал он ректору. В сердцах обоих проректоров вспыхнула их давняя надежда.

Миновав симпатичную секретаршу, умело преграждавшую вход в кабинет во всех других случаях, ректор пригласил нежданного гостя за круглый стол для совещаний. Присели.

– Сколько сейчас у вас слушателей?

– Двести тридцать человек.

– Из России есть?

– Есть, конечно же, есть.

– Из каких городов?

– Из Благовещенска, Иркутска, Омска, из Тюмени есть, из Казани, Барнаула, Бугульмы...

– Еще из каких республик? – остановил его куратор.

– Грузия, Армения, Таджикистан. Из Киргизии есть слушатели. Ну и Афганистан, конечно.

– Симпатичные девушки есть? И парни?

– Ну да, есть и симпатичные, – не растерялся ректор, проявив всестороннюю осведомленность.

– Сегодня вы их особо не загружайте! Минимум занятий, мероприятия лучше совсем отменить. Завтра тоже не стоит их мучить, – ректор еле успевал кивать головой. – Выберите таких... поярче, раскованных таких. И помоложе. Ребят подберите спортивных... таких, чтобы танцевать умели. Шустрых, толковых. Все понятно?

– Понятно, – машинально вторил ему ректор.

– Мероприятие у нас будет. В ресторане «Зеравшан». Туда нужно человек тридцать-сорок. Когда отберете, нужно собрать их в зале, проинструктировать.

Вконец сбитый с толку ректор спросил:

– М-м-м... а... о чем инструктировать?

– Скажите, чтобы оделись все... Черт побери! – куратор будто размышлял вслух: – Тут ведь лучше не в парадных костюмах... Нет, никакой торжественности. Неформально! Водолазки, легкие брюки... У вас свой магазин в партшколе есть для таких случаев?

– Есть, есть. Не то чтобы именно «для таких случаев», но магазин имеется.

– Хорошо, – понял его заминку собеседник. Я скажу, чтобы из сектора подбросили что-нибудь интересное. Обувь новую. Брюки. Нужно проследить, чтобы весь дефицит выставили на полки. Для них. Эту группу хорошенечко отovarить.

– Хорошо, я прослежу.
 – Скажете, сегодня без двадцати минут десять...
 – Это ведь уже через полчаса.
 – Вечером!
 – Понял, – согласился уже ничего не понимавший ректор.
 – Скажете, в 21.40 их будет ждать автобус. Около проходной.
 – У нас проходная в 23.00 закрывается. На вход. А на выход – как раз в 21.30.
 – Придется открыть. Сегодня проходная будет работать до четырех утра.
 – Понятно, – прошептал огорошенный ректор.
 – В 22.00 они должны быть у входа в ресторан «Зеравшан». Там их проведут в зал. Есть там такой тихий, спокойный. Внизу, в подвале. Объясни, чтобы вели себя спокойно и раскованно. Пусть заказывают вино, шампанское. И даже коньяк могут заказывать.
 – И коньяк?! – пораженно переспросил ректор.
 – Да, и закуску! Будет нормальная развлекательная программа.
 – Стипендия у них была в начале месяца. На ресторанный коньяк хватит ли? В «Зеравшане» цены не те, что в нашей столовой...
 – Об этом пусть не думают. Счет им выставлять не будут.
 – Мне тоже... с ними?
 – Ни в коем случае! Как раз вас там и не надо. Они уже взрослые.
 – Проректорам?
 – Тем более. Да я и сам не поеду. Зачем? Увидят нас, почувствуют себя как на партсобрании. Ни к чему.

Понизив голос, куратор вдруг перешел на «ты» и, наконец, раскрыл карты:
 – Видишь, какое дело... Там будет Трюдо с молодой женой. Только недавно был у них *никох*¹. И десяти недель не прошло. Молодожены, понимаешь? Так вот, он хочет показать ей наш ночной клуб. Так это по-ихнему называется.

– Наш... что? Ночной клуб? Он думает, у нас есть... ночной клуб?
 – Он думает – у нас есть все!
 – Да уж...
 – Нужно бы атмосферу такую... чтобы весело, но без мордобоя. И без приставаний: «Давайте сфотографируемся с вами на память! До того хочется дедушке в кишлак фотографию отправить! Как мы тут вместе гуляли...»

И чтоб не вздумали приглашать кого-то из Трюдо на парные танцы! В программе не будет ни вальса, ни танго, ни фокстрота. Если только Трюдо сам не закажет. Все.

В ректорском кабинете повисла тишина. Уходя, уже на пороге куратор добавил:

– Да! И чтоб не обчистили их!
 – Что вы! Что вы!! У нас же партийная номенклатура учится!
 – Знаю я твою *номенклатуру*. Хотя за это голуби из госбезопасности будут отвечать. Но кому-то из своих ребят скажи. А еще пусть посматривают, чтоб потом слушательницы не переквалифицировались в ночных бабочек.
 И с этими словами он вышел.

У истоков эры дигитализации

Перед заветным магазином ВПШ очередь.

– Маш, ты внесла в список кафедру исторического материализма?

¹ Бракосочетание.

- Да, позвонила им.
- Придут ведь?
- А ты сомневалась?
- Ой, а библиотеку не забыли?
- Пиши: Стрелецкая – №1, и номер мне ставь сразу на ладошку.
- Только руку теперь не мой – смоешь номер-то!
- А кушать как?
- Нет, вы только посмотрите на нее! Слушай, зачем тебе кушать? Сегодня красивые туфли купишь – все на тебя та-ак будут заглядываться... Ты и про «кушать» позабудешь, да и не только про «кушать».
- Ты посмотри, библиотека нарисовалась... Вот я не понимаю: зайдешь в зал, там одна еле-еле обслуживает. А как с работы – человек пятнадцать выходит... Вот где они весь день толкуются?
- Да внизу, в хранилище ... за стеллажами. Стулья ставят – по 3 стула в ряд – и спят потихонечку. У них даже расписание есть, кто когда.
- Да-а? А других пускают?
- Смотрите, чтобы все одной рукой записывали, одними чернилами, один и тот же человек. А то набегут потом чужие...

Битва за мокасины

- Наконец, появилась продавщица:
- Девчонки, не стойте! Говорю вам – специально для группы, только сорок человек.
 - Для какой такой группы? Мы тут работаем. У нас стаж большой!
 - Я вам русским языком говорю: товар завезут для группы слушателей. Из ректората принесут список.

И тут появились проклятые претенденты на новый завоз – ночной десант в ресторан «Зеравшан». Тетушки перестали размахивать списком, порхавшим над головами, как икона на хоругвях. Припрятав ценную бумагу, они сбились в могучую кучку. Сцепив отнумерованные руки, живые предвестницы дигитализованного мира заняли боевую позицию. Преградив «десантникам» путь в магазин, они приготовились стоять насмерть.

- Что тут такое творится?
- А ну-ка, покажи номерок. Покажи номерок!
- О чем речь? Какой номерок?
- Номерок, говорю, покажи! На руке. Вот такой. Покажи!
- Нет у меня такого... – и первого десантника мигом окружила стайка пронумерованных тетушек.
- А где ты был, когда мы писали список всех присутствующих?
- Ну, в те времена он еще пешком под стол ходил, – подлил масла в огонь какой-то юморист из десантников.
- Ага, решил залезть в очередь без номера! За базар ответишь.
- Послушайте, при чем тут списки? Все будет в порядке живой очереди, – попытался сгладить ситуацию, а заодно и спутать теткам карты кто-то из ночного десанта.

Синяк

Герой мокасиновой битвы разглядывал в зеркале свеженький синяк, сияющий вокруг левого глаза, и царапину через все лицо, когда раздался быстрый

- стук в дверь. Не дожидаясь ответа, в комнату вбежала дежурная по этажу:
- Ой, родненький! Что это с тобой?
 - Что, по ситцевому радио уже передали?
 - Да из магазина мне позвонили. Сказали, чтоб наведалась к тебе, помогла. Как же это тебя угораздило?
 - Валерьянкой чтобы отпоила, да? От вас не скроешься. Ведьмы... Ладно, лучше научи, как мне теперь с такой рожей в ночной клуб идти?
 - Ну дык... а зачем тебе туда, сынок? А вдруг там... еще поддадут?
 - Задание у меня такое.
 - От кого?
 - От партии.
 - Ты бы еще сказал – от народа.
 - Можно и так...
 - А зубная паста есть?
 - И что?
 - Намазать. И отек пройдет, и синяк закрасится. А еще *бодяга* хорошо помогает.
 - Пудра есть у тебя?
 - Я с буфета на помощь тебе позову. У нас одна буфетчица Клава в пивбаре работает, все примочки знает!
 - Днем, значит, у нее партшкола. Вечером – пивбар. Ну давай, зови свою Клаву-многостаночницу.
 - Она не моя. Она наша.

Накануне

- Вечером десантная группа партшкольников собралась у проходной. Проректор, стоя у входа в автобус, проверял, чтобы все было строго по списку, расставляя против каждой фамилии галочки. Кого-то остановил:
- Так! В сторону. Нет тебя в списке, Шурупов.
 - Как это нет? А кто решение принимал? Списки-то кто составлял?
 - Во-первых, не Шурупов, а Шарипов...
 - Все равно – в стороночку!
- Подходит «мокасиновый герой» с синяком. В черных очках.
- Ты зачем на ночь глядя очки надел?
 - Врач прописал.
 - Болееешь, что ли? Тогда оставайся!
 - А давайте я вместо него? – встречается в их диалог неугомонный Шурупов
 - Не успеешь.
 - А вот успею!
 - Что ж, я зря мокасины покупал?
 - Так давай я их у тебя перекуплю. Со следующей стипендии деньги отдам. Обещаю! – возбудился Шарипов.
 - Э-эх!

* * *

- Как ты думаешь, кто они – во-он те ребята? – спросила Маргарет мужа, обозначив партшкольников беглым взглядом.
- Которые в одинаковой одежде? Наверное, какой-нибудь ансамбль.
- Танцевальный?

- Непохоже... слишком хромые для танцев.
- Они не хромые. Такое чувство, будто им туфли жмут. Видимо, им купили танцевальные туфли для выступления. Прямо накануне.
- Он пожал плечами в ответ, типа «все может быть».
- Послушай-ка, а мы ведь можем их выручить! Если пойдем танцевать босиком. Тогда им не останется ничего другого, как сделать то же самое.
- Это благодаяние, Маргарет, зачтется тебе на небесах.
- Надеюсь.

Ловко сбросив туфельку и поймав на лету, Маргарет положила ее под стул, тут же отправила туда и вторую. И пошла в круг. Босиком! Пьер догнал ее, схватил за руку и успел выйти на середину танцевального круга первым. И они показали партшкольникам мастер-класс.

Свинг. Ча-ча-ча... вспомнили даже рок-н-ролл. Партшкольники ответили им легкой-енкой, «халей-галей», твистом. Наконец, огненным лязги!

Спасением для них были солистки национального ансамбля «Бахор» с коронным «Танцем жизни». Говорят, арабский танец возник в кочующих общинах во времена, когда женщина-роженица могла оказаться в дороге. Какая уж там медицинская помощь? И повитухи-то рядом нет. От бабушек, родительниц, а тем, может, от самой праматери Хавы¹ передалось им искусство не теряться в такой момент, а... танцевать!

Они не успели перевести дыхание после «Танца жизни», а на сцене в свете факелов уже стоял Батыр Закиров. Легкое ли дело описать его голос? Или огромные, будто темные сливы, глаза? Или его выразительные руки, которые он поднимал, обращаясь к кому-то, кого видел только он сам. И какую бы песню он ни пел, звук лился из сердца:

«Только у любимой // Могут быть такие // Необыкновенные глаза...»

Когда Пьер оглядывался на Марго, сомнений не было: все, что творилось в его душе, было созвучно словам той песни.

Отбросив тяготившую ее статусную роль, вдали от чопорных политиков Северной Америки Маргарет наслаждалась *Night club*, замешенным на таинстве партшколы с восточным ташкентским отливом.

Если бы гости понимали языки, на которых говорили «посетители» *Night club*, то могли бы услышать странные диалоги:

- Слушай, Шарипов, не пей так много.
- Хочу – и пью. Сказали же, заплатят!
- Заплатить-то заплатят! Просто неудобно.
- Кому неудобно? Мне – очень удобно...
- Знаешь, я так хочу сказать ей что-то приятное!
- Дык скажи!
- Но я же ничего не знаю по-английски! А ты?
- Знаю. Я в школе учил!
- Тогда подскажи, а?
- Скажи ей: «*Do you speak English?*»
- Что это значит?
- Это значит: «А ты говоришь по-английски?»
- А на каком языке они говорят, по-твоему?
- На английском.

¹ Хаво (момо), Хава = Ева

- Ты что, дурак? Советуешь спросить, может ли она говорить на родном языке?
 – Ну... всяко бывает...
 – Да ты с ума сошел! У нас девушки и по-узбекски говорят, и по-таджикски, и по-русски понимают.
 – Ну ты сравнил! То ж у нас. А это – за океаном.

Внутренний дворик

Однако в подвалах «Зеравшана» стало душно. И Маргарет захотелось ощутить запах майского ветра.

- Пьер, я хочу выйти на воздух.
 Трюдо спросил переводчика:
 – Где здесь можно проветриться?
 – В ресторане есть внутренний дворик.
 – Идем!

В дворовой части «Зеравшана» шла репетиция завтрашней свадьбы. Постановщик нервничал: актеры были давно готовы, а вот невеста с женихом заставляли себя ждать.

Заприметив во дворике красивую пару, постановщик отправил к ним своего помощника:

– Ну-ка, спроси, может, они согласятся помочь? Скажи, нужно пройтись один раз вокруг костра как «киёв – келин¹».

Помощник пошел к супругам Трюдо, переводчик попытался помощника отогнать, но Трюдо его остановил:

- Переведи, что он хочет?
 Тот пояснил:
 – Это актеры. Они никак не могут начать репетицию: ждут жениха с невестой, а те опаздывают.

- Они просят помочь им сделать первый прогон.
 – Что же нужно делать?
 – Пройтись вокруг костра в роли жениха и невесты. Актеры будут вас сопровождать.

Пьер вопросительно посмотрел на Маргарет.

– Что скажешь, дорогая? Это ведь не идет вразрез с интересами государства? Разве премьер не может поработать волонтером? Безвозмездно? В нерабочее время? Ночью? В составе маленькой выездной актерской труппы? В таком прелестном краю? А?

- Может, может, может!
 – И ты не будешь против побыть моей невестой? Еще раз? Ну?
 – Даже не надейся, что я упусти такой шанс!
 – Тогда идем!

Женщины подхватили с четырех концов белый шелковый плат, напоминавший размерами маленький парашютик. От жара пламени костра тот раскрылся над их головами тугим куполом. В руках у остальных артистов – *чилдирма*, *чанг-кавуз*, *домбры*. На плечи Пьера и Маргарет набросили расшитые халаты молодоженов, голову Маргарет прикрыли *келинским* платком. Свадебная процессия двинулась «в поход» под пение: «Келин келди, ёр-ёр²».

Обойдя вокруг костра, процессия прошла по ковровой дорожке дальше. После «прогона» началось соревнование джигитов. Друзья жениха готовились

1 Жених – невеста.

2 Невестушка заходит в дом, Любимая-милая!

к прыжкам через костер. Маргарет и Пьер, стоя у края площадки, с интересом наблюдали за действием.

– Что это? – спросил Пьер.

Переводчик объяснил, что и жених и его друзья должны доказать свою силу. Это соревнование над огнем, видимо, осталось еще со времен зороастризма.

– И жених тоже должен прыгнуть через огонь?

– Конечно! Иначе не отдадут невесту.

Гость обратился к помощнику, подошедшему к ним:

– А ну-ка, покажи!

Парень разбежался и прыгнул.

– Ради тебя, Маргарет, я согласился бы прыгнуть даже в середину этого костра.

– Только со мной! Когда вместе, я не боюсь ни огня, ни потопа. А ты?

– Сейчас ты увидишь!

И... счастливый Трюдо, разбежавшись, перепрыгнул пламя в красивом высоком прыжке и ловко приземлился. На мгновение замер. А потом... сделал свою знаменитую стойку на руках.

Впечатленный, постановщик подошел поблагодарить за участие в репетиции такого спортивного волонтера, которого нечаянно повстречал во внутреннем дворике «Зеравшана». Через переводчика спросил:

– А вы тоже... жених и невеста?

– Недавно были ими, – улыбнулась Маргарет.

– Вот уже несколько недель как муж и жена, – добавил Трюдо.

– Дай Бог вам счастья! Чтобы у вас было много детей. Увидите: супруга подарит вам трех сыновей. У вас будет три богатыря! И они прославят ваш род, иншалла! Иншалла! – вторили Маргарет и Пьер.

Спустя полвека

Зажегшись с легкой руки семейства Трюдо, с тех памятных майских дней, ночной огонек не угасал. Первый росточек индустрии развлечений, проклюнувшийся весной 1971 года в подвалах «Зеравшана», прижился на новой земле. Сейчас уже трудно представить город без таинственной жизни ночных клубов. Можно насчитать их с добрый десяток. А в далеких семидесятых ночной «Зеравшан» был символом андеграунда. Поначалу – по очень большим праздникам, затем – раз в неделю, в выходные, а затем и чаще “Night club” (первый в стране!) потихонечку набирал обороты.

Удивительное созвездие, вспыхнувшее на горизонте довольно безликого мира большой политики – созвездие под звучным именем *Пьер & Маргарет Трюдо* – светило целых пять лет. Таковы уж законы небесных тел: им не дано приближаться друг к другу надолго. Температура раскаляется до запредельных величин.

За годы, промелькнувшие вслед за их путешествием на Восток, Маргарет успела родить Пьеру Трюдо трех замечательных сыновей (Джастин, Александр и Мишель). Их первенец родился через семь с половиной месяцев после ташкентской одиссеи.

То ли от избытка земных забот, а может, еще по какой причине, брак их распался.

Хочется верить, что эта поездка осталась в памяти пары островком забвения обид и спасительным оберегом их единения.

Восток – дело тонкое. Гостей на этой земле было много. Но эти остались в доброй памяти, напоминая о себе ночными огоньками столицы.

КОНЦЕПТ «ВРЕМЯ» В МУЗЫКЕ ИГОРЯ ПИНХАСОВА

Венера ЗАКИРОВА

Что такое время? Если никто меня об этом не спрашивает, я знаю, что такое время. Если бы я захотел объяснить спрашивающему – нет, не знаю.
Августин Аврелий

Проблема времени, его восприятие и толкование всегда находились в поле зрения композиторов как один из способов выражения собственного мироощущения и художественного отражения его пульса, темпа, характера движения. Понятие «времени» в творческом процессе можно трактовать по-разному: как сугубо физический аспект или материалистический и метафизический, то есть духовный. В последнем случае время обретает особый глубинный философский смысл, постижению которого нет конца.

Желание измерить время, проследить за его ходом и зафиксировать этот процесс возникло с древних времен. Подтверждением этому могут служить сохранившиеся артефакты, символизирующие значимость времени для людей, живших миллионы лет назад¹.

Рассуждая о семантике времени и пространства Н. И. Моисеева, автор книги «Время в нас и время вне нас» (Л., 1991), отмечает, акцентируя роль *опыта* в жизни человека, что «время есть впечатление, которое оставляет в нашей памяти последовательность явлений»². Средством осознания опыта через впечатления может выступать любое художественное произведение, в том числе и музыкальное, позволяющее в силу своей эмоциональной природы проникнуть в глубинные пласты нашего сознания, в тонкие измерения времени и пространства, и, словно машина времени, способствовать виртуальному перемещению по лабиринтам нашей памяти,

Венера ЗАКИРОВА. Музыковед, доктор философии (PhD) по искусствоведению, старший научный сотрудник Института искусств и культуры Академии наук Узбекистана.

¹ В результате археологических раскопок, проводившихся в течение последних двух столетий в разных точках земли, было обнаружено немало предметов, свидетельствующих о способности древнего человека измерять время, например, деревянные дощечки-календари или настенные рисунки, обнаруженные в пещере Канчал-де-Моама в Испании, изображающие лунные циклы, и даже такой необычный пример – клык мамонта в форме браслета с насечками, найденный на Украине у реки Десна около Чернигова.

² Моисеева Н. Время в нас и время вне нас. – Л., 1991, с. 5.

находя при этом точки опоры, открывая новые пути для самовыражения и постижения истины в широком ее понимании, проецируя законы Вселенной на собственную жизнь, на творчество, предполагающее серьезные духовные искания, иногда откровения и всегда подлинное вдохновение, душевный порыв.

Представляют интерес в этом отношении идеи И. Канта о времени и пространстве, изложенные в его учении об априорных (не требующих доказательств) формах чувственного восприятия. Время, считал он, – это форма *внутреннего* созерцания – бесконечно, одномерно, однонаправленно, априорная основа арифметики. Пространство – форма *внешнего* созерцания – бесконечно, трехмерно, изотропно, априорная основа геометрии. Предмет восприятия не дан нашей чувственности, а конструируется ею из материала ощущений. Данные ощущений соединяются в целостный образ (синтезируются) соответственно априорным формам самой чувственности». Проецируя идеи Канта на музыкальное творчество, можно отметить, что и категория времени, и категория пространства находят свое непосредственное отражение и во внешней форме каждой композиции, и во внутренней, то есть содержательной, стороне, влияя на выбор определенной образной сферы и на характер ее воплощения в музыке.

Философское осмысление времени, сила его воздействия в музыкальном искусстве эмоционально раскрываются благодаря творческой активности композиторов, уделяющих проблеме времени и пространства немало внимания. Среди современных композиторов Узбекистана наиболее ярко это воплощено в творчестве Игоря Пинхасова, у которого категория «времени» приобрела ключевое, концептуальное значение. Интерес Пинхасова к проблеме времени связан, по словам композитора, с его многолетней работой в кинематографе, которому он посвятил значительный период своей жизни, создав внушительное число музыкальных произведений к разным кинофильмам. «Кино, по мнению Игоря Пинхасова, – это жанр подневольный. Композитору необходимо учитывать режиссерские задачи, роль кадра как определяющего фактора в расчете продолжительности звучания музыкального фрагмента в том или ином эпизоде. Все это создает некие рамки, условия, которым следовало подчиняться при написании музыки. В этой связи категория времени становится особенно важной, значимой, влияющей на весь творческий процесс»¹.

«Желание выразить свое отношение к проблеме времени, передать собственное мироощущение с позиции понимания и абсолютного признания его неизбежного быстротечного движения вперед стало стимулом для создания целого ряда произведений, в которых я стремлюсь высказать то, что волнует меня много лет, что, на мой взгляд, важно и ценно»².

Одним из первых сочинений, созданных под влиянием этих идей, стала «Dramatica – музыка к неснятому кино» (2018) (существует в оркестровой и камерной версиях). Главной задачей, как отмечает Пинхасов, было «досказать то, что не получилось сказать в киномузыке и в более раннем творчестве». Вновь композитора охватывает мысль о неумолимом беге времени, когда важно успеть *сказать, сделать, воплотить* в жизнь все, что

¹ Из личных бесед автора с И.Пинхасовым.

² Там же.

потом будет характеризовать его творчество.

Спустя несколько лет Пинхасов создал целый ряд сочинений, непосредственно связанных с личным отношением к времени. Это фортепианная пьеса «В погоне за временем» («Chasing time», 2018), «Flashback» для скрипки, виолончели и фортепиано (2019), «Виртуальные странствия» («Virtual Roams») для флейты, скрипки, альты и виолончели (2019), а также цикл «Спираль времени», представляющий электронную музыку. В этих сочинениях Пинхасов толкует время как нечто материальное, за что можно попытаться ухватиться, что ощутимо физически (понимая всю условность этого выражения), как регулятор нашей жизни, упорядочивающий ее.

Данные композиции отличает глубина, связанная с философским подходом к осмыслению жизненно важных вопросов, стремительно меняющихся обстоятельств, в которых оказывается современный человек. При этом неизбежно возникает необходимость в какой-то момент остановиться, понять и оценить свою жизнь. Однако вслед за этим прорывается желание продолжить движение с еще большим рвением, усилием ради достижения цели, которая может толковаться либо как одна из задач, которую следует решить в жизни или профессии (творчестве), либо как некая точка, резюмирующая наш путь в целом, подытоживающая все достижения, отчего сознанием овладевает ощущение неизбежности конца.

В такой череде мыслей и чувств развивается идейная концепция инструментальных сочинений Игоря Пинхасова. В каждой композиции воплощены разные ее аспекты: неумолимая быстротечность времени, отведенного нам свыше, пронизывает пьесу «Chasing time»; попытка обратить время назад, взглянуть на себя молодого, только начинающего свой путь музыканта, глазами уже зрелого человека, за плечами которого большой опыт, легла в основу сочинения «Flashback»; наблюдение процесса трансформации жизни современного общества в виртуальный формат и переживания, связанные с поглощением виртуальным пространством сознания человека, подменой реальных жизненных обстоятельств искусственно созданными, заменой привычного уклада жизни, существующего в обществе миллионы лет, новым миропорядком с цифровыми технологиями, искусственным интеллектом, надуманным миром, отсутствием моральных и духовно-нравственных ценностей, самокритики и ответственности, явились идейной концепцией развернутого инструментального сочинения «Виртуальные странствия».

Согласно мнению ряда исследователей новой формы взаимоотношений (на просторах интернета), особое значение приобретает игра как особая философская категория, теоретически сформулированная еще в прошлом столетии немецким философом Йоханесом Хейзингой (1872 – 1945). Он описал и обосновал различные аспекты игры, многие из которых актуальны и жизнеспособны по сей день. Обращает на себя внимание идея Хейзинги о том, что игра является самым легким способом познания мира. Видимо, именно это интуитивно чувствует современное общество, что актуализирует, игру, подтверждением этому является активное пользование виртуальным пространством как жизненной необходимостью.

Вопросами игры и ее функцией в жизни человека занимался немецкий философ Ойген Финк (1905 – 1975), представляющий игру как способ общения с возможным и невозможным, усиленный стремлением к фантазии.

То есть во главу угла ставится не интеллект, управляющий человеком во время игры, а образ мышления, смысл которого преимущественно нереален и при этом «сверхреален», так как содержит в себе сущностное и возможное в каждом единичном¹.

При всей актуальности идей немецкого философа в настоящее время понятие «игры», «игрового начала» в контексте виртуального пространства носит несколько иной характер и подразумевает преимущественно развлечение, баловство, беспечное времяпрепровождение. Безусловно, несправедливо называть так все, что делается на просторах интернета (многие образовательные, познавательные, информационные ресурсы чрезвычайно важны в современном обществе). Однако развлекательный характер многих действий, производимых пользователями интернета, особенно социальных сетей, охватывающих целые поколения людей, и в первую очередь – молодежь, заставляет задуматься о последствиях такого рода «игр» в виртуальном мире: сохранится ли взвешенное отношение и насколько адекватно и приемлемо это в реальной жизни?

Попытка средствами музыкального языка передать свое личное отношение к проблеме влияния времени на жизнь человека, на его характер, мышление, восприятие мира осуществлена в фортепианной пьесе «В погоне за временем» («Chasing time»), созданной Игорем Пинхасовым в 2019 году. Композитор сопоставил в композиции два образа-состояния, возникающие в погоне за уходящим временем: осмысление действительности, попытка остановить время (медленные разделы формы) и, выражаясь кинематографическим языком, экшен (action), что подразумевает художественное воплощение самого времени как объекта нашего внимания, за которым мы стремимся угнаться, даже остановить момент, что невозможно, а значит, бессмысленно.

Таким образом, тематически сочинение можно разделить на два пласта:

1. Созерцание и внутренний эмоциональный порыв к действию.
2. Реальное действие, применение физических усилий в погоне за временем.

Пинхасову удалось органично, художественно убедительно воплотить в музыке обе сферы, отчего композиция обрела логическую стройность, последовательность и цельность. По характеру изложения, по степени контраста эмоциональных состояний, наконец, по темпераментности основного музыкального материала, включая динамичную и энергетически напряженную кульминацию, фортепианная пьеса «В погоне за временем» представляет собой виртуозное концертное сочинение, охватывающее широкий диапазон фортепиано, имитирующего звучание целого оркестра. Гудящие басы в медленных разделах, словно духовой ансамбль, заполняют все пространство. Звонкие акцентированные короткие фразы в высоком регистре соединяют в себе сразу несколько тембров, близких по характеру скрипкам, флейте-пиколо, колокольчикам и ксилофону.

Идейный замысел своего сочинения Пинхасов облачил в сложносоставную композиционную структуру, в которой ведущим драматургическим приемом является чередование контрастных разделов, взаимодополняющих друг друга. Вместе с тем, как утверждает сам композитор, «форма сочинения, его драматургия складывается всегда сама, исходя из содержания».

¹ Гонгало Е.Ф. «Человек-играющий»: концепции Й.Хёйзинги и Э.Финка // Электронный ресурс: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/47019/1/6>

Я никогда не думаю, какое средство применить»¹. Безусловно, каждый элемент музыкальной ткани произведения (и по отдельности, и в совокупности), учитывая паузы, заключает в себе особый семантический смысл, так как работает на построение музыкальной композиции, логики ее развития, распределение смысловых акцентов, сопоставление динамических и выдержанных по характеру разделов, обозначение кульминационных зон.

Для решения этих задач Пинхасов использует различные приемы, в том числе и чисто технологические (чередование разных по темпу и динамике эпизодов, переменность размера и метроритмической пульсации). Однако сама идея осмысления времени как трудно уловимого и трудно объяснимого явления в нашей жизни является главенствующей, подчиняющей себе все приемы и средства музыкальной выразительности, ведущей за собой и композитора, и исполнителя, и слушателя.

Композитор уделяет особое внимание фактуре произведения, которая в процессе музыкального развития уплотняется по вертикали и горизонтали, обогащаясь пассажами со множеством хроматических звуков. Аналогичными методами – только в обратном движении (за счет минимизации средств музыкальной выразительности) – достигается некоторое успокоение, стремление прорываться вперед сменяется желанием остановиться, чтобы осмыслить, оценить пройденный этап, сделать выводы и настроиться на дальнейшее действие.

Важнейшим, на наш взгляд, выразительным приемом в сочинении «В погоне за временем» стала опора на метроритмический каркас, символизирующий внутреннюю пульсацию, особенно осязаемую в процессе активного действия. Все быстрые разделы композиции имеют четкий, упругий ритм, который неустанно повторяется в нижнем регистре, напоминая характерную для восточной музыки традицию сопровождать инструментальные, вокальные и даже танцевальные номера игрой на ударных инструментах – нагоре или дойре, когда многократно повторяется определенная ритмическая формула – усуль. Схожий прием использует и Пинхасов, повторяя оstinатный ритмический рисунок на протяжении каждого раздела – активного действия.

Идея догнать время, уловить его дыхание, ухватиться за него, чтобы быть в нем, в произведении сталкивается с контридеей, заявляющей, что подобная погоня не может длиться беспрерывно. На внутреннем противоборстве формируется концепция сочинения, художественно отражающая реальную жизнь человека, связанную с постоянным преодолением. Выразительно передал это в музыке Игорь Пинхасов, затем убедительно, эмоционально, вдохновенно это было воплощено музыкантами-исполнителями – пианистами Марией Жуковой, представившей идею произведения в обобщенном, крупном плане, и Анастасией Байкиной, сделавшей акцент на отдельных деталях, нюансах, из которых впоследствии сложилось единое целое.

Несмотря на внешнюю сложность, даже виртуозность пьесы «В погоне за временем», она достаточно удобна для исполнения. Пинхасов сам прекрасно владеет игрой на фортепиано, знает природу инструмента и технические возможности пианистов. «Я стараюсь так писать музыку, чтобы ее можно было исполнить с трех репетиций. Для меня важно, чтоб

¹ Из личной беседы автора с композитором.

звучало концептуально сложно, содержательно, но игралось легко».¹

Другие сочинения Пинхасова, связанные с проблемой времени, представляют собой более развернутые композиции, предназначенные для инструментальных ансамблей. Это «Flashback», где виртуозная партия фортепиано дополнена тембрами скрипки и виолончели, и «Virtual Roams» для флейты, скрипки, альты и виолончели. Своеобразие этих произведений в том, что каждый участник ансамбля, обладающий уникальным тембром, ведет свою музыкальную линию, при этом создавая звуковой баланс с другими инструментами. В результате образуется звуковое пространство, наполненное сложными и противоречивыми мыслями о нашей жизни в прошлом и настоящем (в первом сочинении) или об окружающем мире, особенно виртуальном (во второй композиции). Оба произведения отличаются и по форме, и по содержанию, и по приемам, использованным композитором при создании образной сферы. Однако их объединяет невероятная сила эмоционального воздействия на слушателей.

В завершение аналитических наблюдений, связанных с пониманием категории времени в музыке Пинхасова, следует подчеркнуть, что время явилось мощной энергетически действенной силой, захватившей композитора на многие годы, сподвигнув его на создание своей концептуальной идеи воплощенной в его различных музыкальных произведениях. Композитор не просто коснулся одного из сложнейших для осмысления вопросов жизни, он обратил внимание на актуальные проблемы современного человека, оказавшегося в потоке стремительно развивающихся событий, требующих мгновенного реагирования, его музыка способствует осознанию таких вечных ценностей, как мир, добро, гармония внутри и вокруг нас.

¹ Из личной беседы автора с И. Пинхасовым.

ОБРАЗ ЖЕНЩИНЫ В ПОВЕСТЯХ ВАЛЕНТИНА РАСПУТИНА

ДИЛБАР ЖАББОРОВА

В. Распутин – талантливый рассказчик, сумевший воплотить в своих произведениях истинно русские характеры простых женщин, носителей лучших национальных качеств.

Символом красоты человеческой души стала Анна из повести Валентина Распутина «Последний срок».

Анна – простая русская женщина. Всю свою жизнь трудилась в колхозе. Даже в голодные годы старалась уберечь своих детей. Никогда ни на что не жаловалась, наоборот, всем старалась помочь. Всю любовь и тепло своей души отдала людям и своим детям, относясь к ним с всепрощающей, нетребовательной любовью. Она очень чуткая и деликатная, боится лишнее сказать, сделать что-то не так, обременить своих детей излишними заботами и хлопотами.

Анна доживает последние дни своей жизни. Наступил последний срок ее пребывания на этой земле, и дети приехали, чтобы проводить мать в последний путь. Даже перед смертью Анна думает не о себе, не о своей душе, а о внучке, о детях, о подруге Миронихе, беспокоясь, не случилось ли с ней чего. Ее человечность, чуткость и доброта не знает границ. Анна – сильная женщина с богатым внутренним миром, щедрой душой, большим сердцем. Внутренний мир детей довольно убог. На первый взгляд, они кажутся обычными детьми, которые приехали к умирающей Матёри. Но как только Матёри стало лучше, обнаруживается их духовная скудость, бессердечие, нравственная пустота. Не стесняясь, они начинают распивать водку, купленную на поминки (не пропадать же добру!), ссорятся по пустякам, сожалеют, что напрасно преждевременно приехали. Выглядит все это дико и бесчеловечно.

Общечеловеческие и родственные связи не имеют в их глазах никакой ценности. Как будто это и не родная кровь. Даже перед умирающей Матёрью они не могут оставить бытовые дразги. Люся укоряет сноху, которая все эти годы ухаживала за Анной, что простыни несвежие, беспокоясь о внешних приличиях, а не об истинном положении Матёри. Живя вдали от дома, Матёри, родной земли, вдали друг от друга, дети Анны оторвались от

Дилбар ЖАББОРОВА. Родилась в 1970 году в Сырдарьинской области. Преподаватель кафедры русского языка и литературы Гулистанского университета. Автор нескольких литературоведческих статей.

своих корней, родной земли, оскудели душой. Анна больше других любит Таньчору, младшую в семье, но Таньчора мало отличается от других. Наверняка жизнь в большом городе загубила ее душу, изменила ее.

Так и не дождавшись смерти Матёри (даже страшно звучит!), дети разъехались по домам. А ночью Анна умерла. Взрослые ее дети, сами уже родители, так и не прочувствовали потери, необходимости последнего прощания с Матёрью. Это жестоко и обидно.

Мать, подарившая жизнь, вырастившая, вскормившая, сохранившая своих детей, так и ушла не оцененная. Дети не осознали ни того, как они обязаны Матёри, ни своей вины перед ней.

В повести «Прощание с Матёрой» Распутин создает еще один запоминающийся женский образ – образ Дарьи.

Дарья – воплощение совести и народной нравственности, хранительница родной земли. Перед затоплением деревни Дарья идет на кладбище. Здесь покоится вся ее родня: братья, сестра, прадеды, деды... Она винит себя за то, что не смогла отстоять свою землю, их покой, и хочет перенести родные могилы на новое место, спасти их от кошунственного уничтожения. Память предков для нее – святое. Как родного и близкого человека, Дарья трогательно готовит свою избу в последний путь: она вымыла каждую дощечку, каждое бревнышко, побелила печку. Изба для нее не просто место проживания, это нечто большее, священное. Здесь прошла ее жизнь, жизнь, ее родителей, ее далеких предков.

С Дарьей считаются в деревне, идут за советом. Она всем помогает. Когда начали уничтожать кресты на кладбище, Богодул первым делом причался к Дарье, зная, что только она сможет дать отпор.

Матёра для Дарьи – это не только деревня, где она родилась и прожила жизнь. Это мать-земля, это вечная крепость крестьянского уклада жизни. Для нее большая трагедия – гибель тысячелетнего человеческого уклада, выкорчевывание памяти о жизни многих и многих поколений, уничтожение с лица земли целого природного мира, который стал для людей родным.

Дарья крепко держится за эту землю, с которой у нее общая судьба и одна правда. До конца своих дней она будет верна Матёре.

Два художественных образа (Дарьи и Матёры) слились воедино в образе женщины-Матёри. С развитием технического прогресса физические возможности человека несколько не увеличили значимость его духовной силы: «Какой был, такой и есть. Был о двух руках-ногах, боле не приросло», – с грустью произносит Дарья, уверенная в том, что человек силен прежде всего своими корнями, традициями, памятью.

Жестокая действительность, борьба за минутное владение много горя принесут, придется долго и горько расплачиваться.

И главная причина непонимания истинных ценностей, нравственного упадка объясняется прежде всего утратой душевной связи человека со своими корнями.

Нельзя дать оскудеть душе, нельзя, чтобы очерствело сердце, надо жить в гармонии с природой, беречь память, ибо «правда в памяти. У кого нет памяти, у того нет жизни».

ОКРЫЛЯЮЩАЯ ЛЮБОВЬ ИЛИ ПОМЕШАТЕЛЬСТВО?

Мустафа БАЙЭШАНОВ

Мир героев А. Куприна пестр и многообразен. Он сам прожил яркую, наполненную богатыми впечатлениями жизнь: испробовал долю и военного, и конторщика, и землемера, и актера бродячей цирковой труппы.

Ему, человеку с очень большим жизненным опытом, были интересны человеческие судьбы, при этом герои его произведений – чаще всего не удачливые, не преуспевающие, не довольные собой и жизнью люди, а внешне неказистые и невезучие герои с той теплотой человечности, которая всегда отличала русских людей. Персонажи многих рассказов наделены чертами «маленького человека», не нашедшего места под солнцем благополучия.

Одним из интереснейших произведений писателя является повесть «Гранатовый браслет».

Бедный чиновник Желтков однажды встретив княгиню Веру Николаевну, полюбил ее навсегда всем сердцем. Любовь эта не оставила места для других чувств и интересов.

Как справедливо отметил Афанасьев В. Н., именно в сфере любви по преимуществу проявляет в творчестве Куприна «маленький человек свои большие чувства»¹. И вот Вера Николаевна получает от Желткова браслет, блеск гранатов которого повергает ее в ужас, мозг ее сразу же пронзает мысль – «точно кровь». Ясное чувство о предстоящем несчастье тяготит ее, и на этот раз оно вовсе не пустое. С этого момента ее спокойствие разрушено. Вместе с браслетом получив письмо, в котором Желтков признается ей в любви, она испытывает все нарастающее волнение, которому нет предела. Вера посчитала Желткова «несчастливым», она не смогла понять всего трагизма этой любви. Несколько противоречивым оказалось выражение «счастливый несчастный человек». Ведь в чувстве к Вере Желтков и испытал счастье... Но грубое вмешательство в святые чувства, в прекрасную душу убили Желткова. Уходя навсегда, он думал, что путь Веры станет свободным, ее жизнь наладится и пойдет по - старому. Но дороги назад нет. Прощание с

Мустафа БАЙЭШАНОВ. Родился в 1952 г. Окончил Ивановский государственный университет. Кандидат филологических наук, преподаватель кафедры русского языка и литературы Гулистанского государственного университета.

¹ Афанасьев В. Н. Куприн А.И. Критико-биографический очерк. – М.: «Художественная литература», 1960, с. 106.

телом Желткова было кульминационным моментом ее жизни. В этот момент сила любви достигла максимума, стала равна смерти. Восемь лет беззаветной любви, ничего не требующей взамен, восемь лет преданности милому идеалу, самоотверженности! За один короткий миг счастья пожертвовать всем накопленным за такой большой срок – это под силу не каждому. Но любовь Желткова к Вере не уподоблялась никаким образцам, она была выше их. И даже если конец ее оказался трагичным, трагедия Желткова была вознаграждена.

Желтков уходит из жизни, чтобы не мешать жить княгине и, умирая, благодарит ее за то, что она была для него «единственной радостью, единственным утешением, одной мыслью». Это произведение – молитва любви. В своем предсмертном письме влюбленный чиновник благословляет свою возлюбленную: «Уходя, я в восторге говорю: "Да святится имя Твое"». Его Хрустальный дворец, в котором жила Вера, разбился, но обогатил его жизнь светом, теплом, искренностью. Любовь Желткова в финале сливается с музыкой Бетховена и с вечной памятью о нем.

Афанасьев В. Н. отмечает, что сам Куприн, предавая свои впечатления от оперы Бизе «Кармен», писал, что «любовь всегда трагедия, борьба и достижение, радость и страх, смерть и воскрешение». Чувство Желткова – это тихое, покорное обожание, без взлетов и падений, без борьбы за любимого человека, без надежд на взаимность, робкое и бессильное. Желтков, полностью отдавшись этому чувству и понимая его безнадежность, охотно соглашается уйти из жизни, придавленный им, отгородившись своей любовью от жизни, замкнувшись в своем чувстве.

Чем было чувство Желткова – истинной ли любовью, окрыляющей, единственной, сильной, или помешательством, сумасшествием, которое делает человека слабым и ушербным? Чем была смерть героя – слабостью, малодушием, пропитанным страхом, или силой, желанием не досаждать и оставить любимую? Это, на наш взгляд, главный вопрос на который призывает ответить своего читателя А. Куприн.

Интересно раскрывается тема любви в рассказе «Олеся», написанном в 1898 году.

В глухую деревушку Волынской губернии, на окраину Полесья, забросила судьба Ивана Тимофеевича – грамотного, интеллигентного человека.

Ему не с кем здесь поговорить, нечем заняться – вот почему его так сильно взволновал рассказ Ярмолы о старой ведьме. Молодой человек жаждет приключений, желая хотя бы на время отвлечься от повседневной рутины деревенской жизни. Во время очередной охоты Иван Тимофеевич неожиданно натывается на старую избушку, где и происходит его первая встреча с Олесей – внучкой местной колдуньи Мануйлихи. Олеся завораживает его своей красотой. Не красотой светской дамы, а красотой дикой лани, живущей на лоне природы. К тому же, как выясняется, девушка самодостаточна, горда, дерзка. Иван Тимофеевич решается на повторный визит к Мануйлихе, ища встречи с Олесей. Олеся тоже рада гостю. Гадая ему по руке, она характеризует его как человека «хотя и доброго, но только слабого», признается, что доброта его «не сердечная». Сердце у него «холодное, ленивое», и тем, кто «будет его любить», принесет он, хотя и невольно, «много зла». Таким образом, со слов юной гадалки, молодой человек предстает как эгоист,

не способный на глубокие душевные переживания. Но вопреки всему Олеся и Иван Тимофеевич влюбляются друг в друга и полностью отдаются этому чувству.

Любовь Олеси делает явной ее чуткую деликатность, особенный врожденный ум, наблюдательность и такт, ее инстинктивное знание тайн жизни, открывает огромную силу страсти и самоотвержения, обнаруживает великий человеческий талант понимания и великодушия. Олеся готова отказаться от своего чувства, терпеть страдания и муки ради любимого. Образы других героев представляются тусклыми, духовно бедными, злобными, безрассудно жестокими в сравнении с ней. Олеся готова на все ради своей любви: пойти в церковь, терпеть издевки местных жителей, найти в себе силы уйти, оставив после себя лишь нитку дешевых красных бус как символ вечной любви и преданности. Для Куприна образ Олеси – идеал возвышенной, исключительной личности. Открытая, самоотверженная, глубокая натура, смысл жизни который составляет любовь, возвышается над обычными людьми, потому что способна дарить счастье. В то же время это делает Олесю беззащитной. Предсказанное сбывается.

Иван Тимофеевич обнаруживает свою моральную несостоятельность. Его любовь, скорее, увлечение. Понимая, что его возлюбленная никогда не сможет жить вне природы, он все же предлагает ей руку и сердце, подразумевая, что она будет жить с ним в городе, даже не допуская мысли о том, чтобы ради своей любви он мог бы отказаться от положения в обществе и остаться жить в Полесье. Он отступает, смиряется с тем, что произошло, не собирается бороться за свою любовь, к сожалению, так и не поняв, что потерял любовь.

Герои Куприна способны на истинные чувства, самоотверженные поступки, способны сделать самостоятельный нравственный выбор, отдавшись безраздельно любви, готовы даже отказаться от жизни во имя благополучия возлюбленной (Желтков) или перешагнуть через себя ради своего чувства (Олеся). Их выбор оказывается трагическим, сопряженным с жизненной катастрофой героя, но свидетельствует не о слабости, а о силе героя, его готовности к самопожертвованию.

Татьяна ОСИНА

БУРЛЕСК СО СМЫСЛОМ

Миссию гуманизации человека каждый театр реализует в рамках собственной эстетики и образной концепции. Например, Молодежный театр Узбекистана в образах положительных героев создает модели поведения, образцы для подражания, которые воплощают систему требований, предъявляемых обществом к человеку, – именно таким способом он осуществляет важнейшую и определяющую для него функцию социализации индивида. Являясь общественным камертоном, театр-трибун блистательно реализует ее в своих лучших спектаклях «Скрипач на крыше», «Холстомер», «Миры в столкновении», «Хэппи энд».

Театр Наби Абдурахманова – заслуженного деятеля искусств Республики Узбекистан, создавшего неповторимую эстетику Молодежного театра, собравший специально обученных, подготовленных актеров – имеет, однако, в своем активе спектакли, которые в симбиозном содружестве объединяют социализирующую функцию искусства с не менее важными функциями эстетического совершенствования, эксперимента, саморазвития и эстетического развлечения, порождая своеобразный романтико-эпический социальный замес – спектакль-бурлеск, озорной, яркий, сочный, густонаселенный. Таковы «Принцесса Турандот», «Женщина-дьявол», «Лекарь поневоле», а теперь и органично вписавшийся в этот ряд основанный на современном материале (место и время действия Нью-Йорк 30-х гг. XX века) новый спектакль Молодежного театра «Леди на день», премьерный показ которого состоялся 6 мая 2021 г. Это масштабный международный проект, осуществленный при содействии Фонда культуры и искусства при Министерстве культуры Республики Узбекистан. Режиссер-постановщик спектакля – Дмитрий Астрахан (Москва, Россия), у которого более 40 спектаклей, поставленных в России и за рубежом, и более 30 фильмов, в т. ч. кинематографические хиты «Все будет хорошо», «Ты у меня одна», фильм «Изыди», выдвинутый СССР на Оскар.

Спектакль «Леди на день» поставлен режиссером по пьесе Олега Данилова, постоянного соавтора Д. Астрахана – драматурга, вдохновившегося в 90-х гг. XX века рассказом американского журналиста Дэймона Раньона,

Татьяна ОСИНА. Родилась в Ташкенте. Окончила Ташкентскую государственную консерваторию. Кандидат философских наук, доцент. Публиковалась в периодических изданиях Узбекистана и сборниках научных трудов.

пьесой американского драматурга Роберта Рискина с предельно простым сюжетом. Друзья превращают нищую торговку яблоками из Нью-Йорка в леди, дабы воссоединить в счастливом браке ее дочь, взращенную в богатстве вдали от матери, и сына надменного испанского графа. Эта весьма незатейливая история, оформленная драматургом О. Даниловым в пьесу, уже завоевала Россию от Москвы до Владивостока, покорила многие другие страны, а также интернет-пространство, спровоцировав обсуждения и разнообразные оценки – от восторженных до крайне негативных («прекрасный спектакль с глубокими смыслами, серьезными посылами» и «вульгарный дешевый сахар для недалеких зрителей», «скучно и нудно», «арт-терапия, чтобы расслабиться, отвлечься от реальности, посмеяться, отдохнуть от навалившихся проблем» и «жестокая вещь, страшная своей безысходностью»). Широкий диапазон взаимоисключающих оценок обусловлен различными факторами: актерским мастерством исполнителей, социальным контекстом, зрительским «багажом», сменой акцентов в разных постановках, многослойностью, многоплановостью самой пьесы и т. п. Зритель недоумевает. Трагедия? Комедия? Мелодрама? Трагифарс? Смесь радости и боли, смеха и рыданий, симбиоз комедии положений и комедии характеров, «Золушки» и «Пигмалиона», утопии, сказки и мифа, частной истории, очерка нравов, социальной драмы. Несомненно одно: талантливая пьеса, развлекающая и одновременно продуцирующая глубокие смыслы, затрагивающая вечные темы, продолжит свое победное шествие по мировым сценам. Но каковы эти смыслы сегодня, как они коррелируют с современными «болевыми точками», каковы их нынешний социальный контекст, актуальность?

Сегодня много говорят о счастье. Это главный вопрос, обсуждаемый в спектакле, и в прессе, и в очередном докладе ООН. Поскольку единого определения счастья не существует, напомним слова философа Ильина: «Жить надо ради того, за что можно умереть». Дочь главной героини Анни Луиза готова умереть ради любви, не в силах перенести разлуку с любимым. Мать ради счастья дочери готова зависнуть между петлей и прыжком в бездну с 32 этажа. В итоге дочь обретает мужа, семью, ребенка, но счастье Анни весьма сомнительно: есть новый муж, но потеряна навсегда дочь. Инсценированные «похороны» Анни окончательно разрывают семейные узы и порождают подлинное несчастье, лишая радости общения самых близких, что, по представлениям современной молодежи, является одним из главных условий счастья, поскольку предполагает больше свободы, правды, достоинства, чего Анни абсолютно лишена. В ее жизни много лжи и унижения, порождаемых ее низким социальным статусом. Хотя параметры счастья различны у разных слоев общества, одно очевидно: счастья достоин каждый человек независимо от социального статуса (все перед Богом равны). Это основной посыл финала, вложенный в уста мэра Нью-Йорка, и главная идея спектакля.

Другой важнейший посыл «Леди...» – необходимо иметь ребенка и семью. Борьба за них, по сути, лежит в основе сюжета. За счастье обретения семьи, ребенка борется молодая пара (Луиза и Карлос), которой помогают всем миром, от мэра и начальника полиции до девочек из ночного заведения. Впрочем, история самой «мадам» тоже поучительна. В молодости, забеременев, она предпочла отказаться от работы жрицей любви и ох как настрадалась: скиталась, просила милостыню, жила в приютах для бедных,

но, радуясь рождению новой жизни, вырастила-таки сына (в публичном доме!). Ее сын Красавчик Дэйв – талантливый авантюрист, организатор и комбинатор и одновременно альтруист, романтик и волшебник.

Традиционные ценности, казавшиеся незыблемыми, в XXI веке оказались под угрозой.¹ Усугубляющим фактором служит провозглашенная западом т. н. «гендерная реальность», пропагандирующая всевозможные гендерные отклонения, разрушающая традиционные институты брака и семьи и подводящая человечество к вырождению. В сложившейся ситуации спектакль «Леди на день», идущий на многих сценах мира, выступает в роли своеобразного спасителя и союзника человечества. Он заставляет задуматься и понять главное: пока человек будет желать иметь детей и бояться смерти, он не изменится в худшую сторону.

Еще одна важная, волнующая многих тема – образ родной страны. В спектакле «Леди на день» – это демократическая Америка 30-х гг. XX века, многогранно представленная деятельностью различных институтов (мэрии, полиции, судебной и избирательной систем, прессы) в гигантском срезе, обнажившем вопиющий разрыв двух миров, двух идеологий и культур – господ и хамов (плебеев). Образ жизни господ – это университеты, светские рауты, рестораны, музеи, круизы, корабли, автомобили, а бедняков – помойки, бордели, лавки; с одной стороны, нищий Бруклин, где живет народ, с другой – блистательный Манхеттен – ареал обитания власти.

Абсолютное зло и крайнее выражение социального неравенства и несправедливости воплощает в спектакле надменный граф Альфонсо Роме-ро, отец жениха Луизы, который безапелляционно категоричен: «Господа и хамы не должны смешиваться, каждый должен знать свое место, с кем разговаривать, пить и обниматься». Спесивый граф поставлен на место и откровенно высмеян мэром города, в котором все смешалось, «на день» объединив в добывании счастья молодым влюбленным представителей разных сословий – бедняков и богатых.

В реальном мире в руках 1% сильных мира сего сосредоточено сегодня 99% мирового богатства. Неравенство неизбежно, но восстанавливать равновесие добра и зла необходимо – человек не должен умирать от голода или от обжорства. Все по-разному ведут себя в момент серьезных испытаний: одни с готовностью подставляют плечо, другие, наоборот, дистанцируются. Но именно в реальной помощи и сочувствии – настоящее единство мира. «Леди на день» показывает это на примере судьбы своих героев, от ее ударов и превратностей не застрахован никто: мэр Нью-Йорка – высокопоставленный чиновник – в финале спектакля становится бомжом, а бывший судья штата – жуликом и гостиничным вором.

Сатирически заостренной предстала в «Леди...» деятельность многих институтов американского общества 30-х гг. XX века – полиции, которая, зная об аферах Дэйва Красавчика, не может его арестовать; прессы, сочиняющей фейки, раздувающей конфликты, «рулящей» мэром; избирательной системы, при которой результаты выборов зависят не от реальных действий,

¹ Сегодня 10 % американцев страдают от одиночества. Миллион японских мужчин (т. н. «хикикомори») сознательно выбирают затворничество, заменив семейную жизнь на компьютер и интернет. Опасаются вступать в брак и продолжают жить с родителями молодые мужчины во Франции, не имея возможности содержать жену и детей. Многие женщины во всем мире отказываются от деторождения, опасаясь жестокости мира и нищеты для потомства. Прогнозы неутешительны: к 2035 г. число холостых мужчин и женщин в Японии достигнет 35 %, а у поколения Z – до 35 лет – и у родившихся после 1996 г. нет детей, 90 % из них (50 % женщин и 41 % мужчин) не планируют их иметь и через 10 лет.

а от статей в газетах.¹ «Рулящая» пресса «Леди...», отправившая мэра Нью-Йорка в отставку, порождает у зрителя вполне современные ассоциации.

И все же... добро побеждает зло. В «Леди на день» общими усилиями завоевана победа, проявлен дух коллективного сотворчества и социального единения. Каждый персонаж – участник и творец, и каждый за всех и все за одного... Поэтому и происходит это удивительное приращение человеческого в человеке, когда достоинство и свободу, пусть лишь на день, обретают заблудыга, вор, пьяница и девочка «с недостаточной социальной ответственностью», а творчество, взаимовыручка и участие побеждают уныние, избавляют от чувств униженности и покинутости, – каждому дается шанс на счастье. Только иди и твори! Преодолевая превратности судьбы, создай свою жизнь!

В ансамблевом коллективном спектакле все равны: герои – второстепенные и главные, молодые актеры и звезды, яркие типажи словно выхваченные из самой жизни. Актриса Ф. Рахматова, исполнившая немало ролей прекраснотушных юных героинь, в новой возрастной роли провела свою героиню Анни через широчайший диапазон чувств: от крайнего отчаяния до счастливой экзальтированности. Обладающая абсолютно зажигательной харизмой парочка авантюристов (актер О. Абдурахманов и заслуженный артист РУз А. Бекмуратов – мошенническая команда в гоголевских «Игроках») теперь ударно действует во имя счастья и любви молодых влюбленных: один – продавец воздуха, мостов, проливов, статуй и конюшен, мафиози и прекраснотушный авантюрист Красавчик Дэйв, а другой – судья штата, известный жулик, вор и новоявленный муж Анни Генри Блейк.

Любимец публики актер Б. Юлдашев с цирковой ловкостью продемонстрировал талант перевоплощения: то он мэр Нью-Йорка, яростный и беспощадный блюститель закона, то альтруист, защитник бедных и жулик, включившийся в грандиозную аферу, то жалкий бомж. Как всегда, убедителен актер А. Картаев: его граф – сноб до мозга костей, главный оппонент всех бедных и нищих, обманутый ими, – основной двигатель действия.

«Леди на день» режиссера Д. Астрахана на сцене государственного Молодежного театра Узбекистана – это спектакль, в котором удивительно гармонично соединились блистательная пьеса, талантливые актеры и режиссер-Мастер.

¹ В России эта информационная технология была применена в начале XX века в преддверии Февральской революции: в газетах и Госдуме начался процесс дискредитации царя и царской семьи, направленный на подрыв власти. Пример «сверхпродвинутых» современных информационных технологий и разгула прессы продемонстрировали последние президентские выборы в США, когда впервые в истории имя нового президента страны объявили не государственные органы, а американские СМИ, они же впервые в истории применили практику отключения социальных сетей неугодного президента-предшественника.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗА ПЛЕННИКА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Охида ЮЛДАШЕВА

К теме кавказского пленника в XIX в. обращались А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Л. Н. Толстой, в XX веке – В. С. Маканин, причем, на протяжении многих лет она видоизменялась и трансформировалась. Трансформация обнаруживается уже в названиях: «кавказский пленник» в XIX веке сменился «кавказским пленным» в XX веке. Образ кавказского пленника привлекает писателей своей глубиной, гибкостью, психологической многогранностью.

В 1821 г. во время южной ссылки А. С. Пушкин написал романтическую поэму «Кавказский пленник». В этой поэме автор воспроизводит не только образ пленника, но характер передового человека своего времени, неудовлетворенного реальностью, одолеваемого жаждой свободы. Это типичный романтический герой. В поэме не идентифицируется имя героя, отсутствуют сведения о его прошлом. Информацию о герое читатель получает из авторских намеков, недомолвок и собственных догадок. Во времена Пушкина на Кавказ попадали, как правило, не по своей воле. Недовольный окружающей действительностью, разочарованный, возможно высланный на Кавказ герой оказывается в краю сильных, свободолюбивых и гордых, как орлы, людей и попадает в плен:

*Отступник света, друг природы,
Покинул он родной предел
И в край далекий полетел
С веселым призраком свободы!*¹

Присущие передовой молодежи 20-х гг. XIX века такие качества, как самодостаточность, свободомыслие, неприятие мира, находят свое воплощение в пушкинском Пленнике. Слова «вольность» и «свобода», неоднократно встречающиеся в поэме, воспринимались читателем начала 20-х годов с определенным политическим содержанием, продиктованным временем. Вольнолюбие, яркая индивидуальность – специфические черты

Охида ЮЛДАШЕВА. Родилась в Ангрене в 1991 г. Окончила НУУз. Работает преподавателем факультета зарубежной филологии кафедры русского литературоведения Национального университета Узбекистана имени Мирзо Улугбека.

¹ Белинский В.Г. Сочинения Александра Пушкина. – М., 1979, с. 314.

характера пушкинского Пленника, «героя времени», что и было обусловлено понятием «вольнолюбие». Пушкинский Пленник – это обобщенный характер молодежи 20-х гг. Отдав дань господствующему романтическому направлению, Пушкин создает яркий, впечатляющий образ, далекий от реалистической художественной системы, т.к. реалистическое обобщение связано с типизацией, с обогащением характера подробностями, с разработкой его индивидуальности и жизненной правды и полноты. У А. С. Пушкина наблюдается некоторая схематичность, романтическая недосказанность характера и поэмы в целом: малое количество действующих лиц (всего два героя); безымянность героев – главный герой именуется преимущественно «пленник», иногда «русский», однажды «европеец», черкешенка обращается к нему, называя его «русский», иногда «пленник», «невольник». Героиня тоже именуется «черкешенка» или чаще просто «дева» (обычно в сопровождении какого-нибудь эпитета: молодая, юная, бедная) или сочетанием «дева гор». В поэме рассматривается одно событие, один конфликт, который заключен в противоречии между иссушающими страстями европейской цивилизации и нетронутой первобытной природой. Этот конфликт – субстанция души самого героя: с одной стороны, он «жертва страстей», с другой – «друг природы». «Герой прошел через испытание страстями и отравлен европейской цивилизацией. Пленник скрывает в себе «жар мятежный».

Черкешенка – зеркальное отражение Пленника с той разницей, что это «дитя природы». Поэт не дает прямой характеристики своей героине, обращаясь преимущественно к характеристике косвенной. Автор особенным образом сопровождает появление черкешенки: он включает в поэму элегические стихи, чувственные и грустные. Этот тон задан первыми строками, возвещающими ее появление:

*Но кто в сиянии луны,
Среди глубокой тишины
Идет, украдкой ступая?
Очнулся русский. Перед ним,
С приветом нежным и немым,
Стоит черкешенка младая.¹*

Вслед за Пушкиным написал свою поэму с таким же названием – «Кавказский пленник» М. Ю. Лермонтов (1828). Первым ученическим опытом в создании лиро-эпического жанра в творчестве Лермонтова была поэма «Черкесы», написанная в 1828 году под влиянием творчества А. С. Пушкина. М. Ю. Лермонтова, ценителя и знатока Кавказа, поразила точность и красочность описаний в поэме А. С. Пушкина. Возникшие под влиянием пушкинской поэмы оригинальные мысли и чувства вдохновили юного поэта на создание совершенно оригинального художественного произведения, соответствующего его собственному мировоззрению и индивидуальности. Поэт заимствует у А. С. Пушкина подходящие его замыслу идеи, но вместе с тем трансформирует их, видоизменяет большую часть сюжетной линии, хотя называет свое произведение так же, как Пушкин – «Кавказский пленник», так же, как А. С. Пушкин, делит его на две части. Концепция поэмы взята М. Ю. Лермонтовым у А. С. Пушкина, но в изображении кавказской природы М. Ю. Лермонтов оригинален, здесь появляются первые приметы будущего великого художника. Финал пушкинской поэмы показался юному

¹ Белинский В.Г. Сочинения Александра Пушкина. – М., 1979, с. 321.

поэту недостаточно трагичным, поэтому М. Ю. Лермонтов в конце своей поэмы старается усилить впечатление двойным убийством. Освобожденный любящею черкешенкой пленник на ее глазах сражен пулей, посланной отцом черкешенки. Отец попирает убитого ногой, не вынеся этого, черкешенка утопилась. Таким образом М. Ю. Лермонтов усиливает трагизм: старый черкес, застреливший русского, стал убийцей своей дочери.

*Но кто убийца их жестокий?
Он был с седою бородой;
Не видя девы черноокой,
Сокрылся он в глуши лесной.
Увы, то был отец несчастной!*¹

Примечательно, что уже в первом своем произведении Лермонтов выдвигает проблему взаимоотношений отцов и детей (у А. С. Пушкина этого нет), которая в дальнейшем разрабатывается в драматическом творчестве поэта. Деспотизм отца, который довел дочь до трагического самоубийства – достаточно смелая для XIX века идея. Оригинальным и новым в лермонтовской поэме является введение в произведение образов друзей пленника, утешающих его, разделяющих с ним печаль судьбы узника на чужой земле. «В слезах склоняясь к младой главе», стараются эти товарищи по несчастью привести в себя лежащего без чувств пленника. На груди их он страдает и плачет о родине:

*...его мученья
Друзья готовы разделять
И вместе плакать и страдать...*²

Пленник Лермонтова отличается от пушкинского героя. В нем нет разочарованности, хандры, присущих молодому поколению 20-х гг., наоборот, он тоскует по родине, ищет поддержки друзей, в отличие от героя Пушкина, получившего свободу.

Во второй половине XIX века Л. Н. Толстой вновь обращается к образу пленника, создает произведение «Кавказский пленник», которое отличается от поэм А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова и по жанру, и по содержанию. Л. Н. Толстой пишет рассказ, в котором поднимаются те же темы: тема свободы и привязанности к родине, тема сострадания, тема дружбы, но его герой-пленник иной.

В рассказе существенно увеличено количество действующих лиц, обогашены их характеры. Его герои уже обозначены именами, образы индивидуализированы: Жилин, Костылин, Дина. *Жилин* – значит «жилой», «жила», тот, кто дорожит своей жизнью, у кого есть вкус к жизни. *Костылин* – «искалеченный», нравственно ушербный, слабовольный. *Дина* (от греч. – сила) – возможно, Л. Н. Толстой имел в виду, что Дина сильна чистотой, детскостью души, способной творить добро, его Дина восстала против своих родственников. В рассказе Л. Н. Толстого, как и у его предшественников, герои обретают свободу. Однако, по мнению исследователей, в рассказе Л. Н. Толстого смена художественного ракурса и выбор жанра обусловили совершенно иную, полтолстовски тонкую, психологическую концепцию воплощения образа Пленника.

¹ Лермонтов М. Ю. Сочинения. – Т.1, – М.: Правда, 1988, с. 14.

² Там же, с. 12.

В XX веке к теме кавказского пленника обращается В. С. Маканин, во многом предвосхитивший реальные события – военные действия на Кавказе, декабрьские военные операции в Грозном. Рассказ «Кавказский пленный» был написан в сентябре-октябре 1994 г. и напечатан в журнале «Новый мир» (1995 г., № 4), когда военные действия шли полным ходом.

В основе сюжета рассказа – бытовой случай из военных будней: в плен к русским солдатам Рубахину и Вовке-стрелку попадает молодой боевик. Русские собираются обменять пленного на право пройти по дороге, но план не удалось реализовать, так как им путь преграждают две группы боевиков. Для сокрытия своего местоположения Рубахин убивает пленного чеченца.

В «Кавказском пленном» Маканина очевидна эволюция образа пленника. Маканин использует зеркальный прием: в ответ на сюжеты романтических поэм Пушкина и Лермонтова в своем рассказе автор меняет ролями своих героев – теперь чеченец в плену у русских. Значителен и интересен выбор лексемы в названии рассказа Маканина. Субстантивированное прилагательное «пленный», входящее в состав заглавия, имеет детерминированное лексическое значение, «которое как бы обусловлено значениями других слов, поскольку они представляют их стилистические или экспрессивные варианты»¹ В рассказе значение лексемы «пленный» является вариантом слова «пленник» и обусловлено его значением. Различия в оттенках значений помогают автору выразить мысль о том, что его персонажи переживают состояние плена, фактически не находясь в нем. Важно отметить, что в названии используется скрытый оксюморон: эпитет «кавказский» традиционно является символом свободы и находится в противоречии со словом «пленный». Кроме того, прилагательное «пленный» ассоциативно соотносится с «военнопленными» и является отличительной приметой XX в., эпохи жестоких мировых войн.

Даже беглый анализ трансформации героя от «Кавказского пленника» Пушкина до «Кавказского пленного» Маканина дает основание для вывода о том, что образ деформируется от носителя истинных ценностей к представлению ценностей ложных. Герой XIX в. – борец за свободу, а герой конца XX века – солдат, уставший от бессмысленной войны, который не может вернуться домой.

¹ Русский язык: Энциклопедия. – М.: Сов. Энциклопедия, 1979, с. 432.

ТВОРЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ «СОГДИАНЫ»

Татьяна СЕДЫХ

В настоящее время, несмотря на то что мир озадачен решением различных сложных экономических задач, глобализацией, продолжает развиваться музыкальное искусство разных стран и народов. Осуществляются дружеские проекты, способствующие миру и созиданию на планете. «Узбекистан сегодня занимает достойное место и имеет большой авторитет в мировом сообществе. Мы открыты для тесного сотрудничества и практического диалога со всеми государствами мира».¹

Одним из неординарных видов музыкального искусства, объединяющих народы мира, является джаз. Звучит он в самых разных составах, начиная от сольного исполнения до больших оркестров, исполняется и на классических, и на национальных инструментах. Одним из прославленных музыкальных коллективов Узбекистана, получивших признание за рубежом, является лауреат международного конкурса «Golden trophy», многих международных фестивалей Государственный камерный оркестр узбекских народных инструментов «Согдиана» под руководством заслуженного деятеля искусств Республики Узбекистан, профессора Фирузы Равшановны Абдурахимовой.

Классический джаз – это профессиональное музыкальное искусство, насыщенное оригинальной импровизационной музыкой. Поэтому, по мнению Ф. Абдурахимовой, коллективу оркестра было очень полезно встретиться и выступить с джазменами, постигнув новое музыкальное направление.

Коллектив, отметивший свое двадцатипятилетие, осуществляет интереснейшие творческие проекты, находится в постоянном творческом поиске, выступает совместно с зарубежными музыкантами. Проекты коллектива направлены на пропаганду узбекского этно-джаза, выявление его тембровых, ритмических, ладово-интонационных возможностей.

Этно-джаз – значительное стилевое направление современного музыкального искусства Узбекистана, своеобразный феномен национальной

Татьяна СЕДЫХ. Родилась в Ташкенте. Окончила Ташкентскую государственную консерваторию им. Мухтара Ашрафи по классу фортепиано, доцент кафедры музыкально-теоретических дисциплин Государственного института искусств и культуры Узбекистана. Автор ряда научных и методических статей в республиканских и зарубежных изданиях.

¹ Мирзиёев Ш.М. Мы все вместе построим свободное, демократическое и процветающее государство Узбекистан. – Т.: Узбекистан, 2016. – С.32.

культуры. Исследование этноджаза ставит перед учеными ряд сложных проблем. Так, М. Катунян, рассматривая этно явления, отметила, что фольклор и этномызыка характеризуются синтаксическим, модальным мышлением, как культура устной традиции, стихийно открытая к взаимодействию, доопусное коллективное творчество, интерактивное, опирающееся на модели, говорящие на языке метафор, образов-форм, которые осуществляют семантическую связь с древними архетипами и сакральными обрядами.

Узбекский этно-джаз отличается прежде всего особой синтетической природой, своеобразным сочетанием различных истоков на основе импровизационного искусства. Известно, что импровизационность вообще лежит в основе узбекского традиционного музыкального искусства. Исследователь эстрадной и джазовой музыки Узбекистана Л. Юсупов справедливо указывает на моменты общности между узбекским музыкальным наследием и джазом: «Узбекская народная музыка, будучи искусством устной традиции, непременно предполагает в интерпретации наличие варьирования, – в этом прежде всего выявляется творческая индивидуальность исполнителя. Подобное мы наблюдаем и в джазе, где исполнитель именно в вариационных разделах (импровизациях) наиболее полно раскрывает свою индивидуальность».¹ Современный этап развития джаза в Узбекистане подтверждает суждение музыковеда. В этой связи особый интерес представляют суждения известного ученого Т. Гафурбекова о процессе эстрадизации фольклора конца XX – начала XXI веков.²

В репертуаре «Согдианы» звучат не только узбекские национальные мелодии, но и произведения мирового музыкального искусства: джаз, узбекский этно-джаз, демонстрирующий тембровые, ритмические, ладово-интонационные возможности национальных инструментов. Идея исполнения джаза Государственным камерным оркестром народных инструментов «Согдиана» зародилась в 90-е годы в русле поисков новых форм самораскрытия и расширения репертуара.

Джазовые композиции помогают раскрыть уникальность национальных инструментов Узбекистана, – отмечает Ф. Абдурахимова, – с их помощью можно говорить на музыкальном языке разных народов.

Коллектив «Согдиана» осуществляет совместные проекты, преследуя ряд задач: укрепление международных культурных отношений, установление творческих контактов между странами; изучение национальной культуры других стран и их инструментария; исполнение произведений зарубежных композиторов; выявление тембрового звучания ритмических, ладово-интонационных возможностей оркестра узбекских национальных инструментов при исполнении национальной музыки других стран.

В рамках проекта «Мосты взаимопонимания» состоялось творческое содружество двух дирижёров – Ф. Абдурахимовой и гостя из Республики Корея О Сок Шин в Большом зале Государственной консерватории Узбекистана. О Сок Шин дирижировал оркестром «Согдиана», было исполнено несколько корейских произведений: народные мелодии «Ариранг» в обработке Сонг

1 «Советский джаз». Сборник статей. – Москва, 1984 – с. 486-496.

2 Т. Гафурбеков «Эстрадизация» узбекского фольклора: Pro et contra. Сайланма – Избранное. «Musica» наршиёти. Т.: 2009. С. 138-141.

Хван Цоя; «Торади» в обработке Ха Мёнг Су; Уи Чён Пак «Катание на лодках», соло на кануне исполнил Иззатилла Талипов; Уи Чён Пак «Весна поет», соло на нае исполнил лауреат международного конкурса Бекзод Тураев.

После концерта Ф. Абдурахимова отметила, что если не смотреть на оркестр, то при исполнении корейской музыки слышно, как наши музыканты на узбекских народных инструментах достигли большой схожести тембрового звучания с корейскими инструментами.

В мае 2017 года в Республике Корея проходил Международный фестиваль искусств (музыка, театр), на который был приглашен оркестр «Согдиана». Концерты состоялись в Джёнджу и в Намвоне. Заключительный концерт, посвященный 25-летию дипломатических отношений Республики Корея и Республики Узбекистан по инициативе Посольства Республики Узбекистан в Республике Корея прошел в новом концертном зале Сеула «Lotte Concert Hall».

Все концерты прошли с большим успехом, были исполнены произведения композиторов Узбекистана, Кореи, узбекские и корейские народные мелодии, несколько джазовых композиций В. Косма, Marwick Gavin – “Nothern cross rising” («Свет далекой звезды»), «Киномикс» – попурри на основе джазовой музыки к фильмам «Игрушка», «Розовая пантера», «Джеймс Бонд», «Такси», «Властелин морей», инструментованные для оркестра Маджидом Карабаевым.

Как справедливо отмечает Ф. Абдурахимова, «Именно общность культур в их постоянном взаимодействии является залогом жизнеспособности и перспективности каждой национальной культуры, в том числе и культуры национального инструментализма, приоритетом дальнейшего развития и возникновения как новых форм, так и методологий, как в исполнительском искусстве, так и в научной мысли о нем».¹

Многогранная совместная деятельность оркестра «Согдиана» с музыкальными коллективами раскрывает глубину и значимость национального и мирового музыкального искусства, высвечивает дальнейшие перспективы формирования узбекского этно-джаза, демонстрирует самобытность. Все это способствует духовному воспитанию, развитию интеллекта молодого поколения, обогащая содружество, углубляя творческие связи Узбекистана с другими странами, способствуя расширению горизонтов изучения достижений музыкальной культуры других стран. Актуальны и востребованы аранжировки, переложения и обработки для узбекских национальных инструментов мировой классики джаза.

Государственный камерный оркестр узбекских народных инструментов «Согдиана» ожидают новые открытия, новые плодотворные проекты, расширяющие горизонты национальной музыкальной культуры.

¹ Абдурахимова Ф. Р. К проблеме развития культуры национального инструментализма (на примере музыкального исполнительства народов Центральной Азии) // X international music festival “Sharq taronalari”: International conference. – Samarqand, 2015. – С. 60.

САТИРИЧЕСКИЕ ЖАНРЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ПОЭТОВ-«ИСКРОВЦЕВ»

Го Тяньюй

Наиболее распространенными в поэзии «искровцев» явились эпиграммы и басни, вместе с тем довольно широко использовались жанры сатирической песни, анекдота, сатирической поэмы, фельетона, баллады, а также афоризмы, оды, загадки, дружеские послания, стихотворные зарисовки и др.

Фельетон – «жанр художественно-публицистической литературы, которому присущее критическое, нередко комическое, в том числе сатирическое начало и непременно актуальность» [Лит. энци. словарь 1987: 465], этот жанр позволял юмористически осмыслить события, происходящие в общественной жизни, высказать критические замечания. В творчестве В. С. Курочкина – 21 фельетон, в наследии Д. Д. Минаева – 27.

В фельетоне «Нужна ли литература» (1873) В. С. Курочкин в юмористической форме предлагает читателю поразмышлять над очень злободневным вопросом о нужности литературы. Автор здесь надевает маску, заявленную в подзаголовке «Песня современного дельца-эпикурейца», и от лица дельца в шести восьмистишиях убеждает, что «литература не нужна» (фраза, заключающая каждое восьмистишие, повторяясь рефреном). Адресат в тексте не обозначен, т. е. безадресные мысли конкретного социального типажа, считающего литературу ненужной и последовательно доказывающего это. Аргументов у субъекта-маски немало: во-первых, написано достаточно много («Писались оды, оды, оды...»), во-вторых, «наш век и без поэтов славен», в-третьих, «занятому» обывателю некогда читать («Там раут, бал, закуска, ужин...»). Дельца интересуют только произведения о любви с «клубничными» рифмами, чего в современной печати не найдешь:

Но ведь газеты в честь Эрота
Не пишут гимнов, ни одна!

Надев маску и введя в фельетон элементы жанра песни, сатирику удастся спародировать мнение значительной части общества, для которой литература перестала быть актуальной. Читателям предлагается самим подо-

Го Тяньюй (Guo Tianyu) родился в 1989 г. в Китае (Хэйлуцзянь). Окончил магистратуру при пед. университете им. Низами, учится в докторантуре при УзГУМЯ. Живет в Ташкенте. Автор 9 научных статей.

брать аргументы «за литературу».

Жанр песни встречается в творчестве практически всех поэтов-сатириков. У В. С. Курочкина – «Старая песня» (1858), «Свисток и стакан» (1866), «Погребальные дроги» (1868), у А. М. Жемчужникова – «Радостные куплеты» (1893), у Г. Н. Жулева – «Лира моя, лира...» (1867) и др. В текстах обязательно присутствует атрибутика жанра песни: либо поэт объявляет, что это песня, либо указывает на это в самом тексте: «*Последний экипаж людской / Пою я в песне, дроги*» (В. С. Курочкин), или в названии: «Радостные куплеты» (А. М. Жемчужников) и в лирических обращениях: «Лира моя, лира...» (Г. Н. Жулев).

В сатирических песнях поднимаются серьезные общественные и политические вопросы. К примеру, герой А. М. Жемчужникова в «Радостных куплетах» торжествует по поводу сделанных им удивительных открытий:

Блюсти дворянства можно честь,
Но сомневаться в пользе розги.

или:

Возможно публицистом быть,
Не быв безграмотным нахалом.

Праздничная тональность текста подчеркивает контраст между обычностью высказываемых мыслей и удивлением героя от своих «открытий».

Очень актуальным жанром в поэзии «искровцев» является жанр дружеского послания, который заявил о себе еще в начале XIX века в творчестве И. А. Крылова, Н. М. Карамзина, В. А. Жуковского, А. С. Пушкина и др. Дружеские послания в классическом виде адресовались авторами собратьям-поэтам, отражая их точку зрения на литературный процесс, важные общественные явления и пр. В энциклопедическом словаре отмечается, что к середине XIX в. послание перестает существовать как жанр.¹ Однако жанр не исчезает, а трансформируется, приобретая черты пародии и перейдя в разряд сатирических жанров.

Классический вариант дружеского послания встречается у Г. Н. Жулева в стихотворении «Товаришу». В нем противопоставляется мир богатых, у которых «*уха из стерлядей*», «*и брюки, и жилеты*», и множество других благ, миру бедных, которым живется все же веселее и здоровее:

Зато ведь богачам
Подагрой сводит ногу,
А мы, привыкши к шам,
Здоровы, слава богу!

Оптимистическое стихотворение, несомненно, копирует традиционные дружеские послания XIX века, но отличается содержательно: контраст мира богатых и мира бедных вступает в содержательное и эмоциональное противоречие с оптимистическим настроением послания. Песня написана от лица «маски», а не от лица поэта.

¹ Лит. энц. словарь 1987: 291.

К дружеским посланиям можно отнести и стихотворение Д. Д. Минаева «Юмористам», в котором он призывает юмористов смеяться «весело», выбирать безопасные, нейтральные темы и ни в коем случае не затрагивать острых социальных вопросов:

Будьте скромны, как овечка,
Смейтесь без тревог,
Но от желчного словечка
Сохрани вас бог!..

Послание построено на приеме антифразиса, т. е. «употребления слова или выражения в противоположном значении обычно в ироническом смысле»¹, с его помощью поэт выдвигает противоположные заявленным требования к деятельности сатириков.

Сатирические послания могут быть адресованы не только другу или товарищу по писательскому цеху, но и противнику. Д. Д. Минаев в обращении «Провинциальным Фамусовым» (1861) упрекает помещиков и провинциальное дворянство в нелюбви к чтению:

Мы ж, допив шампанское,
Спросим с удивлением:
Дело ли дворянское
Заниматься чтением?

А. М. Жемчужников в «Послании к публицисту ретроградной печати» (1892) выдвигает немало обвинений в адрес заявленного в названии субъекта:

Одерживать меж тем победы любишь ты,
Нам просто зажимая рты.

Особенность послания к противнику в том, что даже самые острые обвинения звучат как дружеский совет, как сетование, а не упрек:

Лишь громко заповедь звучит: «Не рассуждать!» –
Основа главная отечеству служенья.

Классический сатирический жанр – сатирическое стихотворение – не имеет ярких жанровых особенностей. По сути, это просто стихотворение, наполненное в отличие от других стихотворений (любовной, философской, пейзажной лирики) сатирическим содержанием. Взять, к примеру, стихотворение «Шут» Д. Д. Минаева: здесь автор выполняет некое литературоведческое исследование, но не в научном, а в художественном ключе. Поэт пишет, что быть юмористом легко и приятно:

Ведь в наши дни мы ценим смех –
Лишь только б он не ставил в грех

¹ Крылова 2014: 72.

Нам наших собственных прорех
И наших темных дел.

Быть сатириком, то есть видеть *собственные прорехи* и чужие *темные дела* намного сложнее. Будучи сам сатириком, Д. Д. Минаев пытается понять причины успеха юмориста, «шута», в стихотворении звучит даже некоторая зависть к нему, не поднимающему серьезных проблем, но пользующемуся неизменным успехом у публики:

Все чутко слушают рассказ,
Хотя столичный шут
Его читал уже сто раз...

Жанр сатирического стихотворения дает возможность размышлять над проблемой, не будучи связанным какими-то жанровыми канонами, строгими требованиями содержания и формы.

У отдельных авторов встречаются особые жанры. А. М. Жемчужников создает «Современные заметки» (1890) – небольшие по объему стихотворения с характерными заголовками: «О чести», «О правдивости», «О правде», «О приличии», «О духовной скудости». Это действительно по форме заметки – мысли, пришедшие автору по объявленному в названии поводу. В заметках сатирик размышляет, ищет ответы на наболевшие вопросы, поэтому часто использует вопросно-ответные конструкции и риторические вопросы:

Для творческих идей дух времени – препона;
От лучших замыслов получится урод.
Из мрамора резцом ваяют Аполлона,
Но разве вылепишь его из нечистот?
(«О духовной скудости»)

Д. Д. Минаев обращается также к жанру сказки: в стихотворной «Сказке о восточных послых» (1862) рассказывается о том, как послы ходят по России, желая обнаружить «русский прогресс». С помощью приема остранения, глазами неведомых послов автор видит и показывает читателю «прелести» российской жизни: бедная деревня, сонный город, где *«мысль, как и в селах, дремала, / Шепчут о чем-то впотьмах / Два-три усталых журнала»* (эта тема особенно важна для сатирика, критикующего либеральные периодические издания). В конце каждого из пяти восьмистиший звучит рефрен:

«Это ли русский прогресс?
– Это, родимые, это!..»

Сказкой произведение названо, возможно, для того, чтобы подчеркнуть, контрастно выделить правдивость всего, о чем написано.

Д. Д. Минаев использует также жанр мадригала – «небольшого лирического стихотворения, содержащего комплимент или лестную характеристику

лица, к которому оно обращено (обычно к женщине)».¹ Однако в сатирической поэзии мадригал получает соответствующее осмысление: восхваление остается, но звучит весьма иронично.

Выбор жанра обуславливает стилистическое, содержательное, эмоциональное звучание.

Оригинальными жанрами отличается поэзия Козьмы Пруткова. Перу А. М. Жемчужникова принадлежит мистерия Козьмы «Сродство мировых сил» (1884). Мистерия – это «жанр западноевропейского религиозного театра эпохи позднего средневековья»², в котором использовались библейские сюжеты, «религиозная мистика сочеталась с реализмом, набожность – с богохульством»³. В русской литературе XIX века мистерии были редкостью, Сюжет мистерии А. М. Жемчужникова достаточно прост: великий поэт-сатирик собирается повеситься на дубе, так как ему, во-первых, тяжелы «*почести и слава*», во-вторых, он боится «*духа новизны*»:

Пусть без меня придут потоп и трус,
Огонь, и глад, и прочие реформы!..

Однако мировые силы (Северный аквилон, Южный ураган, Звезда небесная, Солнце за горизонтом, Солнце на небесах и др.) мешают ему. Дуб вырван из земли с корнем, поэт «трезвеет», лишь мельком заглянув в загробный мир. Хор мировых сил провозглашает:

Иной живи и здравствуй;
Другой, напротив, сгинь!..
Над всей земною паствой
Мы пастыри; аминь!

В мистерии соблюдены некоторые каноны жанра: выведены мистические герои, наделенные речью, воссозданы противопоставление воли человека и воли природы и зависимость человека от воли «мировых сил». Главной темой произведения являются реформы, которых боятся увенчанные силой и властью богатые и знаменитые.

Сатирики постоянно находятся в поисках новых своеобразных жанров. Так, В. С. Курочкин, к примеру, пишет фельетонную балладу «Новый Пантелей-целитель (подражание старому “Пантелею-целителю” графа А. К. Толстого)» (1875). Автор создает стихотворный жанр, сочетающий черты фельетона, баллады и пародии. В. Н. Румянцев характеризует фельетон как жанр, синтезирующий в своей структуре элементы других жанров – послания, эпиграммы, элегии. Для В. С. Курочкина сочетание фельетона с другими жанрами стало своеобразной игрой. Например, фельетон «Поэту-адвокату» (1875) обозначен им как «реально юридический сонет». Это пародийный сонет по форме (два четверостишия, два трехстишия) и по стилистике (лирическое обращение, пафос, высокая лексика), воплощающий сатирический замысел. Поводом для написания фельетона стало высказанное К. К. Арсеньевым в

1 Квятковский 1966: 149.

2 Лит. энци. словарь 1987: 222.

3 Там же.

«Заметках о русской адвокатуре» (1875) пафосное требование к адвокату защищать обвиняемого, даже если против него сильно возбуждено общественное мнение. В. С. Курочкин явно пародирует К. К. Арсеньева:

Не бойся, адвокат, общественного мненья,
 Когда имеется в виду солидный куш,
 И убеждения податливы к тому ж,
 Берись за все дела! Какие тут сомненья!

В данном фельетоне-сонете-пародии-послании высмеиваются адвокатская беспринципность и жажда наживы – темы, актуальные в публицистике второй половины XIX века. Высокий стиль, создать который призвана форма сонета, является элементом пародии адвокатской литературы и самих адвокатских речей.

В «Полезном чтении» (1859) В. С. Курочкин заявляет форму идиллии, а реализует жанры пародии и фельетона. Пародия проявляется в высмеивании статьи В. И. Аскоченского в «Санкт-Петербургском вестнике», в которой порча статуй в Летнем саду отчасти оправдывалась «нравственными побуждениями» хулиганов, возмущенных наготой скульптурных изображений, т. е. высмеивалась пропаганда невежества. Фельетонные качества состоят в злободневности стихотворения, фактологическом компоненте, наличии реакции на определенное происшествие. Идиллия (классический жанр – изображение мирной жизни на фоне природы) заявлена как сатирический жанр, воссоздающий картинку жизни некоего горожанина, придерживающегося традиционных взглядов и бросающего камень в «*нагую статую*»:

Это все придумал бес –
 Наважденье окаянное!
 Окаянский ваш прогресс!

Помимо жанровых форм сонета и идиллии, сатириками используются с пародийной целью эклога, стансы, трагедия, рапсодия (В. С. Курочкин), запись в альбоме, монолог, легенда, предание, дуэт (Д. Д. Минаев) и другие жанры.

Таким образом, с уверенностью можно утверждать, что в сатирической поэзии второй половины XIX века присутствовали признаки контаминации и даже синтеза различных сатирических и несатирических жанров. Авторы творчески трансформировали их, используя необходимое в данный момент для оптимального достижения сатирической цели, привлекая в том числе жанровые формы несатирического плана. Каноны жанра перестали определять творчество сатирика.

**КОМПОЗИЦИОННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ
ПОВЕСТЕЙ СУХБАТА АФЛАТУНИ
«ПЕНУЭЛЬ» И «ДЕНЬ СОМНЕНИЯ»**

Азиза БАЛТАБАЕВА

Современная русскоязычная повесть Узбекистана, творчески переосмысляя традиционное своеобразие жанра повести в русской и узбекской литературах, активно использует притчевость, как один из принципов конструирования текста. «Притчевое слово позволяет писателям дать свою интерпретацию постижения Абсолюта, рефлексировать по поводу субстанциальных основ бытия, пригласить читателя к диалогу».¹

В современном литературоведении притчевость признается «явлением стиля, тяготеющего к общекультурной символике в разрешении метафизических противоречий бытия».² В узбекистанских русскоязычных повестях притчевость используется не только как способ воссоздания символики, аллегории, но и как возможность перекодирования восточных традиций, в частности, восточной кисса.

В повестях С. Афлатуни активно используется притчевость, аллегория, сентенции, авторские цитаты, образы-символы, ретроспективный взгляд на культурное наследие узбекского народа как способ художественного воплощения не только восточного стиля, но и особого способа мышления.

В повести «Пенуэль» через символику, сны и легенды, а также образы-аллегии реализуется конструктивный принцип притчевости. Тот же прием используется и во многих других повестях этого периода (М. Кагарлицкий, Г. Востокова, И. Хаммадов). Для художественного текста С. Афлатуни характерна многослойность образов, позволяющая всесторонне осветить проблему, раскрыть ее обобщенно-аллегорический смысл. Название повести имеет символический смысл. В переводе «Пенуэль» означает «богоборец». Уже в названии повести отмечается главная характерологическая особенность ее героя Якова (Иакова) – противостояние естественному ходу вещей, борьба. Герой борется с Ангелом, посланником Бога, за свою вечную жизнь, здесь же в заглавии повести дается экспозиция и завязка конфликта и аллюзия к библейскому сюжету из Ветхого Завета.

Азиза БАЛТАБАЕВА. Родилась в 1989 г. Окончила факультет зарубежной филологии НУУз. Преподаватель кафедры мировой литературы в НУУз. Автор нескольких научных публикаций.

1 Камилова С.Э. Современный рассказ: содержательные векторы и повествовательные стратегии (динамика жанра в русской и узбекской литературах). – Ташкент., 2016. – С. 212.

2 Мусхелишвили Н., Шрейдер Ю. Притча как средство инициации живого знания// Филологические науки, 1989. – № 9. – С.101-104.

В повести правнук рассуждает об имени Яков: Яков – это имя всех борцов – ангел Иаков, Яков Свердлов, Ленин. «Ленин? <...> Ленин был Ульяновым, то есть Юлиановым. Юлиан – отступник, слышали, который христианином был, а потом против христиан гонения начал? То-то, но и Яковом он все-таки был, этот Ульянов, хотя неявно».¹ Прецедентное имя Яков, включенное в русскоязычный текст, приобретает новый смысл, требующий иного прочтения, поскольку часто используется в авторском метафорическом значении, создавая новый подтекст.

Включенная в повествование легенда о стеклянном человечке придает повести обобщенно-аллегорический характер и является смысловым ядром произведения. Сказка-притча о стеклянном человеке дается в летаргическом сне правнука Якова: «Мои стеклянные ступни перестали удерживаться в воздухе. Они упали на ковровую дорожку и разбились. Я полетел лицом в осколки моих ног».² Потеря жизненных устоев, идеалов постепенно превращает Якова в стеклянного человека. Как и герой сказки, Яков теряет субстанцию жизни – любовь к Гуле, теряет интерес и вкус к жизни, впадает в летаргический сон и в итоге разбивается.

Другим уровнем притчевости в повести являются сны героя про единорога и девственницу: «Белого единорога волокут в сетях охотники. Его ноги связаны; выпуклые глаза уже мертвы. Мясо – на шашлык, шерсть – на носки детям, рог – на сувениры. Дева поправляет складки платья, шлет охотникам готический поцелуй. Замирает в ожидании новой добычи».³

Этот сон, будто в кривом зеркале, отражает и продолжает сказку о единороге и девственнице. В оригинале Яков рассказывает Гуле, что единорог стал жертвой охотников, его выманили на запах девственницы. Во сне герой видит жестокую расправу над единорогом и хищный оскал далеко не невинной девы. Единорог – символ мечты, детства, волшебства. Во сне происходит жестокое надругательство мира взрослых над детской мечтой. Все герои повести переживают такое надругательство: впадшая в летаргический сон девушка из метро утрачивает мир детства, санитарка отрезает девушке косы – тоже надругательство над детским миром. Испокон веков косы символизировали девичество, чистоту. Обрезать косы в славянской мифологии означало перейти в статус замужней женщины. Отрезание девичьей косы, будто в кривом зеркале, отражает банальное воровство жизни, детства у больной девушки.

Размышляя о специфике притчевости, известные филологи Н. Лейдерман и М. Липовецкий отмечали, что одной из структурно-семантических особенностей притчи является подчиненность переднего (изобразительного, сюжетного) плана второму, метафизическому, плану.⁴ Это суждение объясняет ряд семантически емких образов, отдельных деталей предметного или психологического характера, используемых С. Афлатуни.

Так, ключевую роль играет образ Ленина, с ним связаны воспоминания Гули и Якова-младшего. Гуля хранит память о Ленине, рьяно защищает его личность в спорах, демонстративно носит значки с изображением Ленина. Для нее Ленин – это символ детства, чистоты, первой любви. Для маленького Якова Ленин тоже был дорогим человеком, но взрослый Яков об этом забыл, будто предал свое детство.

Образ-символ Наргис тоже играет важную роль в воссоздании иносказательности повествования. Этот переодетый мальчик стал вечным невидимым

1 Афлатуни С. Пенуэль// <https://libking.ru/>

2 Там же.

3 Там же.

4 Лейдерман Н., Липовецкий М. Современная русская литература в 2-х томах. Т.2.(1968-1990)// <https://www.libfox.ru/250722-n-leyderman-sovremennaya-russkaya-literatura-1950-1990-e-gody-tom-2-1968-1990.html>

спутником Якова на протяжении всей жизни. Образ лжеженщины Наргис становится для прадеда Якова символом утраченного детства. Мальчик-женщина, переживший трагедию насильственной смерти родителей и братьев, сходит с ума, выпадает из нормальной жизни, т.е. становится живым мертвецом. Он изолирован от мира, разговаривает с камнями, воображая их родственниками, и лишь во время танца будто оживает: *«Дух у него в пляске был, дух, понимаешь. Никогда больше столько духа в пляске не видел»*.¹ Именно за этим «духом», за движением жизни стремится Яков, опережая смерть. Насильственная смерть Наргис потрясла Якова, завидовавшего этому «мертвому» мальчику на протяжении всей его жизни...

Знаковым в миропонимании Якова-правнука становится образ стола. Долгое время до знакомства с прадедом Яковым отец и маленький Яков жили под столом в квартире родственников. Жизнь под столом интерпретируется в нескольких аллегорических значениях: указание на самый низкий социальный статус в семье (на задворках жизни); значимое центральное место стола в квартире (именно за столом собиралась вся семья, а под столом маленький Яков становился и королем подстольных маневров, и любимым массажистом бабушки); обладание знанием истинной сущности всех членов семьи; личное, детское пространство в квартире, тайное место, позволяющее спрятаться от внешнего мира.

Повесть «Пенуэль» отличается множественностью смыслов (исторический, социальный, экзистенциальный, метафизический), реализуемых через конструктивный принцип притчевости, воссоздающей структурно-семантическую целостность произведения.

Притчевость, образы-символы, включение легенд, характерны и для повести «День сомнения».

По толковому словарю день сомнения – это «день с непонятными событиями». Загадочные события случаются с героями на протяжении всей повести (исчезновение Якуба, встреча с Ермолаем Тимофеевичем, убийство Серого Дурбека).

По-другому толкует «день сомнения» исламская религия: это «первый день уразы, когда из-за облачности невозможно увидеть молодой месяц на небе». В повести реализуются оба означенных смысла.

Фрагментарность описываемых, на первый взгляд, абсурдных, не связанных между собой событий, в итоге выстраивается в целостную картину мироустройства в Дуркенте. Главный герой Руслан Триярский – русский мусульманин – держит пост и ждет день сомнения (начала священного поста).

Жанробразующим признаком повести является включение легенды о гелиотиде в главе «Час тринадцатый. Дурбек и Акчура». В основе легенды о Дурбеке и Акчуре лежит библейский история о рождении Христа, благая весть о событии – благовещение. Образы трех царей воплощают трех волхвов, которые следовали за звездой и нашли святого младенца. Христос одарил их камнем, отломив его от своей колыбели. У С. Афлатуни три царя получают священный камень Гелиотид, который стал и проклятьем, и благословением города Дуркент. Иблис, наславший чуму на камни гелиотида, превратил чудотворный камень в яд, отравляющий все последующие поколения Малик-хана. И лишь пожертвовавший своим сыном-черепахой Акчура получил дар отличать проклятый камень от святого. Все потомки Акчуры становятся стихотворцами. Эта притча выполняет в повести функцию посредника между историей и людьми, моделируя возможные ситуации и их решение. По видовым характеристикам повесть

¹ Афлатуни С. Пенуэль// <https://libking.ru/>

относится к притче: – пророчеству.

В шестой части (шестом часу) дается завязка основного конфликта – поиск выхода из лабиринта. В этой главе две сюжетные линии сливаются воедино, становясь зеркальным отражением легенды о гелиотиде.

Образ-символ камня в восточной традиции имеет философское значение. В мусульманской религии камень соотносится со священным черным камнем Кааба. Согласно словарю символов, камень означает «стабильность, продолжительность, надежность, бессмертие, нерушимость, вечность, неуничтожаемость Высшей Реальности»¹, Кааба – символ «вселенной, нерушимости, вечности». Таков в повести гелиотид – вымышленный камень, который используется властями Дуркента для манипулирования народами: «*Потом... гелиотид – ну это вы знаете – стал использоваться в оборонке, в Дуркент покатали поезда с эсками, и в шахтах зазвучали другие песни <...> Именно с этой целью он и добывался оборонкой – басни про его применение в радиотехнике распространялись для дезы. Еще в тридцатые были изучены все древние легенды о потере разума от диадемы или какого-нибудь ожерелья из гелиотида, а также статистика психических расстройств у добытчиков-дуркоров<...> Гелиотидная пушка: в сочетании с соответствующими продуктами питания – уникальное средство для гелиотизации масс».² Из священного символа мироздания камень превращается в оружие против человечества, являя альтернативный взгляд автора на исторические события.*

Образ-символ черепахи помогает воссоздать обобщенно-аллегорический смысл повести: «во многих культурах это древнейший, окруженный особым почтением, символ космического порядка: с ним часто связывают начало творения и образ существа, поддерживающего мир <...> защита, безопасность, доспехи, латы, шит»³. В повести можно выделить несколько смысловых аспектов образа черепахи:

- 1) защитник и спаситель Руслана Триярского – истинного потомка правителей Дуркента;
- 2) черепаший царь, страж гелиотидов, охраняющий вселенную от сил зла. Образ-символ, наделенный значением основополагающего существа, на котором стоит мироздание.

Не менее важным смысловым значением в повествовании С. Афлатуни обладает образ-символ лабиринта, куда попадают Акчура и Триярский в шестой главе. Лабиринт символизирует мир, Вселенную, непостижимость и вечность ее движения. Непрерывность лабиринта – вечность, бессмертие, сложное движение человека к Истине, к обновлению, познанию нового, достижению жизненно важных целей.

В лабиринте находится трон Малик-хана из гелиотида, полудрагоценного камня, вызывающего физические и умственные отклонения. Сам трон, влияние камня на людей, эксперименты властей над детьми воплощают социальные проблемы времени, показывают влияние власти на человека, политическое манипулирование народом.

Притчевость как конструктивный принцип повестей С. Афлатуни, наличие образов-символов, включение в нарратив легенд и снов – специфические приемы, позволяющие автору создать обобщенное художественное полотно, перевести повествование из бытового описания в философское обобщение.

¹ Словарь символов// <https://dic.academic.ru/>

² Афлатуни С. День сомнения// <https://libking.ru/>

³ Краткая энциклопедия символов/ под ред. А. Грефенштейна // <http://www.symbolarium.ru/>